
К50 2/23.
т.1 в.1
Бф/1

РОССІЯ и ЕЯ СОЮЗНИКИ

ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ

Изданіе Д. Я. Маковскаго
МОСКВА

В.

1

ИЗДАНІЕ
Д.Я. МАКОВСКАГО
МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО·ТИПОГРАФІИ·
А.И.МАМОНТОВА·

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

РОССІЯ И ЕЯ СОЮЗНИКИ

ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ

I. РОССІЯ и ЕЯ СОЮЗНИКИ ПЕРЕДЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНОЙ.

II. РОССІЯ и ЕЯ СОЮЗНИКИ ВЪ БОРЬБѢ ЗА КУЛЬТУРУ (ИСТОРІЯ ВОЙНЫ).

III. ИТОГИ.

[Т. 1 Вып. 1.]

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО
МОСКВА—MCMXVI.

ОТДѢЛЪ I

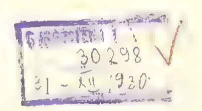
РОССІЯ и ЕЯ СОЮЗНИКИ ПЕРЕДЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНОЙ

РЕДАКТИРОВАНІЕ ПРИНЯЛИ НА СЕБЯ:

проф. Э. Д. ГРИММЪ, проф. М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, проф. Б. В. ФАРМАКОВСКІЙ.

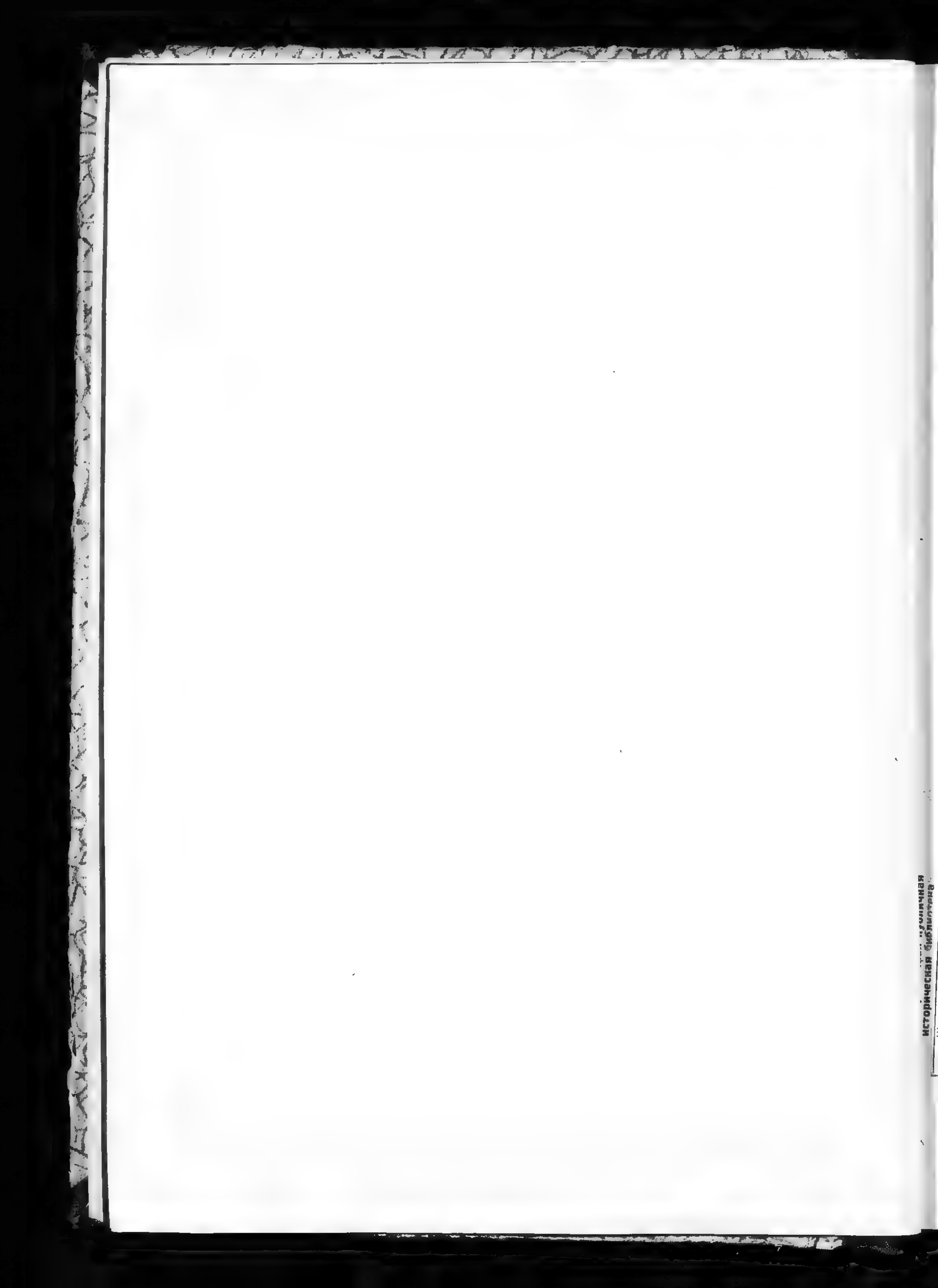
УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ

Александръ Н. БЕНУА, И. Н. БОРОЗДИНЪ, В. Я. БРЮСОВЪ, проф. В. А. БУТЕНКО, почетный акад. проф. А. Н. ВЕСЕЛОВСКІЙ, С. И. ГИНТОВТЪ, прив.-доц. И. И. ГЛИВЕНКО, проф. І. М. ГОЛЬДШТЕЙНЪ, директоръ Государственнаго Архива С. М. ГОРЯИНОВЪ, ректоръ Импер. Петроградскаго Универс. проф. Э. Д. ГРИММЪ, М. В. ДОБУЖИНСКІЙ, кн. Пав. Д. ДОЛГОРУКОВЪ, проф. Л. П. КАРСАВИНЪ, членъ Государ. Совѣта академикъ проф. М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, академикъ проф. Н. П. КОНДАКОВЪ, профессоръ С. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ, Е. Е. ЛАНСЕРЕ, акад. С. В. НОАКОВСКІЙ, прив.-доц. Н. П. ОТТОКАРЪ, проф. А. Л. ПОГОДИНЪ, проф. М. Н. РОЗАНОВЪ, проф. М. И. РОСТОВЦЕВЪ, проф. А. Н. САВИНЪ, членъ Госуд. Совѣта сенаторъ Н. С. ТАГАНЦЕВЪ, проф. Евг. В. ТАРЛЕ, проф. Б. А. ТУРАЕВЪ, проф. Б. В. ФАРМАКОВСКІЙ, прив.-доц. М. С. ФЕЛЬДШТЕЙНЪ, генер. штаба ген.-майоръ А. Д. ШЕМАНСКІЙ, а также рядъ другихъ виднѣйшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ Россіи и союзныхъ съ нею государствъ.

ТОМЪ I

ЗАЧАТКИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

историческая

РОССІИ вторично приходится выступать въ роли охранительницы международнаго права. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ она, изгнавъ изъ своихъ предѣловъ полчища Наполеона, въ союзѣ съ Австріей, Пруссіей и Англіей, положила начало равновѣсію христіанскихъ державъ. Миръ, дарованный ею Европѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ, продержался болѣе сорока лѣтъ съ временными нарушеніями въ эпоху революцій 30-го и 48 года, если не говорить о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Неаполя и Испаніи, въ которомъ Австріи и Франціи пришлось выступать въ роли исполнительницъ рѣшеній европейскаго согласія. Единство Италіи и единство Германіи нанесли рѣшительный ударъ этому согласію. Послѣ франкфуртскаго мира Германія, не приступая къ новымъ завоеваніямъ и только подготовляя ежечасно кровавую развязку, которой мы являемся свидѣтелями, стала экономически завоевывать Европу. Безъ новыхъ войнъ она сумѣла не только отнять рядъ рынковъ у Англіи, наводнить своими товарами Россію, Балканскія страны и самую Бельгію, но и положить начало своей колоніальной политикѣ столько же на Тихомъ Океанѣ, сколько и на африканскомъ материкѣ. Она выступила, правда, слишкомъ поздно для того, чтобы захватить лучшія земли. Но ея военный флотъ, постоянно расширяемый, особенно за послѣдніе годы, становился все большей и большей угрозой для тѣхъ, кто, какъ Англія, Франція и Испанія, считали возможнымъ рѣшать колоніальные вопросы частнымъ соглашеніемъ между собой. Настоящая война, вызванная несговорчивостью германскаго кайзера, раскрыла дѣйствительныя намѣренія нашихъ сосѣдей. Германія явно стремится къ тому, чтобы расширить свои предѣлы и отвоевать у Англіи ея владычество надъ морями. Ее не останавливаетъ болѣе ни святость подписанныхъ ею договоровъ, ни элементарныя требованія международнаго права, для котораго всѣ государства, независимо отъ ихъ величины и населенности, равно призваны самоопредѣлять свои судьбы. Европа, не допустившая міровового владычества ни Испаніи, ни Франціи, сумѣвшая дать отпоръ и Филиппу II-му, и Людовику XIV-му, и Наполеону, снова поднялась во всеоружіи, чтобы отстоять свою свободу. Европа представляетъ

теперь союзъ Россіи, Франціи, Англіи, Италіи, Сербіи и Черногоріи, да еще того, что осталось отъ многострадальной Бельгіи. Европа не сложитъ оружія, несмотря на временныя превратности судьбы, пока ей не будетъ обезпечена возможность мирнаго развитія безъ страха гегемоніи, новыхъ насилій и вторженій со стороны не признающаго никакихъ обязательствъ врага. Въ одномъ желаніи обезпечить народамъ ихъ независимость и возможность мирнаго роста ихъ гражданственности сошлись столь отличныя другъ отъ друга государства, какъ Россія и Англія съ Франціей, Бельгія и Италія, съ одной стороны, Сербія и Черногорія — съ другой. Не исключена возможность присоединенія къ этой Европейской лигѣ и новыхъ членовъ. Чтобы вести успѣшно общее дѣло, необходимо взаимное пониманіе характера, цѣлей и народной психологіи всѣхъ и каждаго изъ союзниковъ. Это пониманіе, насколько рѣчь идетъ о Россіи, далеко не можетъ быть признано всеобщимъ. Его надо сдѣлать достояніемъ широкаго круга читателей. Въ этомъ лежитъ причина предпринятаго нами изданія. Въ рядѣ книгъ, посвященныхъ каждая одному изъ союзниковъ, мы намѣреваемся въ общихъ чертахъ изобразить прошлое и настоящее тѣхъ народовъ, которые борются за свободу, право и миръ Европы.

Наша высшая задача — дать читателю возможность понять народную психологію нашихъ союзниковъ (англичанъ, французовъ, бельгійцевъ, итальянцевъ, японцевъ и южныхъ славянъ). Но этого нельзя сдѣлать, не познакомившись съ тѣмъ, каковы основы государственнаго и общественнаго уклада каждой изъ указанныхъ націй, въ чемъ проявилось ея творчество въ области науки, искусства, литературы, каковы ея завѣтные идеалы и обусловленныя ими ближайшія заданія. Всѣ эти вопросы сами по себѣ настолько сложны, что по необходимости требуютъ согласованной коллективной работы. Подъ руководствомъ извѣстныхъ въ Россіи спеціалистовъ историки, политики, экономисты, художники, литераторы призваны будутъ дать свою оцѣнку различнымъ проявленіямъ гражданственности и культуры у нашихъ союзниковъ.

Задача огромная, нелегко осуществимая, среди переживаемаго нами міроваго кризиса; но въ то же время задача неотложная и способная заинтересовать всѣхъ тѣхъ, кому дорого конечное торжество народовъ, одухотворяемыхъ одними и тѣми же высокими стремленіями. Такой задачѣ стоитъ отдать себя. Взаимное пониманіе—залогъ успѣха. Отымая у нашихъ ученыхъ спеціалистовъ часть ихъ времени, заставляя ихъ отказаться отъ обычнаго занятія изслѣдователя, отъ непосредственной работы по источникамъ, требуя отъ нихъ, такимъ образомъ, нѣкотораго самопожертвованія, мы находимъ оправданіе себѣ въ той высокой и полезной цѣли, какую преслѣдуетъ предпринимаемое нами изданіе.

Максимъ Ковалевскій

Статья проф. Э. Д. ГРИММА.

I.

ИЗУЧАЯ развитіе древняго міра, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ историковъ пришелъ къ убѣжденію, что, вопреки обычному мнѣнію, не внутренняя жизнь народа опредѣляетъ теченіе его внѣшней жизни, а, наоборотъ, внѣшнія условія и отношенія имѣютъ рѣшающее вліяніе на ходъ внутренняго развитія каждаго народа.

Несмотря на всю свою кажущуюся парадоксальность, это сужденіе содержитъ, несомнѣнно, болѣе значительную долю истины, чѣмъ можно было бы предположить согласно ходячимъ представленіямъ объ относительной неважности войнъ и военныхъ событій въ культурномъ развитіи человѣчества. Обычно войны разсматриваются только съ точки зрѣнія сопутствующаго имъ разоренія болѣе или менѣе обширныхъ областей, съ точки зрѣнія гибели сотенъ и тысячъ людей, съ точки зрѣнія специфической жестокости военныхъ нравовъ и вызываемаго ими огрубѣнія жизни въ цѣломъ. Все это совершенно вѣрно, и совсѣмъ нетрудно увеличить списокъ отрицательныхъ сторонъ и послѣдствій всякаго рода войнъ до чрезвычайности. И если, тѣмъ не менѣе, находятся и принципіальные защитники войны, то это, разумѣется, не значитъ, что, признавая войну явленіемъ не только неизбѣжнымъ, но и по тѣмъ или инымъ причинамъ желательнымъ, они не отдаютъ себѣ отчета въ ужасахъ, неизбѣжно связанныхъ съ войной. Убѣжденію послѣдовательныхъ пацифистовъ, видящихъ въ войнѣ только зло, здѣсь противополагается не отрицаніе того, что въ войнѣ есть зло, а убѣжденіе, что зло, сопутствующее войнѣ, искупается благими послѣдствіями,—убѣжденіе,—что полное замиреніе человѣческой жизни принесло бы человѣчеству не благо, а непоправимый вредъ.

Можно соглашаться съ этой точкой зрѣнія или отвергать ее, но нельзя отрицать, что война и опасность войны имѣли огромное организующее вліяніе на человѣческія массы, — вліяніе столь огромное, что передъ его лицомъ тускнѣютъ иныя относящіяся сюда вліянія не только въ давнопрошедшія времена, но, повидимому, и въ наши дни.

Жизнь Европы находится сейчасъ подъ знакомъ національнаго вопроса. Этотъ вопросъ доминируетъ и въ структурѣ общеевропейской жизни и въ жизни каждаго изъ европейскихъ

государствъ, — доминируетъ даже надъ соціальнымъ вопросомъ, способнымъ, казалось, поглотить всю сумму общественной энергіи европейскаго міра.

Но если спросить себя, какъ сложились европейскія національныя государства и какія событія и интересы сыграли наибольшую роль при ихъ созданіи, то не придется ли признать, что организующимъ началомъ въ эволюціи европейскихъ націй были именно внѣшняя опасность, война и стремленіе уберечь себя отъ нея?

Созданіе современныхъ національныхъ государствъ опредѣляется, разумѣется, какъ наличностью извѣстной среды, болѣе или менѣе однородной въ этнографическомъ и въ культурно-психологическомъ отношеніи, такъ и наличностью постепенно усиливающейся экономической связи между разными элементами этой однородной среды, такъ, наконецъ, и наличностью болѣе или менѣе благопріятныхъ географическихъ условій, и т. д. И все же, именно внѣшняя опасность, особенно опасность, пріобрѣтающая характеръ иноземнаго нашествія и ига, представляетъ самое сильное средство для возбужденія и укрѣпленія національнаго чувства,—самое дѣйствительное испытаніе національнаго сознанія и національной энергіи.

Что можетъ быть характернѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ условія развитія французскаго національнаго сознанія и государства? Процессъ созданія современной французской націи охватываетъ періодъ въ 1000 лѣтъ. Въ деталяхъ своихъ онъ намъ извѣстенъ лишь со своей политико-юридической стороны, тогда какъ процессъ развитія національнаго сознанія французовъ въ значительной степени ускользаетъ отъ нашего вниманія. Лишь отдѣльные эпизоды въ этомъ крайне медленномъ процессѣ—tantae molis erat Romanam condere gentem!—доступны нашему наблюденію, и любопытно, что всѣ они такъ или иначе связаны съ моментами острой внѣшней опасности. Героическая защита Парижа противъ норманновъ въ 888 г., битва при Бувинѣ въ 1214 г., движеніе, связанное съ именемъ Жанны д'Аркъ, побѣдоносная борьба революціонныхъ войскъ противъ европейской коалиціи,—таковы наиболѣе яркіе этапы этого процесса: опасность норманнскихъ набѣговъ, опасность англійскаго владычества, страхъ передъ вмѣшательствомъ европейскихъ державъ въ дѣло переустройства Франціи, начатое въ 1789 г.,—таковы тѣ факты и опасенія, которые каждый разъ съ все большей силой заставляютъ французовъ сплачиваться и сознавать себя однимъ народомъ. И кто можетъ сказать, не поставитъ ли будущій историкъ на ряду съ этими событіями войну 1914 и слѣдующихъ годовъ, войну, объединившую въ одномъ порывѣ самые, казалось, непримиримые элементы французскаго народа, войну, вліяніе которой на міросозерцаніе и этику Европы и, въ частности, французскаго народа никто рѣшительно не въ состояніи учесть?

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе національнаго развитія другихъ европейскихъ народовъ,—это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи,—и отмѣчая лишь наиболѣе характерные, относящіеся сюда факты, достаточно указать хотя бы на значеніе борьбы съ маврами для испанской жизни, на значеніе половецкой опасности (едва ли не послужившей первымъ толчкомъ къ проникновенію идеи „Русской земли" въ болѣе широкія массы) или польскаго нашествія временъ смуты для русской жизни, на значеніе страха передъ тевтонскимъ орденомъ въ образованіи польско-литовскаго государства, на значеніе французскаго (Наполеоновскаго) владычества въ нѣмецкой жизни, и т. д., и т. д.

Надо ли, наконецъ, распространяться о томъ значеніи, которое пріобрѣла уже нынѣ страшная борьба нашихъ дней? Нужно ли доказывать, что это вліяніе будетъ расти, что мы всѣ испытываемъ его такъ или иначе, и что никто не сумѣетъ сказать, какъ потрясающія впечатлѣнія этой европейской гигантомахіи отразятся не только на внѣшнемъ устройствѣ и политическомъ быту европейскихъ народовъ, но и на всемъ ихъ тонусѣ жизни, на отношеніи ихъ ко всякаго рода „проклятымъ вопросамъ" европейской культуры — начиная отъ вопросовъ религіозныхъ и кончая хотя бы вопросомъ объ устроеніи семейной жизни. Огромное культурное значеніе поднятыхъ этою войною проблемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, но и не можетъ

быть сведено къ одному знаменателю: разныя отдѣльныя, въ отдѣльности, пожалуй, даже и мало замѣтныя, черты воздѣйствія современной войны на бытъ и психику европейскихъ народовъ должны быть тщательно отмѣчены и подобраны, раньше чѣмъ можно будетъ составить себѣ даже приблизительное представленіе о дальнѣйшей линіи эволюціи. Исчезновеніе водки изъ нормальнаго обихода русской жизни, изъ русскаго бюджета, изъ числа тѣхъ китовъ, на которыхъ зиждилась русская государственность, — одно это есть фактъ первѣйшей европейской культурной важности: кто учтетъ нынѣ не только его экономическое, но и его культурно- и политико-психологическое значеніе? Кто скажетъ, съ другой стороны, каково будетъ значеніе того примиренія не одной только офиціальной Франціи съ католицизмомъ, которое проявляется въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ фактовъ, и значеніе котораго во всякомъ случаѣ отнюдь не исчерпывается идеей концентраціи всѣхъ силъ французскаго народа противъ нѣмецкаго нашествія, а идетъ гораздо дальше? И кто скажетъ, какъ далеко оно идетъ? Кто опредѣлитъ то значеніе, которое нынѣшняя борьба будетъ имѣть для пробужденія дремлющихъ или еле пробуждающихся силъ не только желтаго, но и чернаго міра? Можно ли думать, что совершающееся на ихъ глазахъ систематическое самоистребленіе народовъ властвующей надъ ними Европы,—зрѣлище, равнаго которому міръ понынѣ не видалъ,—не оставитъ слѣда на ихъ отношеніи къ европейцамъ и на ихъ собственныхъ чаяніяхъ? Какіе разсказы, какія мысли принесутъ съ собой изъ Европы многочисленные отряды мусульманскихъ воиновъ, сражающихся нынѣ на всѣхъ фронтахъ бокъ-о-бокъ съ европейцами то въ качествѣ союзниковъ, то въ качествѣ враговъ взволновавшей міръ Германіи? И чѣмъ кончится эта борьба для самой Германіи? Вящшимъ торжествомъ того обожествленія техники, внѣшней силы и поглощенія личности цѣлымъ, на которомъ зиждутся всѣ успѣхи нѣмцевъ, съ неизбѣжнымъ, при такихъ условіяхъ, отмираніемъ интереса и чутья ко всѣмъ наиболѣе утонченнымъ проявленіямъ подлинной человѣческой культуры, или такой Каноссой, изъ которой, принесши покаяніе, нѣмецкій народъ сможетъ вернуться внутренно обогащеннымъ къ своей работѣ?

Но если только вѣрно, что внѣшнія условія народной жизни, международная атмосфера національнаго существованія, имѣетъ то чрезвычайное значеніе, которое проявляется особенно явственно и чувствительно въ моменты остраго нарушенія привычнаго въ данное время международнаго status quo, т.-е. въ моментъ военнаго разрѣшенія назрѣвшихъ постепенно конфликтовъ, тогда придется признать, что обычное пренебрежительное отношеніе нашего общества къ дипломатической игрѣ, къ „внѣшней исторіи“, къ вопросамъ военной подготовки и военной организаціи, къ вопросамъ военнаго образованія наконецъ, должно быть устранено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Даже самые убѣжденные пацифисты, вѣроятно, не откажутся признать, что современная война не только укрѣпила ихъ въ ихъ отрицательномъ отношеніи къ войнѣ, но и убѣдила ихъ въ томъ, что Европа гораздо дальше отъ торжества идей пацифизма, чѣмъ они думали, — что покуда въ центрѣ Европы существуетъ самая грозная военная организація, какую зналъ до сихъ поръ міръ, покуда нація, создавшая эту организацію, не отказалась отъ того культа своей силы, во имя котораго она создала эту организацію, интересы европейской культуры требуютъ, чтобы другіе европейскіе народы не только не увлекались идеями пацифизма, но стремились къ тому, чтобы не стать добычей сильнѣйшаго,—чтобы своевременно удержать его собственной подготовленностью отъ искушенія испробовать на нихъ свои силы.

Изумленіе передъ чудовищной силой нѣмецко-австрійской военной организаціи, охватившее за этотъ первый годъ войны весь міръ, изумленіе, скорѣе возраставшее до сихъ поръ, чѣмъ падавшее съ теченіемъ времени, не свидѣтельствуетъ о прозорливости европейскаго общества, о прозорливости всѣхъ насъ, военныхъ и не-военныхъ. „Они не знали“—этими полуснисходительно-пренебрежительными, полусердитыми словами характеризовалъ 10 лѣтъ тому назадъ Л. Нодо невѣдѣніе, въ которомъ находились и наши офиціальные круги и всѣ мы по части Япо-

нiи, ея военной и морской мощи. Приходится признать, что эти слова не утратили своего значенiя и сейчасъ, съ тѣмъ только отличiемъ, что содержащееся въ нихъ сужденiе должно быть распространено помимо насъ и на французовъ и на англичанъ. Если бы всѣ они „знали“, развѣ они бы допустили до того, что на десятомъ мѣсяцѣ войны были вынуждены признать, что они не только „не ожидали“ громаднаго артиллерiйскаго превосходства Германiи, но и не сдѣлали за эти десять мѣсяцевъ почти ничего серьезнаго для того, чтобы противопоставить мобилизацiи всѣхъ силъ нѣмецкой промышленности такую же мобилизацiю собственной промышленности?

Не надо забывать одного. Когда мы говоримъ съ осужденiемъ: „они не знали“, мы осуждаемъ не только тѣ круги, которымъ все сiе прежде всего вѣдать надлежитъ, тѣ круги, которые взялись въ первую голову думать и дѣйствовать за остальное общество какъ въ другихъ отношенiяхъ, такъ, въ частности, и въ сферѣ военнаго дѣла, — мы осуждаемъ и самихъ себя. Кто изъ насъ „зналъ“, — мало того, кто изъ насъ считалъ нужнымъ „знать“?

И тутъ нельзя ссылаться на то, что насъ настойчиво прiучали и подъ конецъ прiучили къ мысли, что это не нашего ума дѣло, что изъ всѣхъ областей государственной жизни именно область международныхъ отношенiй, область военнаго и морского дѣла представляетъ по преимуществу arcanum imperii, то таинственное святая-святыхъ, до котораго не долженъ подыматься глазъ непосвященнаго. Если удалось насъ прiучить къ такой нелѣпой мысли, то причина заключается отнюдь не въ убѣдительности подтверждавшихъ ее аргументовъ, а въ нашемъ собственномъ глубокомъ равнодушiи къ соотвѣтствующей категорiи вопросовъ. Или кто-либо будетъ отрицать, что наше общество въ подавляющей своей массѣ относилось болѣе чѣмъ равнодушно, вѣрнѣе, въ лучшемъ случаѣ, снисходительно-пренебрежительно, къ вопросамъ внѣшней политики и военной организацiи, что оно уклонялось отъ обсужденiя и пониманiя вопросовъ международной жизни, предоставляя ихъ профессiональному любопытству служащихъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ и рѣдкихъ чудаковъ-любителей, что оно чуралось военнаго дѣла, смотрѣло на армiю и, въ частности, на офицерство какъ на какой-то чуждый и едва ли не патологически-вредный наростъ на общественномъ организмѣ, что оно было до послѣдней степени невѣжественно, „лѣниво и не любопытно“ по части всего, что касалось армiи и флота?

Результаты налицо. „Мы“ всѣ „не знали“, а „ихъ“ никто или почти никто не контролировалъ, не подталкивалъ, не побуждалъ къ интенсивной работѣ. А платить за разбитые горшки приходится народу: ни власть, ни интеллигенцiя не оказались на той высотѣ, которая требовалась огромностью приближавшихся событiй, и именно поэтому сумма напряженiя и жертвъ, которая потребуется для того, чтобы справиться съ задачей, — для того, чтобы предотвратить австро-германское владычество надъ Европой, — будетъ значительно большей, чѣмъ если бы и „мы“ и „они“ знали то, что нужно и можно было знать.

Нельзя, правда, не замѣтить, что далеко не все то, что вскрыла эта война, поддавалось заблаговременному учету. Не только грубость, проявленная нѣмцами съ первыхъ же дней войны, по справедливости поразила мiръ, но и степень силы охватившаго, очевидно, весь нѣмецкiй народъ энтузiазма. Надо признать, что ни совершенство военной техники, ни изумительныя организаторскiя способности, проявленныя нѣмецкой властью, — способности, о которыхъ сейчасъ можно только догадываться по отдѣльнымъ намекамъ, — не могли бы обезпечить Германiи такой силы активнаго сопротивленiя цѣлому мiру, какую она на самомъ дѣлѣ проявила за этотъ годъ. Основной секретъ тутъ безспорно въ другомъ — въ состоянiи народнаго духа, въ широко распространенной готовности къ самопожертвованiю, въ необычайномъ, въ своемъ родѣ грандiозномъ, напряженiи всѣхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ нацiи въ направленiи одной, единственной, покрывшей собой все остальное, цѣли — побѣды надъ антигерманской коалицiей. Въ этомъ безудержномъ напряженiи есть что-то звѣриное, но только близорукость

Карта европейскихъ державъ.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію“.

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

можетъ отказать врагу въ признанiи таящейся въ немъ грандiозной по-своему силы. Передъ нами дѣйствительно „тяготѣющiй надъ царствомъ кумиръ", — Молохъ воинствующаго германизма, которому нѣмцы приносятъ неисчислимыя, неслыханныя жертвы своей и чужой кровью.

Кто до войны могъ сказать, что нѣмцы такъ отнесутся къ этой войнѣ? Кто могъ ожидать, что нѣмецкая власть будетъ въ состоянiи расходовать полными руками весь капиталъ, накопленный физическимъ и умственнымъ трудомъ нѣмецкаго народа, и что нѣмецкiй народъ допуститъ и поддержитъ эту, наиболѣе гигантскую, какую знаетъ исторiя со временъ великой революцiи, нацiональную ставку на будущее?

Безспорно, надо было обладать сверхчеловѣческимъ чутьемъ, чтобы представить себѣ сколько-нибудь отчетливо, въ какихъ формахъ проявится, до какихъ размѣровъ дойдетъ это нацiональное напряженiе. Но что, вообще говоря, его нужно было ожидать, это чувствовалось смутно всѣми европейскими народами. Всѣ они уже много лѣтъ постоянно сталкивались съ растущимъ влiянiемъ нѣмцевъ, съ ихъ демонической организованностью, съ однородностью ихъ отношенiя ко всѣмъ другимъ народамъ. Этимъ и объясняется, почему война съ перваго же момента вызвала къ себѣ непривычно-серьезное отношенiе, почему всѣ европейскiе народы такъ или иначе, „подобрались", если можно такъ выразиться, въ сознанiи выпавшаго на долю нашего поколѣнiя страшнаго испытанiя.

Невозможность яснаго предвидѣнiя характера и формъ нынѣшней войны, при наличности широко распространеннаго смутнаго предчувствiя ея грознаго значенiя, представляется крайне характерной. Мы находимся здѣсь передъ лицомъ такихъ фактовъ и факторовъ человѣческой исторiи, которые до сихъ поръ не допускаютъ сколько-нибудь яснаго анализа, какъ бы возможность такого анализа ни представлялась желательной и даже необходимой.

Ясно лишь одно: на нашихъ глазахъ переворачивается богатая содержанiемъ страница человѣческой исторiи, — кончается одна, начинается другая ея глава. И творцомъ конфликта является снова то смутное и въ то же время исключительное по своей творческой важности чувство, которое именуется нацiональнымъ, и въ которомъ, какъ въ каждомъ творческомъ началѣ природы, заключена и сила созиданiя и сила разрушенiя. Ибо разрушенiе и созиданiе лишь разныя стороны одного и того же процесса. Но только будущiя поколѣнiя смогутъ сказать, что именно разрушается и что созидается въ современной намъ борьбѣ народовъ и какова относительная культурная цѣнность какъ разрушаемаго, такъ и созидаемаго.

Борьба эта надвигалась давно — и смутное предчувствiе связанныхъ съ нею ужасовъ десятилѣтiями тяготѣло надъ народами Европы. Строго говоря, она стала неизбѣжной съ того момента, какъ тенденцiя къ созданiю нацiональныхъ государствъ, давно уже приведшая и на Западѣ и на Востокѣ къ образованiю крупныхъ державъ, распространилась и на среднюю Европу, т.-е. на нѣмцевъ и на итальянцевъ, — съ того момента, какъ осуществленiе этой тенденцiи нарушило всю ту систему соотношенiя европейскихъ державъ, на которой основывался одинъ изъ самыхъ долгихъ мирныхъ перiодовъ западно-европейской жизни (1815—1859), какой знаетъ исторiя [1]). Второй перiодъ почти точно такой же продолжительности наступилъ, правда, въ 1871 г. и длился до 19 iюля/1 августа 1914 г.: отличiе его отъ перваго заключалось, однако, въ томъ, что въ теченiе всего этого времени Европа находилась въ постоянно возраставшемъ нервномъ настроенiи, чуяла предстоявшую грозную борьбу, боялась ея и безпре-

[1]) Нельзя сказать, чтобы за указанное время Западная Европа вовсе не видѣла вооруженныхъ столкновенiй. Однако, до 1859 г. всѣ они (въ родѣ повторныхъ австрiйскихъ вмѣшательствъ въ Италiи, французскаго похода 1822 г. въ Испанiю, англо-французскаго вмѣшательства въ голландско-бельгiйскiй конфликтъ 1830 и сл. годовъ и т. п.) не имѣютъ характера собственно завоевательныхъ войнъ между великими державами. Войны, стремящiяся и приводящiя къ измѣненiю территорiальнаго состава державъ, ведутся въ теченiе этого времени лишь на юго-восточной периферiи Европы (Балканскiй полуостровъ) или совсѣмъ внѣ Европы (напр., завоеванiе Алжира французами). Первой войной этого типа въ предѣлахъ Западной Европы является французско-сардинско-австрiйская („италiанская") война 1859 г. Съ нея и начинается новая эра въ международной структурѣ европейской жизни.

рывно умножала свои военныя приготовленія, размѣръ своихъ армій и совершенство ихъ боевой подготовки. Лишь крайнее ослабленіе Франціи послѣ 1871 г., ослабленіе, не ограничивавшееся непосредственными послѣдствіями франко-прусской войны, прошедшей ураганомъ по большей части Франціи, но выразившееся и въ другихъ явленіяхъ, какъ, напр., въ пріостановкѣ въ приростѣ французскаго населенія, — лишь внутреннія неурядицы и внѣшнія неудачи Россіи, — лишь взаимное недовѣріе разнообразныхъ конкурентовъ Германіи другъ къ другу (Италіи и Франціи изъ-за Туниса и Триполитаніи, Англіи и Франціи изъ-за Египта и Судана, Англіи и Россіи изъ-за Турціи, Персіи, Индіи и Китая, Франціи и Россіи изъ-за глубокаго различія государственной организаціи двухъ странъ),—лишь всѣ эти явленія вмѣстѣ отсрочили наступленіе того конфликта, который разразился нынѣ на нашихъ глазахъ, разразился съ тѣмъ болѣе потрясающей силой, чѣмъ дольше онъ искусственно отсрочивался.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ уже довелось говорить о трагическомъ характерѣ этого конфликта, вытекающемъ изъ одинаково добросовѣстной убѣжденности каждой изъ воюющихъ сторонъ въ ея собственной абсолютной правотѣ, а, стало-быть, въ абсолютной неправотѣ противника [1]). Было бы крайне интересно прослѣдить, какъ создаются и крѣпнутъ подобныя убѣжденія, какъ слагается та національная, доходящая порой до настоящей ненависти, вражда, которая заставляетъ относиться къ каждому шагу противника съ подозрѣніемъ, которая способна терпѣливо накапливать одну обиду и горечь за другой, которая руководитъ дипломатіей правительствъ, военными законами палатъ и техническими приготовленіями штабовъ.

Но какъ ни интересна эта проблема, она, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, должна быть признана неразрѣшимой въ полномъ ея объемѣ. Несомнѣнно лишь то, что передъ нами результатъ не одного или двухъ поколѣній, а многихъ вѣковъ европейской исторіи, результатъ всего процесса развитія и роста, конкуренціи и столкновеній націй, національныхъ культуръ и національныхъ государствъ Европы.

II.

Исходнымъ моментомъ, собственно, международныхъ связей и конфликтовъ въ жизни Европы можно считать конецъ XV вѣка. Только къ этому времени, въ самомъ дѣлѣ, сложились первыя европейскія государства, заслуживающія названія національныхъ — Франція, Англія и Испанія, и съ этого же времени начинается ихъ борьба за преобладаніе въ Западной Европѣ А въ то же время на далекомъ Востокѣ Иванъ III превращаетъ великое княжество Московское окончательно въ великорусскую національную державу, сбрасываетъ татарское иго и начинаетъ борьбу съ польско-литовскимъ государствомъ за попавшія въ орбиту вліянія послѣдняго русскія земли. На двухъ окраинахъ Европы создаются и крѣпнутъ національныя единицы большой силы и обращаютъ свои взоры на расположенныя между ними, болѣе рыхлыя по своей политической организаціи, территоріи. Но о Москвѣ-Россіи въ это время еще почти не приходится говорить: она еще слишкомъ занята переработкой поглощенныхъ ею владѣній, слишкомъ малолюдна и бѣдна, слишкомъ далека отъ центровъ тогдашней культурной жизни, наконецъ, слишкомъ слабо организована, чтобы сыграть замѣтную роль въ общеевропейской исторіи тѣхъ временъ: ея сила заключается не столько въ накопившейся вѣками національной энергіи, сколько въ слабости ея сосѣдей, въ широкомъ розмахѣ таящихся въ ея будущемъ огромныхъ возможностей.

Другое дѣло Франція, Англія и Испанія. Къ концу XV вѣка всѣ эти страны выходятъ почти одновременно изъ состоянія феодальной дезорганизованности. Людовикъ XI, Фердинандъ Католикъ и Генрихъ VII Тюдоръ,—кстати сказать, имѣющіе немало психологическаго сход-

[1]) См. въ сборникѣ: „Вопросы міровой войны“, Петроградъ, 1915, мою статью подъ заглавіемъ „Борьба народовъ“, стр. 1—20.

ства съ Иваномъ III, — заканчиваютъ, каждый по-своему, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, „собираніе" національной энергіи своихъ народовъ въ рукахъ монарха. Періодъ междуфеодальныхъ и междугородскихъ отношеній кончается. Настаетъ періодъ отношеній международныхъ. И тотчасъ же начинается періодъ международныхъ войнъ [1]). Италіанскіе походы Карла VIII и Людовика XII, камбрэская „священная лига" и иные союзы этихъ дней, борьба французовъ съ испанцами за Неаполь, далѣе, ожесточенныя войны Карла V и Франциска I, войны, въ которыхъ столь своеобразно переплетаются интересы политическіе и религіозные, и во время которыхъ „христіаннѣйшій король" впервые вступаетъ въ союзъ съ падишахомъ, крестъ съ полумѣсяцемъ, — вотъ первыя внѣшнія проявленія перелома, наступившаго въ жизни Европы.

Съ самаго же начала при этомъ замѣчаются два любопытныхъ явленія, не утратившія своего значенія и посейчасъ: во-первыхъ, господство чисто-утилитарныхъ, раціоналистическихъ соображеній въ выборѣ союзниковъ, при чемъ особенно замѣтна тенденція охватить позицію противника съ двухъ сторонъ, съ кѣмъ бы при этомъ ни приходилось вступать въ союзъ [2]), и, во-вторыхъ, осложненіе борьбы разныхъ націй за ближайшія къ каждой изъ нихъ территоріи стремленіемъ наиболѣе въ данный моментъ сильной націи къ общеевропейской гегемоніи [3]). Та и другая черта тѣсно связаны другъ съ другомъ и проявляются, кстати сказать, съ особенной силой въ жизни континентальныхъ державъ, съ меньшей—въ жизни Англіи. Но если послѣдняя сравнительно болѣе свободна отъ нихъ, то это просто — продуктъ ея географическаго положенія и быстраго возрастанія ея внѣевропейскихъ интересовъ, а отнюдь не какихъ-либо глубокихъ и устойчивыхъ особенностей ея политической организаціи или ея традицій.

Думный дьякъ Г. И. Микулинъ, посланникъ въ Англіи и Даніи въ 1600 г. Съ современнаго портрета.

Угроза французской гегемоніи, проявившаяся и въ стремленіи Франціи къ захвату бургундскаго наслѣдства и въ италіанскомъ походѣ Карла VIII, привела быстро къ сближенію двухъ ближайшихъ къ ней континентальныхъ державъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи status quo, къ сближенію австро-нѣмецкой державы Габсбурговъ и испанской державы Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской. Продуктъ этого сближенія — Карлъ V, унаслѣдовавшій и Испанію, и бургундско-нидерландскія земли, и владѣнія Габсбурговъ, и притязанія всѣхъ своихъ предковъ на Италію,—не только устранилъ опасность французскаго владычества надъ Европой,

[1]) Конецъ XV вѣка является въ этомъ отношеніи, разумѣется, лишь моментомъ, завершающимъ долгій процессъ развитія, въ теченіе котораго передъ нами выступаютъ переходныя формы. Государство Филиппа IV Красиваго до извѣстной степени также уже можетъ быть названо національно-французскимъ, какъ государство Эдуарда I или III—національно-англійскимъ, а въ столѣтней англо-французской войнѣ (1328—1451) есть уже черты конфликта международнаго, а не только феодально-династическаго. И, тѣмъ не менѣе, едва ли можно будетъ оспаривать тотъ фактъ, что феодальная Европа окончательно сходитъ со сцены политической жизни лишь на рубежѣ XV и XVI вѣковъ. Развивать эти мысли подробнѣе здѣсь не мѣсто.

[2]) Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что трижды за это время дѣлались (неудачныя) попытки обусловить внѣшнюю политику разныхъ странъ мотивами принципіальнаго характера, а именно, мотивами религіозными (XVI и отчасти XVII вѣка), внутренно-политическими (во времена англійской революціи и со временъ великой французской революціи) и національными или расовыми (въ послѣднее время).

[3]) О третьей, пожалуй наиболѣе важной, сторонѣ дѣла, а именно, о томъ, что вплоть до XIX вѣка преимущественнымъ театромъ и жертвой войны является каждый разъ не достигшая національно-государственной организаціи средняя Европа, будетъ сказано дальше.

но создалъ взамѣнъ ея другую, испанскую опасность. Съ момента его первой рѣшительной побѣды надъ Францискомъ I (1525) и примѣрно до Вестфальскаго мира (1648) длится періодъ гегемоніи испано-австрійскаго дома Габсбурговъ, съ преобладаніемъ въ немъ самомъ Испаніи. Изъ угрозы для свободы и самостоятельности болѣе мелкихъ государствъ Франція становится ихъ покровительницей. Поддерживая протестантскихъ князей Германіи противъ нѣмецкихъ Габсбурговъ и возставшія нидерландскія провинціи противъ Габсбурговъ испанскихъ, она завязываетъ въ то же время постепенно все болѣе тѣсныя сношенія съ тѣми тремя восточно-европейскими державами, на союзѣ съ которыми въ теченіе долгаго времени будетъ покоиться внѣшняя политика Франціи — съ Турціей, Польшей и Швеціей. Въ отвѣтъ на систему обхвата, къ которой въ концѣ XV вѣка прибѣгли Испанія и Габсбурги по отношенію къ Франціи, сама Франція прибѣгаетъ къ аналогичной системѣ обхвата по отношенію къ австро-германскимъ территоріямъ, дополняя ее съ теченіемъ времени по отношенію къ Испаніи поддержкой португальскаго возстанія 1640 г. и возродившагося съ тѣхъ поръ португальскаго королевства.

Успѣхи, достигнутые Франціей въ дѣлѣ наиболѣе важнаго для нея созданія восточнаго обхвата нѣмецкихъ земель, уже потому были менѣе блестящи, чѣмъ тѣ, которые были достигнуты Испаніей и Габсбургской державой, что здѣсь не возникло и не могло возникнуть династическаго объединенія, достигнутаго въ свое время Габсбургами. Существеннѣе было то, что интересы трехъ восточныхъ державъ, съ которыми Франція устанавливаетъ дружественныя, а порой и союзныя отношенія, не только не совпадали, но нерѣдко весьма рѣшительно расходились, впрочемъ, не болѣе, чѣмъ интересы разныхъ—протестантскихъ и католическихъ—князей Германіи. Одной изъ серьезнѣйшихъ заботъ французской дипломатіи все же остается примиреніе интересовъ Польши и Турціи, Польши и Швеціи, и нельзя сказать, чтобы эта, по существу трудно осуществимая, задача всегда разрѣшалась съ желательнымъ для Франціи успѣхомъ. Тогда мы можемъ наблюдать, какъ тотъ или иной изъ восточныхъ союзниковъ Франціи ей внезапно измѣняетъ и выступаетъ на сторонѣ противниковъ Франціи.

Къ половинѣ XVII вѣка силы испано-австрійской коалиціи разбиваются соединенными усиліями нѣмецкихъ протестантскихъ князей, Швеціи и Франціи, и послѣ періода общеевропейскихъ смутъ 40-хъ и 50-хъ годовъ XVII вѣка первенство въ европейской жизни переходитъ къ Франціи Людовика XIV. И тотчасъ возобновляется прежнее зрѣлище: ставъ угрозой для самостоятельности Европы, Франція объединяетъ противъ себя всѣхъ, кому дорого свободное развитіе своей государственности. Мѣсто ослабленной чрезмѣрнымъ полуторавѣковымъ напряженіемъ своихъ силъ Испаніи занимаетъ при этомъ вскорѣ Англія: испано-австрійскій обхватъ Франціи дополняется англо-австрійскимъ. А въ то же время теряетъ значительную долю своей силы французско-турецко-польско-шведскій обхватъ Германіи. Съ 1683 г. военная мощь Турціи клонится явно къ упадку, и Карловицкій миръ 1699 г., закрѣпляющій всю Венгрію за Австріей и устье Дона за Россіей, свидѣтельствуетъ о томъ, что Турція окончательно перешла изъ наступательнаго въ оборонительное положеніе. Наступаетъ время, когда она будетъ скорѣе сама нуждаться въ помощи, чѣмъ будетъ способна оказать таковую. А вслѣдъ за Карловицкимъ миромъ начинается великая Сѣверная война, приведшая одновременно къ ликвидаціи великодержавнаго положенія какъ Швеціи, такъ и Польши, превратившейся фактически въ область почти полновластнаго хозяйничанія Петра В. На разстояніи одного-двухъ десятилѣтій рухнула одна изъ основныхъ опоръ международной политики Франціи. Неудивительно поэтому, что совпадающая съ великой Сѣверной войной война за испанское наслѣдство (1700—1715) ликвидируетъ притязанія Франціи на руководящую роль въ политической жизни Европы. Устраняя, однако, въ то же время вѣчную угрозу для Франціи, заключавшуюся въ томъ, что въ Испаніи властвовала одна изъ линій габсбургскаго дома, Утрехтскій миръ создалъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ и на болѣе короткое время, такой же періодъ относительнаго успокоенія европейской политической жизни, какой позднѣе, какъ мы видѣли, былъ созданъ Вѣнскимъ конгрессомъ.

Эпоха Людовика XIV была, вмѣстѣ съ тѣмъ, эпохой, когда впервые была формулирована идея „европейскаго равновѣсія“, изъ которой съ теченіемъ времени неизбѣжно должна была развиться и идея европейскаго „концерта“, т.-е. согласія европейскихъ великихъ державъ, оберегающихъ Европу отъ нарушенія равновѣсія конкурирующихъ въ ней силъ и устраняющихъ во имя общеевропейскихъ интересовъ тѣ поводы къ конфликтамъ, которые могутъ возникать въ результатѣ поведенія небольшихъ европейскихъ государствъ, неизбѣжно либо осуждаемыхъ великими державами на политическое безсиліе, либо прямо ими опекаемыхъ.

Характерно, что первое грозное военное столкновеніе, потрясшее западъ Европы послѣ 1715 г., было вызвано опасеніемъ за дальнѣйшее существованіе европейскаго равновѣсія. Въ 1740 г. скончался послѣдній Габсбургъ, Карлъ VI, и, несмотря на всѣ его старанія обезпечить путемъ пресловутой „прагматической санкціи“ права его дочери Маріи-Терезіи на всѣ австро-венгерско-нидерландскія владѣнія Габсбурговъ, его смерть послужила толчкомъ къ сложной и чреватой весьма серьезными послѣдствіями „войнѣ за австрійское наслѣдство“. Исчезновеніе Австріи изъ европейской политической системы, очевидно, было бы равносильно полному видоизмѣненію въ установившемся соотношеніи силъ: въ лицѣ Габсбурговъ исчезъ бы необходимый противовѣсъ противъ Бурбоновъ. Это отнюдь не соотвѣтствовало интересамъ Европы, и война кончилась бы благодаря вмѣшательству Англіи [1]) ничѣмъ, если бы не выступленіе новой, дотолѣ незамѣтной силы въ числѣ конкурентовъ на званіе великой державы,—если бы не завоеваніе Силезіи Пруссіей.

Пріемъ французскимъ королемъ Людовикомъ XIV русскаго посольства въ 1681 г. Съ современной гравюры.

Пруссія оказалась единственной страной, получившей отъ войны за австрійское наслѣдство безспорное и крупное усиленіе: присоединеніе Силезіи увеличило тогдашнюю территорію, а, стало-быть, и населеніе и денежныя средства Пруссіи, приблизительно на 20% — неслыхан-

[1]) Не меньшее значеніе, чѣмъ политика Англіи, имѣло настроеніе широкихъ слоевъ населенія въ габсбургскихъ владѣніяхъ, въ частности въ Венгріи. Вспомни венгры тогда о своихъ національныхъ обидахъ и присоединись они къ врагамъ Маріи-Терезіи, судьба Австріи, по всему вѣроятію, была бы окончательно рѣшена. „Патріотизмъ“ венгровъ объясняется той же причиной, которой объясняется и самое соединеніе Венгріи съ Австріей въ рукахъ одной династіи—ролью Австріи въ качествѣ заслона противъ турецкой опасности. Побѣды принца Евгенія Савойскаго, Карловицкій миръ 1699 г. и Пассаровицкій міръ 1718 г. представляютъ тѣ первостепенной важности факты, обезпечившіе Венгрію отъ турецкихъ нашествій, которые заставили массу венгровъ примириться съ властью Габсбурговъ и забыть о жестокихъ казняхъ временъ Леопольда I. А малоуспѣшная новая война съ турками, кончившаяся Бѣлградскимъ миромъ 1739 г., напомнила о томъ, что турецкая угроза все же продолжаетъ существовать и что опасно разстраивать силы противотурецкаго австрійскаго заслона.

ный за долгое время на западѣ Европы успѣхъ. Еще большее значеніе имѣло, пожалуй, то обстоятельство, что всѣ силы новой державы обращались уже тогда болѣе систематически на развитіе военнаго дѣла, чѣмъ въ любой изъ другихъ европейскихъ странъ. При территоріи болѣе чѣмъ въ половину меньшей, чѣмъ территорія Франціи и тѣмъ болѣе Австріи,—о Россіи нечего и говорить, — Пруссія содержала и выставляла войско, численно равное войску любой изъ названныхъ великихъ державъ (къ 1786 г. около 200.000 человѣкъ), а по подготовкѣ и снаряженію превосходившее всѣ остальныя арміи совершенствомъ своей организаціи.

Такое напряженіе военныхъ силъ небольшого государства, возможное только при одновременномъ чрезвычайномъ напряженіи и его финансовыхъ силъ, предполагало, очевидно, крайне одностороннюю военную оріентацію всей народной и общественной жизни Пруссіи. Само по себѣ оно свидѣтельствовало лишь о томъ, что великодержавныя притязанія Гогенцоллерновъ не имѣли еще адекватной территоріальной базы: ихъ держава лишь при томъ условіи могла считаться равнозначущей прочимъ европейскимъ державамъ, если размѣры содержимаго ею войска будутъ опредѣляться не нормальнымъ (для данной эпохи) соотношеніемъ численности войска и населенія самой Пруссіи, а стремленіемъ сравняться во что бы то ни стало съ самыми крупными конкурентами Пруссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ясно, что чрезмѣрность напряженія военныхъ силъ должна создавать и специфически военную оріентацію мысли, въ особенности командующихъ слоевъ, и создавать для нихъ искушеніе воспользоваться своей военной силой при первомъ удобномъ случаѣ хотя бы для того, чтобы расширить и тѣмъ самымъ укрѣпить свою территоріальную базу. Отсюда типичная для Пруссіи, болѣе чѣмъ для какой-либо другой страны, политика захватовъ и аннексій, проявившаяся впервые по отношенію къ Польшѣ. Лишь раздѣлъ 1772 г. и въ особенности раздѣлы 1793 и 1795 гг. создали Пруссіи соотвѣтствующій размѣрамъ ея арміи территоріальный фундаментъ, а Вѣнскій конгрессъ, замѣнившій польскія владѣнія большими чисто-нѣмецкими территоріями по Рейну и въ Вестфаліи, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнилъ указанную этнографически-нездоровую базу здоровой, національно однородной съ коренными землями Гогенцоллерновъ.

Появленіе Пруссіи въ ряду великихъ державъ, ставшее окончательнымъ послѣ семилѣтней войны и закрѣпленное впослѣдствіи руководящимъ участіемъ Пруссіи въ раздѣлахъ Польши, во всякомъ случаѣ представляетъ самый большой переворотъ въ европейской международной жизни, состоявшійся со времени Карла V. Только чрезвычайное ослабленіе французской военной мощи, представляющее характерную особенность второй половины XVIII вѣка, ослабленіе, обусловленное тяжелымъ внутреннимъ кризисомъ, постепенно нароставшимъ во Франціи, а, стало-быть, ослабленіе того противовѣса противъ Габсбурговъ, которымъ Франція являлась съ начала XVI вѣка, и вытекавшая отсюда потребность въ созданіи иного противовѣса взамѣнъ Франціи можетъ объяснить, почему развитіе прусской державы не встрѣтило болѣе сильнаго отпора со стороны прочихъ европейскихъ державъ. Усиленіе Пруссіи, внося новый и неожиданный элементъ въ европейскую шахматную игру, перепутало, однако, въ то же время всѣ привычные ходы, создало новыя, непредвидѣнныя и крайне сложныя комбинаціи и придало европейской дипломатической исторіи ближайшихъ десятилѣтій необычайно сложный и неустойчивый характеръ. На ряду съ доминирующимъ фактомъ первой половины XVIII вѣка,—ослабленіемъ Турціи, Польши и Швеціи,—этотъ новый доминирующій фактъ второй половины XVIII вѣка (появленіе въ центрѣ Европы двухъ не только разнородныхъ по своимъ тенденціямъ, но прямо враждебныхъ нѣмецкихъ державъ въ лицѣ старой монархіи Габсбурговъ и новой державы Гогенцоллерновъ),—осложняло само по себѣ прежнюю, столь простую въ географическомъ отношеніи, систему соотношенія европейскихъ державъ до чрезвычайности. И лишь происходившая въ теченіе всего XVIII вѣка ожесточенная борьба Франціи и Англіи за владычество въ колоніальномъ мірѣ Америки и Азіи,—борьба, имѣвшая нисколько не меньшее, если не большее, по своимъ послѣдствіямъ, значеніе, чѣмъ войны за испанское, польское и

австрійское наслѣдство и семилѣтняя война [1]),—борьба, отразившаяся самымъ непосредственнымъ образомъ на ходѣ и результатахъ каждой изъ континентальныхъ войнъ XVIII вѣка, вносила замѣчательный элементъ постоянства въ европейскую дипломатическую и военную жизнь этого времени. Какъ бы ни распредѣлялись между двумя борющимися лагерями прочія европейскія державы, одно было, во всякомъ случаѣ, заранѣе ясно: Англія и Франція находились непремѣнно во враждебныхъ отношеніяхъ [2]). А вмѣстѣ съ тѣмъ было ясно и другое: съ каждымъ военнымъ столкновеніемъ росло вліяніе и сила Англіи и падало вліяніе Франціи. Могло казаться, что, истощивъ собственныя силы и потерявъ фактически своихъ традиціонныхъ союзниковъ на Востокѣ, Франція также сойдетъ со сцены европейской жизни, какъ до нея Испанія. Считались съ ней во всякомъ случаѣ чѣмъ дальше, тѣмъ меньше, и первый раздѣлъ Польши прошелъ не только безъ ея вѣдома и санкціи, но и безъ всякаго вниманія къ ея возможному вмѣшательству въ пользу старой союзницы [3]).

Когда началась революція 1789 г., европейскія державы усмотрѣли въ ней лишь дальнѣйшій этапъ въ процессѣ паденія французскаго могущества.

Лишь съ теченіемъ времени онѣ убѣдились въ томъ, что послѣдствія революціи для внѣшняго могущества Франціи оказались совсѣмъ иными, чѣмъ онѣ ожидали. Вмѣсто распада Франціи начался неслыханный рядъ успѣховъ сначала республиканскихъ, затѣмъ наполеоновскихъ войскъ. Равновѣсіе Европы было нарушено, но не въ ущербъ, а въ пользу Франціи. Временами могло казаться, что мечты Карла V и Людовика XIV близки къ осуществленію, и что европейскій миръ будетъ охраняться не „европейскимъ концертомъ", а универсальной монархіей Наполеона и его династіи.

Зданіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ.
Съ акварели Патерсона 1799 г.

Но, въ концѣ-концовъ, и тутъ повторилась все та же старая пѣсня. Даже побѣдивъ всѣхъ своихъ враговъ и водрузивъ свое знамя надъ всей континентальной западной Европой, Наполеонъ не могъ ни уничтожить глухого сопротивленія лишенныхъ имъ политической самостоя-

[1]) Въ теченіе XVIII и началѣ XIX вѣка Англія ведетъ послѣдовательно шесть войнъ съ Франціей (война за испанское наслѣдство 1700—15, за австрійское наслѣдство 1740—48, семилѣтняя война 1756—63, война за освобожденіе Соединенныхъ Штатовъ отъ англійскаго владычества 1776—83, революціонная война 1793—1802, война съ Наполеономъ I 1804—1815) и каждый разъ главный смыслъ этихъ войнъ заключается для Англіи въ обезпеченіи и расширеніи ея господства надъ морями и колоніями. Особенно большое значеніе имѣли въ этомъ смыслѣ семилѣтняя война и войны конца XVIII и начала XIX вѣка. Онѣ-то и сдѣлали Англію владычицей морей и устранили окончательно нѣкогда грозную конкуренцію Франціи въ Индіи и Сѣверной Америкѣ.

[2]) Наоборотъ, Франція бывала и въ союзѣ съ врагами Австріи (1700—15, 1733—36, 1740—48) и съ самой Австріей (1756); Россія то сражалась на сторонѣ Австріи противъ Турціи, Франціи и Пруссіи, то держалась нейтральной, но дружественной Пруссіи, политики, то грозила выступить вмѣстѣ съ Пруссіей противъ Австріи; Австрія бывала въ союзѣ съ Англіей (1740 и сл.) и въ войнѣ съ ней (1756 и сл.), въ войнѣ съ Франціей и въ союзѣ съ ней и т. д., и т. д.

[3]) Не менѣе характерно, что въ 1788 г. Франція должна была потерпѣть прусское вмѣшательство почти на самой своей границѣ, въ Нидерландахъ.

тельности государственныхъ единицъ, ни помѣшать новому обхватному движенію Англіи и Россіи по отношенію къ его державѣ. Комбинація этихъ двухъ моментовъ рано или поздно должна была погубить его власть. Исходъ гигантскаго похода 1812 г. только ускорилъ этотъ процессъ до чрезвычайности.

Покончивъ, казалось, навсегда, съ идеей универсальной монархіи, Вѣнскій конгрессъ возстановилъ систему европейскаго равновѣсія и создалъ, строго говоря, впервые офиціально, „европейскій концертъ“ пяти великихъ державъ, или пентархію (Англія, Франція, Австрія, Пруссія, Россія). Но если онъ справился съ задачами, связанными съ ликвидаціей универсальной монархіи Наполеона, то нельзя сказать того же о его попыткѣ ликвидировать вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдіе, оставленное революціей.

Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ этого наслѣдія былъ національный вопросъ, наложившій свою печать на всю исторію XIX и начала XX вѣка.

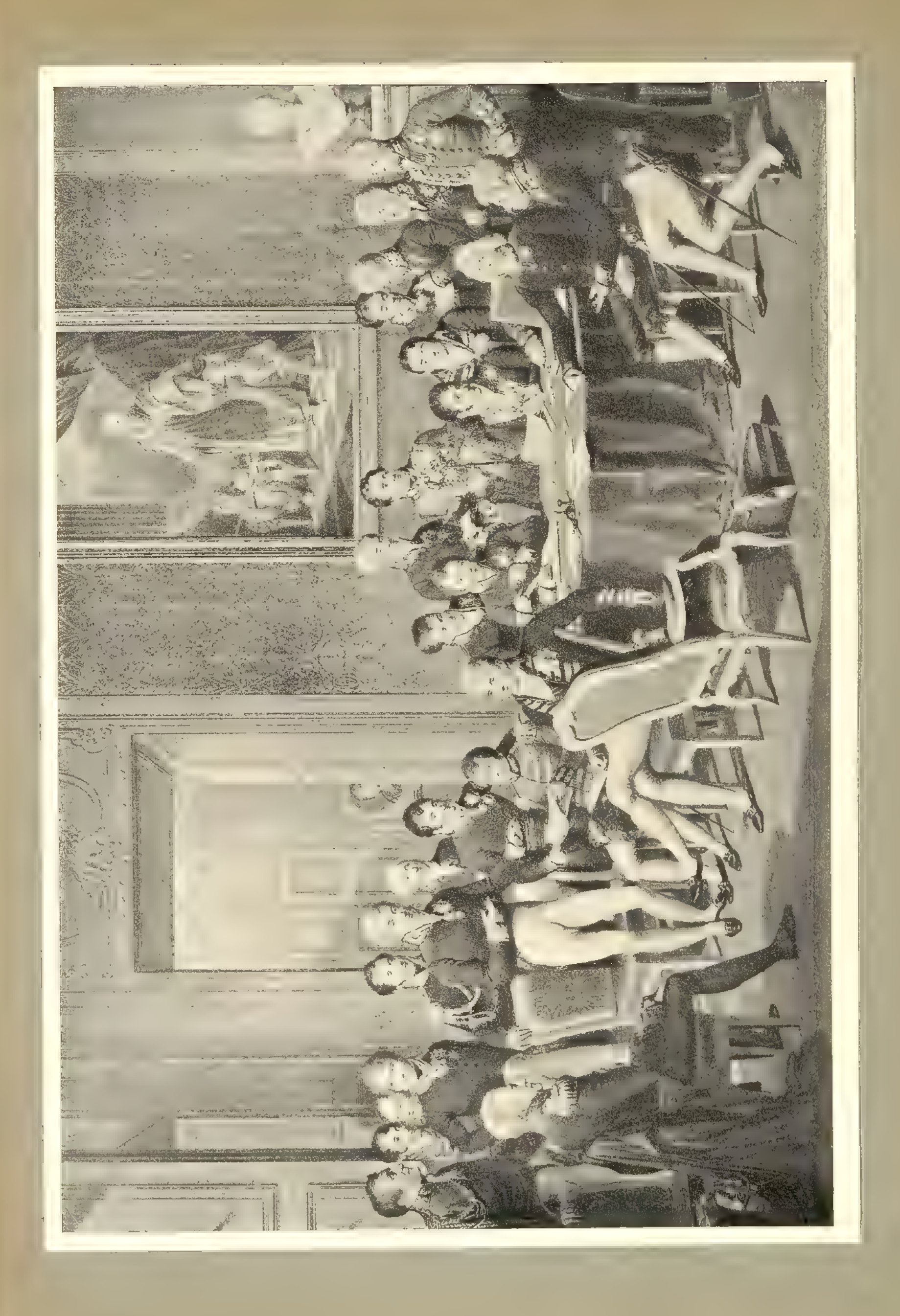
Помимо болѣе мелкихъ, Вѣнскій конгрессъ оставилъ слѣдующимъ поколѣніямъ три—неразрѣшенныхъ имъ — большихъ національныхъ вопроса, вопросы нѣмецкій, италіанскій и польскій [1]), а далѣе, въ теченіе XIX вѣка, возникли или осложнились еще двѣ проблемы, турецкая и австрійская, или, иначе говоря, вопросъ объ освобожденіи грековъ, балканскихъ славянъ и румынъ отъ турецкаго владычества и вопросъ объ урегулированіи положенія славянъ и венгровъ въ созданной нѣмцами австрійской державѣ и объ удовлетвореніи національныхъ притязаній разныхъ элементовъ сложнаго организма державы Габсбурговъ вообще.

Ни одинъ изъ этихъ собственно-европейскихъ вопросовъ не можетъ быть признанъ окончательно рѣшеннымъ, хотя рѣшеніе большинства изъ нихъ—въ особенности нѣмецкаго, италіанскаго и (за самые послѣдніе годы) балканскаго — и подвинулось сильно впередъ. Въ числѣ причинъ, задерживавшихъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, наибольшую роль играютъ двѣ. Первая изъ нихъ заключается въ тѣсной связи того или иного разрѣшенія каждаго изъ нихъ съ видоизмѣненіемъ прежней системы соотношенія силъ европейскихъ державъ. А отношенія между послѣдними еще болѣе осложнились, когда—въ особенности съ 80-хъ годовъ XIX вѣка—бо́льшая часть великихъ державъ вступила на путь имперіализма, съ тѣмъ, чтобы выкроить себѣ возможно большую территорію колоній въ Африкѣ, юго-восточной Азіи и Полинезіи и возможно большую сферу вліянія въ Китаѣ, и когда въ самомъ концѣ XIX вѣка примѣру европейскихъ великихъ державъ послѣдовали Соединенные Штаты Сѣверной Америки и, въ особенности, Японія.

Вторая причина упомянутаго явленія заключается въ томъ, что, на ряду съ вопросами внѣшней политики, и вопросы внутренней жизни европейскихъ государствъ оказывали не малое вліяніе на установленіе дружественныхъ или враждебныхъ отношеній между державами. Стоитъ вспомнить хотя бы о Священномъ Союзѣ и о томъ антиреволюціонномъ охранительномъ значеніи, которое ему желалъ дать его главный создатель, или о томъ, какъ Меттернихъ удерживалъ Александра I отъ заступничества за грековъ, указывая ему на то, что заступаться за грековъ значитъ поддерживать возстаніе противъ законнаго государя, или какъ Николай I спасалъ Габсбурговъ отъ венгерскаго возстанія. Надо ли настаивать на томъ, какую роль союзъ или, по крайней мѣрѣ, добрыя отношенія между Россіей и Пруссіей играли во внутренней жизни того и другого государства и какъ интересы борьбы съ внутреннимъ политическимъ развитіемъ порой побуждали правительства обѣихъ упомянутыхъ странъ сохранять добрососѣдскія отношенія даже тогда, когда это противорѣчило общей конъюнктурѣ международныхъ отношеній? Не подлежитъ въ связи съ этимъ сомнѣнію и то, что русско-французскій союзъ возникъ бы значительно раньше, если бы не естественное взаимное недовѣріе самодержавія и республики другъ къ другу.

---

[1]) Относительно меньшее значеніе имѣлъ бельгійскій вопросъ, разрѣшенный возстаніемъ 1830 года.

Вопросы устроенія европейской и внѣевропейской жизни переплелись въ очень сложный клубокъ, и надо быть большимъ оптимистомъ, чтобы вѣрить, что нынѣшняя война разрубитъ этотъ узелъ разъ навсегда и создастъ почву для разумнаго сосуществованія и исключительно мирной конкуренціи народовъ земного шара.

Въ задачу настоящей статьи не можетъ входить сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе разнообразныхъ этаповъ европейскаго развитія за тѣ сто лѣтъ, которыя протекли отъ Вѣнскаго конгресса до нынѣшней войны. Для пониманія переживаемаго нами момента достаточно попытаться выяснить, почему Европа сначала допустила созданіе и феноменальный ростъ Германской имперіи и почему она потомъ въ значительной своей части объединилась для отчаянной борьбы съ той же Германской имперіей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ дать и указанія на то, въ какомъ направленіи разрѣшитъ тотъ или иной исходъ войны, хотя бы на ближайшее время, очередные вопросы европейской національной и международной жизни.

III.

Опередивъ центральную Европу въ смыслѣ быстроты государственно-политическаго развитія, Западъ и Востокъ Европы въ теченіе долгаго времени привыкли смотрѣть на отставшій отъ нихъ нѣмецкій, западно-славянскій и итальянскій центръ, какъ на политическую quantité négligeable. Строго говоря, уже съ XIII вѣка Германія, какъ таковая, перестала играть роль въ европейской жизни: болѣе или менѣе полновѣсными факторами послѣдней являлись лишь отдѣльныя германскія территоріи, сохранявшія, правда, формальную связь съ имперіей и стремившіяся даже, по мѣрѣ возможности, использовать силы имперіи въ своихъ интересахъ, но жившія фактически своей жизнью и отнюдь не склонныя жертвовать ею ради общеимперскихъ задачъ и какихъ-либо національныхъ идей. Наиболѣе крупныя изъ этихъ территорій, нерѣдко столь же быстро распадавшихся, какъ и образовавшихся, возникали на восточной, полуколоніальной окраинѣ нѣмецкаго міра и уже въ силу этого и сами тяготѣли къ Востоку. Наиболѣе ясно это сказалось на судьбѣ Австріи, на долю которой выпало въ началѣ XVI вѣка объединеніе Чехіи, Моравіи, Силезіи и Венгріи съ крайними южно-нѣмецкими областями: горный характеръ большей части этихъ послѣднихъ естественно побуждалъ австрійскихъ государей цѣнить особенно высоко свои богатыя и обширныя чешско-моравскія и венгерскія владѣнія. Избираемые съ 1437 г. безсмѣнно императорами [1]), Габсбурги при всякомъ удобномъ случаѣ пользовались чахнувшими силами имперіи въ интересахъ своего дома и своихъ земель, но никогда не смотрѣли на себя, какъ на представителей національно-нѣмецкихъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что и сама „императорская" власть никогда не имѣла національнаго характера.

Религіозная ненависть, раздѣлившая послѣ реформаціи католическія и протестантскія княжества Германіи и приведшая въ конечномъ итогѣ къ страшной тридцатилѣтней войнѣ, обрушившейся всей своей тяжестью опять-таки на Германію, усугубила вліяніе тѣхъ многообразныхъ и сложныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ національное развитіе Германіи отстало не только по сравненію съ Западомъ, но и по сравненію съ Россіей, въ другихъ отношеніяхъ уступавшей культурному развитію своихъ западныхъ сосѣдей.

Болѣе крупныя нѣмецкія территоріи попрежнему сосредоточивались на Востокѣ и попрежнему искали возможнаго усиленія именно среди владѣній своихъ восточныхъ сосѣдей: то были Австрія, Саксонія и Пруссія. Постепенное закрѣпленіе за Габсбургами Венгріи и Трансиль-

[1]) Единственнымъ исключеніемъ является съ 1740—45 г. Карлъ VII Альбрехтъ Баварскій, одинъ изъ претендентовъ на „австрійское наслѣдство", оставленное Карломъ VI Маріи-Терезіи, и, стало-быть, наслѣдникъ Габсбурговъ и въ имперіи. Его преемникомъ сталъ въ 1745 г. супругъ Маріи-Терезіи, Карлъ-Стефанъ Лотарингскій, родоначальникъ нынѣшней габсбургско-лотарингской династіи.

ваніи и попытки продвинуться вглубь Балканскаго полуострова такъ же характерны для Австріи, какъ готовность Фридриха Августа II принять католицизмъ, дабы сдѣлаться польскимъ королемъ и передать польскую корону своему сыну, для Саксоніи, и какъ стремленіе поживиться насчетъ территорій Рѣчи Посполитой — для Пруссіи. Положеніе дѣлъ не измѣнилось сразу и тогда, когда Пруссія, оставляя Саксонію далеко позади себя, энергичнымъ напряженіемъ своихъ силъ заняла мѣсто среди великихъ державъ. И послѣ Фридриха В. Пруссія, строго говоря, не стала нѣмецкой державой, а занимала по отношенію къ Германіи примѣрно такое же положеніе, какъ и Австрія.

Рѣшительный поворотъ въ жизни нѣмецкаго народа связанъ только съ эпохой Наполеона I. Уничтоживъ подавляющее большинство совершенно нежизнеспособныхъ нѣмецкихъ территорій (число которыхъ, не считая имперскихъ рыцарей и имперскихъ деревень, доходило до 300), Наполеонъ уже тѣмъ самымъ измѣнилъ всю структуру нѣмецкой жизни и значительно приблизилъ часъ объединенія Германіи, внутренняя жизнь которой въ то же время была значительно усовершенствована французской системой администраціи, построенной на полномъ отрицаніи столь сильнаго въ Германіи феодальнаго принципа.

Еще болѣе важно было другое послѣдствіе Наполеоновскаго режима—возбужденіе оскорбленнаго иностраннымъ игомъ національнаго чувства нѣмцевъ, съ которыми французы въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ обращались какъ съ низшей расой, взимая съ нихъ въ то же время огромные поборы. Впервые нѣмцы почувствовали со всей ясностью всѣ отрицательныя стороны той эволюціи ихъ государственной жизни, которая лишила ихъ политическаго объединенія и обусловленной имъ способности защищать свои очаги съ увѣренностью въ успѣхѣ. Всѣ тѣ изъ нихъ, кто не поникъ головой передъ сокрушившимъ всѣ привычныя условія существованія ударомъ судьбы, всѣ тѣ, въ комъ было живо чувство національнаго достоинства и интереса, неизбѣжно должны были порвать съ космополитизмомъ или политическимъ индифферентизмомъ предшествующаго времени и стремиться найти выходъ изъ положенія, свергнуть французское владычество и положить основаніе собственному государственному бытію.

Ясно, что съ зарожденіемъ національной идеи въ Германіи, идеи, которая рано или поздно неизбѣжно должна была найти себѣ надлежащее осуществленіе, наступалъ новый періодъ въ европейской жизни, всей системѣ международныхъ отношеній которой грозило невиданное доселѣ испытаніе.

Теоретически разсуждая, объединеніе Германіи могло пойти по тремъ путямъ: оно могло совершиться либо вокругъ Австріи съ ея давними правами на первенствующее въ Германіи положеніе, либо вокругъ Пруссіи, либо, наконецъ, въ виду восточно-европейскаго уклона какъ австрійскихъ, такъ и прусскихъ интересовъ, вокругъ одного изъ западно-нѣмецкихъ государствъ, въ родѣ Ганновера или Баваріи. Существенно важнымъ и для нѣмецкаго и для общеевропейскаго развитія было то, что вопросъ рѣшился въ пользу Пруссіи.

Такому рѣшенію содѣйствовало нѣсколько обстоятельствъ. Прежде всего необходимо имѣть въ виду то огромное впечатлѣніе, которое произвелъ на нѣмецкій народъ еще въ XVIII вѣкѣ Фридрихъ Великій, за очень долгое время первый нѣмецкій монархъ, который размахомъ своей дѣятельности и яркостью своей натуры могъ удовлетворить свойственную всякому народу жажду настоящихъ „людей"—вождей, руководителей и пророковъ.

Жалкое банкротство прусскаго государства послѣ 1806 г. не могло измѣнить этого создавшагося еще раньше устремленія мыслей и надеждъ. Печальная судьба Фридриха-Вильгельма III и въ особенности его супруги, „королевы Луизы", вынужденныхъ бѣжать вплоть до Мемеля, вплела лишь въ начавшую уже складываться гогенцоллернскую легенду, на ряду съ военной славой Фридриха В., новый своеобразно-сантиментальный элементъ. А энергичная работа Штейна и др. по обновленію прусскаго общественнаго, административнаго и экономи-

ческаго строя еще усилила ожиданія. Недаромъ, именно въ Берлинѣ, Фихте говорилъ свои „рѣчи къ нѣмецкой націи“.

Выдающаяся роль, сыгранная Пруссіей и ея военачальниками въ эпоху „освободительной войны“ съ Наполеономъ, — при чемъ количество выставленныхъ Пруссіей войскъ снова было относительно больше, чѣмъ количество войскъ, выставленныхъ любой изъ остальныхъ союзныхъ державъ (на этотъ разъ это объяснялось не только исключительнымъ напряженіемъ военныхъ и финансовыхъ силъ государства, не только общественнымъ подъемомъ, но и введенной какъ разъ передъ этимъ въ Пруссіи всеобщей воинской повинностью!),—послужила въ сознаніи нѣмецкихъ патріотовъ доказательствомъ основательности надеждъ, возложенныхъ именно на государство Фридриха В. и обязывала вмѣстѣ съ тѣмъ остальныя европейскія державы вознаградить Пруссію за ея усилія въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.

Наполеонъ I въ битвѣ при Іенѣ (1806 г.).
Съ картины Г. Верне.

На ряду съ національнымъ ореоломъ, которымъ нѣмецкіе патріоты стали окружать прусскую корону еще до XIX вѣка, и на ряду съ дѣйствительно выдающейся военной доблестью и силой, проявленной Пруссіей въ 1813—15 годахъ, третьимъ важнымъ элементомъ, опредѣлившимъ дальнѣйшее развитіе нѣмецкой національной жизни, слѣдуетъ признать порядокъ компенсаціи Пруссіи, принятый Вѣнскимъ конгрессомъ. Сущность дѣла сводится къ тому, что, сохранивъ плоды перваго раздѣла Польши и удовольствовавшись изъ огромной добычи, выпавшей на ея долю во время второго и третьяго раздѣла, однимъ лишь „великимъ княжествомъ Познанскимъ“ съ Торномъ, Пруссія получила взамѣнъ остальныхъ польскихъ земель, отошедшихъ къ Россіи, обширную и компактную, чисто нѣмецкую, территорію на нижнемъ Рейнѣ, — главный центръ развитія ея будущей крупной промышленности (въ особенности каменноугольной и металло-обрабатывающей).

Руководители политики Вѣнскаго конгресса были при этомъ чрезвычайно далеки отъ мысли, что тѣмъ самымъ они превратили Пруссію въ единственную великую державу съ почти

чисто нѣмецкимъ составомъ населенія и, стало-быть, окончательно рѣшили вопросъ о томъ, подъ чьими знаменами совершится объединеніе Германіи. Государственная важность національной идеи тогда вообще еще не сознавалась: европейскія великія державы національнаго типа (Англія, Франція и Россія) сложились настолько давно, что перестали учитывать значеніе національнаго момента въ своемъ возникновеніи, Австрія же и сама Пруссія сложились и существовали помимо и даже вопреки всякому національному принципу. Лучшимъ доказательствомъ, какъ добросовѣстно дѣятели временъ Вѣнскаго конгресса не понимали значенія національнаго принципа, является какъ разъ тотъ фактъ, что Меттернихъ не воспротивился всѣми силами усиленію національнаго характера прусскаго государства и тѣмъ самымъ подготовилъ сначала вынужденное отстраненіе Австріи отъ германскихъ дѣлъ, а затѣмъ происходящее на нашихъ глазахъ поглощеніе Австріи Германіей.

Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ именно Вѣнскій конгрессъ, самъ того не вѣдая и отнюдь того не желая, предрѣшилъ форму позднѣйшаго объединенія нѣмецкаго народа подъ эгидой Гогенцоллерновъ, а не Габсбурговъ или какой-либо иной нѣмецкой династіи. И чѣмъ неудачнѣе была та форма нѣмецкаго объединенія, которая была придумана конгрессомъ, — т. наз. Нѣмецкій Союзъ,—чѣмъ меньше она удовлетворяла законныя и жизненныя потребности нѣмцевъ не только въ смыслѣ созданія изъ него дѣеспособной европейской политической единицы, но и въ смыслѣ обезпеченія экономическихъ, культурныхъ и общественныхъ запросовъ нѣмецкаго народа, тѣмъ быстрѣе должна была совершиться эволюція въ сторону новой, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе цѣлесообразной, политической организаціи его.

Если, однако, вспомнить, до какой степени остальная Европа привыкла смотрѣть на среднеевропейскія территоріи, какъ на пустое, въ политическомъ отношеніи, пространство, то становится яснымъ, что объединеніе Германіи подъ прусской гегемоніей могло быть достигнуто только силой,—„кровью и желѣзомъ“, какъ выразился позднѣе Бисмаркъ,—или, точнѣе, должно было быть исторгнуто у Европы соединенными усиліями дипломатіи и войска, дипломатіи, способной настолько перепутать всѣ карты европейской политики, чтобы побудить большую часть Европы присутствовать равнодушно или даже доброжелательно при нарожденіи новаго европейскаго колосса, и войска, способнаго импонировать Европѣ не только во время предстоявшихъ войнъ, но, что нисколько не менѣе важно, непосредственно по окончаніи ихъ, когда надо было подводить итоги военнымъ успѣхамъ.

Обычно создателемъ германской имперіи принято считать Бисмарка. И было бы, разумѣется, странно отрицать или умалять его значеніе. Никто, какъ онъ, не сумѣлъ бы съ такой полунаивной и въ то же время геніальной непринужденностью воспользоваться всѣми накопившимися въ остальной Европѣ элементами недовѣрія, раздора и мстительнаго раздраженія, чтобы направить ихъ ad majorem gloriam Пруссіи. Втянувъ Австрію въ датскую войну и лишивъ ее фактически плодовъ ея участія въ борьбѣ, которая пошла цѣликомъ на пользу Пруссіи, онъ воспользовался раздраженіемъ Россіи противъ Австріи, измѣнявшей долгу признательности за собственное спасеніе какъ во время крымской кампаніи, такъ и во время польскаго возстанія 1863 г.,—недовѣріемъ Англіи къ Наполеону III и миролюбіемъ либеральнаго англійскаго кабинета, надеждами Наполеона III на длительность австро-прусской войны и на возможность выступить въ концѣ-концовъ въ роли вершителя судебъ сражающихся, — довелъ Австрію до объявленія войны и вышвырнулъ ее изъ Германіи, не отнявъ у нея въ то же время ни пяди ея собственной территоріи. Усиливъ Пруссію насчетъ аннексированныхъ сѣверно-нѣмецкихъ земель и путемъ созданія сѣверно-германскаго союза и обезпечивъ себѣ рядомъ договоровъ помощь южной Германіи, онъ воспользовался неврастенической политикой Наполеона III, судорожно искавшаго „компенсацій“ для Франціи, усилилъ, въ особенности въ Англіи, существовавшее къ нему и безъ того недовѣріе, и, опираясь снова въ особенности на благосклонный нейтралитетъ Россіи, нанесъ Наполеону тѣ сокрушительно быстрые удары, послѣ которыхъ и

Австрія потеряла охоту искать въ союзѣ съ Франціей „реванша за Садову", а Пруссія пріобрѣла путемъ созданія Германской имперіи гегемонію въ Европѣ. Все это, несомнѣнно, вѣрно и все же при этомъ не слѣдуетъ забывать роли Вильгельма I, въ лицѣ котораго воплотилась въ данное время вся та упорная и упрямая государственная мысль Гогенцоллерновъ, которая уже разъ—при Фридрихѣ В.—сдѣлала Пруссію способной къ чрезвычайному напряженію всей ея энергіи.

Самымъ существеннымъ моментомъ не только нѣмецкой, но и европейской жизни конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка является тотъ фактъ, что Пруссія, пріученная издавна къ той военно-государственной оріентаціи быта и мысли, о которой выше было говорено, привила эту оріентацію въ значительной мѣрѣ и всей Германіи и пытается нынѣ прямо и косвенно привить ее всей Европѣ.

Сдача венгерскихъ повстанцевъ съ Гергеемъ во главѣ русскимъ войскамъ при Вилагошѣ въ 1849 г.
(Съ литографіи Фрейзауфа).

Двѣ черты, въ самомъ дѣлѣ, характеризуютъ современную пруссифицированную Германію, черты, не встрѣчающіяся—ни съ равной силой, ни въ этой комбинаціи—ни въ одной изъ остальныхъ европейскихъ странъ, и составляющія вмѣстѣ главный секретъ специфической мощи Германіи.

Одна изъ нихъ заключается въ томъ преклоненіи передъ общимъ (не только общегосударственнымъ, но въ подлежащихъ случаяхъ и общепартійнымъ) интересомъ, которое коренится въ Германіи въ болѣе широкихъ слояхъ общества, чѣмъ гдѣ-либо. Само собою разумѣется, что въ любой изъ европейскихъ странъ можно указать болѣе или менѣе замѣтное число лицъ, вся жизнь которыхъ уходитъ на служеніе государству или обществу, но нигдѣ широкія общественныя массы не проявляютъ такой дисциплины, а, стало-быть, и такого признанія необходимости дисциплины ради нѣкоего высшаго, общаго блага, какъ въ Германіи.

Другая черта заключается въ совершенно исключительномъ почтеніи къ военному ремеслу и къ военному дѣлу, которое поражало всякаго иностранца отнюдь не въ одной только Пруссіи, а, строго говоря, во всей Германіи. Несмотря на всѣ насмѣшки юмористическихъ органовъ надъ „лейтенантомъ" (поручикомъ), несмотря на жестокія нападки соціалъ-демократической и радикальной прессы на милитаризмъ, на военную касту, на высокомѣріе, грубость и даже

жестокость команднаго состава и офицерства, ни въ одной изъ европейскихъ странъ подавляющая масса общества не относилась съ такой любовью и вниманіемъ къ арміи, съ такимъ поразительнымъ для иностранца почтеніемъ къ офицерству, какъ именно въ Германіи.

Обѣ эти черты, очевидно, обусловлены другъ другомъ, и довольно трудно сразу отвѣтить на вопросъ, какая изъ нихъ является первичной. Есть ли признаніе первенства общегосударственныхъ интересовъ надъ индивидуальными источникъ, въ частности, и военной дисциплинированности, или, наоборотъ, воинственные навыки, культивированные ходомъ прусскаго развитія, привели далѣе и къ подчиненію личности государству?

Исторически не подлежитъ сомнѣнію одно: основныя территоріи прусскаго государства находятся въ предѣлахъ колоніальной Германіи, гдѣ и помѣщики и масса населенія въ теченіе многихъ поколѣній должны были быть на чеку по отношенію къ покоренному или сосѣднему враждебному населенію, притомъ не германскому, а славянскому. Возможно, что этимъ объясняется нѣкоторая наслѣдственная дисциплинированность всего населенія. Одного этого факта, однако, мало для объясненія занимающаго насъ явленія. Въ такомъ же положеніи, вѣдь, находится и Австрія, а, между тѣмъ, здѣсь въ настоящее время не наблюдается того специфическаго военнаго духа, который характеризуетъ Германію. А такъ какъ нельзя также сказать, чтобы Пруссія вела за время своей исторической жизни больше войнъ, чѣмъ Австрія, и что именно вслѣдствіе этого ея населеніе въ большей степени прониклось воинственными навыками и интересами, то приходится искать этому послѣднему факту объясненіе въ чемъ-либо другомъ, а не въ однихъ только историческихъ условіяхъ существованія Бранденбургскаго или Прусскаго государства.

Наиболѣе любопытнымъ отличіемъ прусской жизни отъ жизни не только Австріи, но и прочихъ европейскихъ государствъ, и является та, созданная систематической дѣятельностью Гогенцоллерновъ XVIII и XIX вѣка, военная оріентація быта и мысли, о которой упоминалось выше. Напрягая всѣ силы населенія ради содержанія несоотвѣтственно большого войска, внѣдряя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сознаніе всѣхъ слоевъ населенія, начиная отъ дворянства и кончая крестьянами, идею важности и святости государственной (и государевой) службы, Гогенцоллерны, разумѣется, отнюдь не задавались какими-либо соціально-педагогическими цѣлями: они просто желали имѣть возможно большее войско, чтобы играть соотвѣтственную ихъ династическому честолюбію роль въ жизни Европы. Несмотря, однако, на это, послѣдовательный культъ военнаго дѣла и неразрывно съ нимъ связанной военной дисциплины сдѣлалъ свое дѣло, подчинивъ своему воздѣйствію не только народъ, изъ котораго бралось, въ который возвращалось непропорціонально большое количество офицеровъ и солдатъ, но и самихъ государей: усвоивъ за время своего заключенія въ крѣпости Кюстринѣ желѣзную прусскую дисциплину, Фридрихъ Великій потомъ безъ всякой гримасы, а вполнѣ добросовѣстно провозгласилъ себя „первымъ слугой“ государства, что отнюдь не помѣшало ему назвать въ своемъ завѣщаніи это государство въ одномъ и томъ же параграфѣ на ряду съ библіотеками, коллекціями, платьемъ и т. д. Самъ того не вѣдая, онъ, а за нимъ и остальные Гогенцоллерны обратились изъ вотчинниковъ въ государей, въ смыслѣ Божьей милостью представителей государства. То служебное положеніе, которое они отводили каждому обывателю, а позднѣе гражданину своего государства, не представляло въ ихъ глазахъ специфическаго признака подданнаго: вѣдь, они же и сами занимали, хотя и болѣе видное, но все же служебное положеніе въ своемъ государствѣ.

Ясно, какая замѣчательная моральная сила и какое, вмѣстѣ съ тѣмъ, искушеніе видѣть въ себѣ непосредственныхъ агентовъ божественной воли заключалось въ этомъ традиціонномъ гогенцоллернскомъ воззрѣніи. Быть-можетъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Гогенцоллерны являются послѣдними представителями монархической власти въ Европѣ, добросовѣстно убѣжденными въ божественномъ происхожденіи своей власти.

Сросшись съ мыслью о непоколебимости и абсолютной цѣнности военной организацiи своей прусской родины, всѣ они работали всю свою жизнь, не покладая рукъ, надъ развитiемъ и усовершенствованiемъ ея войска, а когда сталкивались съ сопротивленiемъ общества, какъ, напр., въ годы конфликта между короной и палатой депутатовъ (1861—64) или позднѣе при систематическомъ увеличенiи имперской армiи и флота, они добросовѣстно не понимали противоположной точки зрѣнiя, находившей, что пора сократить чрезмѣрныя вооруженiя и обратить народныя средства на болѣе производительныя въ экономическомъ или культурномъ отношенiи цѣли. Тогда они проявляли не только чрезвычайное упорство, не останавливавшееся, въ лицѣ Вильгельма I, и передъ открытой борьбой съ ландтагомъ, но и исключительную убѣжденность въ своемъ преимущественномъ правѣ вести нацiю къ ея провиденцiальной цѣли,—убѣжденность, получившую, въ лицѣ Вильгельма II, почти карикатурно яркое воплощенiе.

Можно во всемъ этомъ находить большую односторонность мысли, — быть-можетъ, даже большую ограниченность психической жизни въ цѣломъ,—и все же нельзя не признать, что такая вѣра, усиленная наслѣдственной передачей ея въ теченiе цѣлаго ряда поколѣнiй и доведенная, въ концѣ-концовъ, до религiозно-политической манiи величiя, представляетъ очень большую силу, подчиняющую себѣ окружающихъ ее людей.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.

Поскольку Вильгельмъ I былъ хотя бы и весьма скромнымъ представителемъ этой моральной силы гогенцоллернской традицiи, его роль на ряду съ Бисмаркомъ не должна подвергаться умаленiю. Когда желѣзный канцлеръ распорядился, чтобы на его могилѣ были высѣчены, кромѣ его имени, только слова: „вѣрный слуга своего государя" (ein treuer Diener seines Herrn), онъ высказалъ въ этой эпитафiи чувства служилаго человѣка-вассала къ данному ему Богомъ сеньеру, всѣмъ строемъ своей натуры постоянно напоминавшему своимъ подданнымъ вообще и первому своему сподвижнику въ частности о той идеѣ государственнаго долга и военно-государственной дисциплины, воплощенiемъ которыхъ онъ самъ стремился быть по мѣрѣ своихъ силъ. Въ этомъ смыслѣ и Вильгельмъ II не такъ уже неправъ, когда онъ всячески выдвигаетъ значенiе своего дѣда: разумѣется, Вильгельмъ I отнюдь не заслуживаетъ прозвища „Великаго", которое его внукъ изо всѣхъ силъ старается ему присвоить, да и вообще, за исключенiемъ Фридриха Великаго, Гогенцоллерны отнюдь не блещутъ сильнымъ умомъ и яркими способностями. То, что составляло особую силу Вильгельма I, это отнюдь не его выдающаяся индивидуальность, а какъ разъ наоборотъ, его типичность, если можно такъ выразиться, для прусскихъ государственныхъ и династическихъ традицiй.

Здѣсь невозможно детальнѣе объяснить, какiя обстоятельства помогли Гогенцоллернамъ внѣдрить эти традицiи въ общенѣмецкую жизнь. Достаточно указать на огромное содѣйствiе, оказанное имъ въ этомъ дѣлѣ школой какъ высшей, такъ средней и низшей, — той школой, въ которой, съ одной стороны, до сихъ поръ сохранилась практика тѣлесныхъ наказанiй, въ которой, съ другой стороны, культивировалось не только чувство нацiональнаго достоинства, а чувство совершенно исключительныхъ свойствъ нѣмецкаго народа, единственнаго полноправ-

наго наслѣдника и продолжателя античной цивилизаціи, а черезъ нея и всякой вообще человѣческой цивилизаціи. „Нѣмецкая вѣрность“, „нѣмецкая честь“, „нѣмецкое чувство долга“ — въ общественной и государственной жизни, „нѣмецкая душевность“, „нѣмецкая основательность“, „нѣмецкая задушевная религіозность“—въ индивидуальной и культурной жизни, таковы тѣ свойства, которыхъ остальные народы или вовсе лишены или коими они обладаютъ лишь въ ограниченномъ и извращенномъ видѣ. Нечего говорить, что этотъ шовинизмъ встрѣчалъ противниковъ среди самихъ же нѣмцевъ, но если принять во вниманіе не то, что высказывали отдѣльные фрондеры мысли, а взгляды и въ особенности доминирующее настроеніе всѣхъ наиболѣе популярныхъ и вліятельныхъ писателей, то нетрудно убѣдиться въ томъ, до какой степени національное бахвальство вошло въ плоть и кровь современныхъ нѣмцевъ, и какъ тѣсно оно у нихъ соединено съ не разъ упомянутой военной оріентаціей быта и мысли [1]).

Какъ бы тамъ ни было, и характеръ нѣмецкой общественной жизни и чрезвычайный интересъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества къ военному дѣлу и огромныя жертвы, приносившіяся нѣмецкимъ народомъ ради содержанія первой въ мірѣ арміи и второго въ мірѣ флота, свидѣтельствовали о томъ, что какія бы препятствія прусскія традиціи ни встрѣтили первоначально на своемъ пути, въ концѣ-концовъ эти традиціи одержали верхъ и превратили всю Германію въ громадный военный лагерь посреди Европы. До какой степени успѣшно совершилось это перерожденіе Германіи, и насколько могучъ и технически усовершенствованъ этотъ гигантскій лагерь, мы, правда, съ изумленіемъ узнали лишь во время войны, — какъ лишь послѣ войны увидимъ, насколько устойчивой окажется прививка прусскаго духа, которой подверглась Германія въ особенности за послѣднія 40 слишкомъ лѣтъ.

Уже изъ сказаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, почему созданіе германской имперіи, не вызвавши въ первый моментъ сколько-нибудь замѣтнаго недовольства, а тѣмъ болѣе сопротивленія среди командующихъ и отвѣтственныхъ круговъ Европы, неизбѣжно должно было повиснуть кошмаромъ надъ культурнымъ развитіемъ ближайшихъ десятилѣтій, и рано или поздно должно было вызвать созданіе обширной коалиціи, объединенной острой ненавистью къ германской имперіи, а черезъ нея и ко всему нѣмецкому вообще.

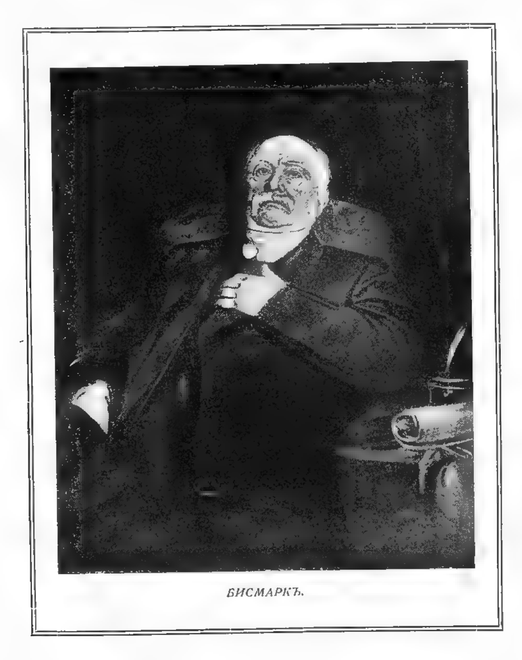
IV.

Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій европейскій міръ переносилъ нѣмецкую гегемонію довольно безропотно, и хотя европейская атмосфера все время оставалась насыщенной запахомъ пороха и крови, хотя вооруженія принимали съ каждымъ годомъ все болѣе гигантскіе размѣры, однако, не безъ основанія никто, собственно, не вѣрилъ въ дѣйствительную близость войны. Бывали, правда, моменты, когда Бисмаркъ или его преемники бряцали оружіемъ,— въ особенности въ 1875 и въ 1887 гг.,—бывали моменты, когда нервное напряженіе достигало чрезвычайныхъ размѣровъ, но въ концѣ-концовъ небо, покрытое, казалось, грозовыми тучами, разъяснялось, и нерѣдко оказывалось, что весь шумъ былъ продуктомъ большого bluff'а, организованнаго въ Берлинѣ для того, чтобы добиться отъ рейхстага новаго увеличенія военныхъ кредитовъ или чтобы побудить нѣмецкій народъ послать въ Берлинъ вмѣсто недостаточно послушнаго, а потому и распущеннаго рейхстага другой, болѣе послушный.

[1]) Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерны особенно такіе факты, какъ желѣзная дисциплина, царившая въ соціалъ-демократической партіи, и необыкновенно тусклое, въ смыслѣ проявленія индивидуальностей, впечатлѣніе, которое неизмѣнно производили всѣ большія собранія этой партіи. Дисциплина чувствовалась здѣсь всегда настолько сильно, привычка подчиняться командѣ „старшихъ“ проявлялась такъ явственно, что у сколько-нибудь внимательнаго наблюдателя, еще задолго до войны, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти страшные республиканцы, антимилитаристы и соціалисты покорно послѣдуютъ всякому приказанію власти, какъ только ихъ нарядятъ въ военные мундиры.

Лишь за послѣднія десять, приблизительно, лѣтъ положеніе дѣлъ измѣнилось къ худшему. Съ каждымъ годомъ становилось все яснѣе, что противоположность интересовъ и политики европейскихъ государствъ пріобрѣтаетъ настолько обостренный характеръ, что устранить вооруженный конфликтъ уже не въ силахъ человѣческихъ, что вопросъ о неизбѣжности грядущей войны, строго говоря, предрѣшенъ всѣми ея будущими участниками и что практически весь вопросъ сводится лишь къ тому, когда она начнется, кто ее начнетъ и во имя чего она будетъ начата?

Спрашивается, въ чемъ же заключается причина первоначальнаго относительнаго равнодушія Европы къ факту созданія германской имперіи, съ одной стороны, причина перелома, наступившаго за послѣднее десятилѣтіе, съ другой стороны?

БИСМАРКЪ.

Само собою разумѣется, что нѣтъ никакой возможности хоть сколько-нибудь исчерпать этотъ вопросъ и разрѣшить, такимъ образомъ, одну изъ важнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ проблемъ европейской жизни. Можно только попытаться намѣтить нѣкоторые моменты, значеніе которыхъ въ данномъ случаѣ, повидимому, особенно велико.

Первые два факта, которые слѣдуетъ имѣть въ виду при объясненіи первоначальнаго равнодушнаго или сочувственнаго отношенія Европы къ созданію Германской имперіи, это, во-первыхъ, относительная насыщенность германско-прусской жизни послѣ войны 1870 г., и, во-вторыхъ, относительная незаинтересованность Англіи въ политической жизни континентальной Европы.

Результаты, достигнутые Германіей и, въ частности, Пруссіей въ какія-нибудь семь лѣтъ (считая отъ датской войны 1864 и до Франкфуртскаго мира 1871 г.) были грандіозны.

Для Германіи они выражались, помимо объединенія если не всего нѣмецкаго народа

(австрійскіе нѣмцы оставались внѣ объединенной Германіи), то подавляющаго большинства его, а, стало-быть, помимо огромнаго прироста политической силы и вліянія въ пріобрѣтеніи четырехъ областей, о которыхъ нѣмецкіе патріоты давно вздыхали (Шлезвигъ, Голштинія, Эльзасъ Лотарингія) и въ полученіи пяти милліардовъ франковъ военной контрибуціи.

Для Пруссіи результаты этого періода оказались еще болѣе значительными: австрійская война дала ей не только завоеванные совмѣстно съ Австріей Шлезвигъ и Голштинію, но вдобавокъ еще территоріи королевства Ганноверскаго, курфюршества Гессенскаго, великаго герцогства Гессенъ-Нассаускаго и вольнаго города Франкфурта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главенство въ сѣверо-германскомъ союзѣ. Франко-прусская война присоединила къ этому главенство во всей Германіи съ императорскимъ титуломъ для прусскаго короля,—титуломъ, политическаго значенія котораго не слѣдуетъ преуменьшать, особенно во внутренней жизни Германіи, гдѣ имъ подчеркивалась и внѣдрялась въ народное сознаніе разница въ положеніи главы всего государства и государей отдѣльныхъ нѣмецкихъ областей, хотя бы формально и суверенныхъ,—далѣе фактическое распоряженіе отнятыми у Франціи провинціями и, наконецъ, молчаливую, но отнюдь не лишенную политическаго значенія, санкцію всѣхъ аннексій 1866 г., не говоря уже о громаднѣйшемъ ростѣ вліянія специфически прусскихъ традицій, троекратно выдержавшихъ серьезнѣйшія испытанія.

Ясное дѣло, что послѣ періода быстрыхъ пріобрѣтеній долженъ былъ наступить періодъ большой организаціонной работы для окончательнаго закрѣпленія всего пріобрѣтеннаго, періодъ, въ теченіе котораго надлежало справиться и со всѣми тѣми внутренними затрудненіями, которыя должны были проявиться не только въ связи съ вынужденнымъ присоединеніемъ инородческихъ элементовъ населенія, въ особенности въ Шлезвигѣ и въ Лотарингіи, но и въ связи съ включеніемъ въ составъ имперіи южно-нѣмецкихъ земель, весь культурный складъ коихъ опредѣленно отличался отъ сѣверно-нѣмецкаго и, въ особенности, отъ прусскаго и, наконецъ, въ связи съ ускореннымъ ростомъ хозяйственной жизни объединенной Германіи и съ вызваннымъ имъ ростомъ соціальныхъ противорѣчій. Здѣсь не мѣсто слѣдить за содержаніемъ этой сложной работы, во время которой прусское юнкерство оказалось вынужденнымъ сдѣлать очень большія уступки, дабы не только догнать новыхъ южно-нѣмецкихъ согражданъ, но и привлечь ихъ такими реформами, которыя и имъ открывали бы болѣе широкіе горизонты жизни и дѣятельности (всеобщее избирательное право, освобожденіе школы отъ церковной опеки, введеніе гражданскаго брака, и т. д.). На ряду съ этимъ надо было организовать финансы имперіи, опредѣлить и въ теоріи и на практикѣ взаимоотношенія между имперскими и мѣстными властями, подготовить судебное и создать судопроизводственное объединеніе Германіи, и т. д., и т. д.

Часть этихъ задачъ до сихъ поръ не получила удовлетворительнаго разрѣшенія (организація имперскихъ финансовъ!), часть ихъ осуществлялась въ теченіе десятилѣтій (введеніе общегерманскаго гражданскаго уложенія съ 1 января 1900 г.!), но весьма понятно, что въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій имперіи мысли и вниманіе правительства были съ особенной силой направлены въ сторону мирной организаціи Германіи. Это то время, когда Бисмаркъ съ большой убѣжденностью заявлялъ, что всѣ балканскія земли не стоятъ „костей одного померанскаго гренадера“.

И въ области внѣшней политики задача Бисмарка заключалась прежде всего въ упроченіи достигнутаго. Отсюда попытка возобновить въ лицѣ союза трехъ императоровъ нѣчто въ родѣ Священнаго Союза (1873), отсюда,—когда стало выясняться, что не приходится дольше разсчитывать на попустительство Россіи въ дѣлѣ разгрома слишкомъ быстро окрѣпшей и жаждавшей реванша Франціи (1875),—стремленіе воспользоваться благопріятными условіями, чтобы ослабить Россію (Берлинскій конгрессъ, 1878), и использовать въ то же время опасенія Австріи относительно балканскихъ намѣреній Россіи для созданія австро-германскаго сближенія.

1. Бар. Гаймерле, 2. Гр. Кароли, 3. Гр. Лонэ, 4. Свѣтл. Кн. Горчаковъ, 5. Ваддингтонъ, 6. Гр. Биконсфильдъ, 7. Радовицъ, 8. Кн. Гогенлоэ, 9. Гр. Корти, 10. Гр. Муи, 11. Гр. Сенъ-Валье, 12. Депре, 13. П. П. Убри, 14. Гр. Андраши, 15. Бухеръ, 16. Кн. Бисмаркъ, 17. Гр. Шуваловъ, 18. Фонъ-Бюловъ, 19. Фонъ-Гольштейнъ, 20. Бушъ, 21. Гр. Г. Бисмаркъ, 22. Садулла-Бей, 23. Лордъ Одо-Россель, 24. Марк. Салисбюри, 25. Каратеодори-Паша, 26. Мегметъ-Али-Паша.

БЕРЛИНСКІЙ КОНГРЕССЪ 1878 г.

Съ картины А. фонъ-Вернера.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію“.

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

Продуктъ этого послѣдняго, „двойственный союзъ“ (1879), представляетъ послѣ возникновенія Пруссіи въ качествѣ великой державы самый важный фактъ въ жизни какъ средней Европы въ частности, такъ и всей международной организаціи европейскаго міра. Только съ этого момента традиціонная раздробленность и неорганизованность нѣмецкаго народа окончательно стала отходить въ область преданій и стала намѣчаться неизбѣжность той группировки державъ, которую мы наблюдаемъ нынѣ. Но въ 1879 г. то была еще музыка будущаго и притомъ относительно отдаленнаго будущаго. Тогда нѣмецко-австрійскій союзъ имѣлъ, несомнѣнно, по преимуществу оборонительный характеръ, и положеніе не измѣнилось и послѣ того, какъ онъ, вслѣдствіе присоединенія Италіи, превратился изъ двойственнаго въ тройственный (1883): Германія искала въ немъ санкціи и защиты своимъ пріобрѣтеніямъ 1864, 1866 и 1870 гг. прежде всего противъ Франціи, но, по крайней мѣрѣ, косвенно и противъ Россіи; Австрія находила въ немъ гарантію противъ наступательной политики Россіи на Балканахъ, Италія— гарантію противъ распространенія аннексіонныхъ поползновеній Франціи съ Туниса (установленіе французскаго протектората, 1883) на Триполитанію. Сочуственно относилась къ союзу въ теченіе долгаго времени, наконецъ, и Англія, видѣвшая въ немъ, созданную безъ ея участія и риска, гарантію противъ захвата Россіей проливовъ и Константинополя и противъ возобновленія какихъ-либо притязаній Франціи на занятый Англіей (1882) Египетъ.

Въ общемъ Германія въ теченіе этого періода была такъ далека отъ какихъ-либо тенденцій къ новымъ захватамъ, что она приступила лишь медленно и неохотно даже къ той имперіалистической политикѣ созданія возможно болѣе обширныхъ внѣевропейскихъ колоній, которая сама-по-себѣ не грозила такими серьезными политическими осложненіями, какъ всякая попытка расширить свои предѣлы въ Европѣ, и которая съ легкой руки Англіи въ то же время стала лозунгомъ европейской жизни. Сказывалось ли въ этомъ нежеланіе Бисмарка создавать плоскость тренія съ Англіей, нежеланіе побудить Англію рано или поздно искать союза съ Франціей противъ Германіи,—сказывалось ли въ немъ нежеланіе его разбрасывать свои силы, сосредоточеніе которыхъ было столь необходимо на случай одновременной борьбы „на два фронта“,—сказывалась ли въ немъ недооцѣнка экономическаго роста Германіи и ея потребности въ новыхъ широкихъ рынкахъ, отвѣтить на эти вопросы нынѣ довольно трудно. Вѣроятнѣе всего передъ нами результатъ довольно сложной суммы причинъ. Но какъ бы тамъ ни было, въ общемъ можно сказать, что Германія въ теченіе ближайшихъ двухъ десятилѣтій послѣ франко-прусской войны, т.-е. примѣрно до отставки Бисмарка и перехода власти къ самому Вильгельму II (1890 г.), была удовлетворена достигнутыми результатами и думала лишь объ ихъ закрѣпленіи, полагая, что удовлетвореніе экономическихъ потребностей нѣмецкаго народа, поскольку они не находятъ себѣ удовлетворенія въ самой Германіи, должно быть достигаемо путемъ такой внѣшней политики, которая позволитъ Германіи заключать съ сосѣдями (въ особенности съ Россіей) наивыгоднѣйшіе торговые договоры.

Вторымъ существеннымъ моментомъ, объясняющимъ спокойное отношеніе правящей Европы къ созданію имперіи, является, какъ сказано, характеръ международной политики Англіи тѣхъ временъ.

Разгромъ Наполеона I покончилъ на долгое время съ колоніальными замыслами и съ антианглійской міровой политикой Франціи. Другія старыя колоніальныя державы — Испанія, Португалія, Голландія — были еще менѣе Франціи въ состояніи конкурировать съ Англіей [1]). И если въ теченіе XIX вѣка въ сознаніи широкихъ англійскихъ массъ стала вырисовываться новая опасность взамѣнъ французской, то это была никакъ не нѣмецкая, а русская.

Давленіе „русскаго колосса“ на Турецкую имперію, а позднѣе черезъ средне-азіатскія владѣнія на Индію представляло въ теченіе всего XIX вѣка предметъ наиболѣе острыхъ

[1]) Вдобавокъ двѣ изъ нихъ (Испанія и Португалія) потеряли, какъ разъ въ началѣ XIX вѣка, всѣ свои средне- и южно-американскія владѣнія, сразу попавшія въ полную торговую зависимость отъ Англіи.

англійскихъ опасеній, а характеръ внутренней жизни Россіи вызывалъ въ Англіи глубокое отвращеніе, презрѣніе и вражду. Германскія же державы — Пруссія и Австрія — не вызывали ни особенныхъ симпатій, ни острой антипатіи. Во всякомъ случаѣ могло казаться, что при данномъ положеніи вещей Англіи не зачѣмъ вмѣшиваться въ дѣла европейскаго континента (поскольку, разумѣется, не возникала опасность захвата Россіей проливовъ) и что ей достаточно внимательно слѣдить за совершавшимися тамъ событіями, дабы не допустить такого нарушенія европейскаго равновѣсія, которое могло бы отразиться на міровой торговлѣ и колоніальныхъ владѣніяхъ Англіи. Изъ западно-европейскихъ державъ скорѣе всего все-таки именно Франція продолжала возбуждать въ англичанахъ нѣкоторыя подозрѣнія: ея утвержденіе въ Алжирѣ, а позднѣе въ нѣкоторой части Полинезіи, ея исключительно выдающееся участіе въ объединеніи Италіи, обезпечившее ей въ новомъ королевствѣ особенное вліяніе, ея первенствующая роль въ авантюрѣ эрцгерцога Максимиліана въ Мексикѣ, наконецъ, въ особенности разглашенные Бисмаркомъ переговоры Наполеона III съ нимъ относительно аннексіи не то Бельгіи, не то Люксембурга, все это указывало на то, что старыя замашки міровой политики еще сильны во Франціи, и побудили англійское правительство, несмотря на устанавливавшееся періодически (при Людовикѣ-Филиппѣ и при Наполеонѣ III) „сердечное соглашеніе" двухъ странъ и несмотря на симпатіи значительной части англійскаго общества къ разгромленной Франціи, принять созданіе германской имперіи и Франкфуртскій миръ безъ возраженій. А когда послѣ 1871 г. стало выясняться, что Англія обрѣтетъ въ Германіи противовѣсъ какъ противъ Россіи, такъ и противъ Франціи, ставшей на пути англійскаго стремленія къ захвату Египта, тогда Англія оказалась еще въ большей степени готовой мириться съ преобладаніемъ Германіи на материкѣ Европы, поскольку оно не касалось преобладанія самой Англіи во всѣхъ остальныхъ частяхъ свѣта и не развивалось въ угрозу для англійской торговли.

Доброжелательное отношеніе правящей Россіи къ германской имперіи, сыгравшее во время войны не малую роль въ пользу Германіи, было менѣе долговѣчно [1]). Уже самый фактъ чрезвычайнаго усиленія могущества и престижа Германіи не могъ понравиться тамъ, гдѣ такъ же, какъ въ Австріи и во Франціи, привыкли къ раздробленности Германіи, какъ къ нормальному состоянію европейской жизни. Впечатлѣніе исключительной военной мощи ближайшаго сосѣда неизбѣжно должно было вызвать безпокойство, поддержанное повышеннымъ темпомъ части нѣмецкой печати, опьяненной побѣдами 1870 г. Несмотря на дружескія отношенія между императорами Александромъ II и Вильгельмомъ I стало яснымъ, что не въ интересахъ Россіи допустить дальнѣйшее ослабленіе Франціи и связанное съ нимъ новое усиленіе Германіи: воинственныя статьи, появившіяся въ 1875 г. въ нѣмецкихъ офиціозныхъ газетахъ, дали кн. Горчакову возможность предупредить Берлинъ, что Россія не потерпитъ новаго разгрома Франціи. Берлинскій конгрессъ оставилъ тяжелый слѣдъ на русско-нѣмецкихъ отношеніяхъ: въ роли „честнаго маклера" Бисмаркъ, по мнѣнію русскихъ дипломатовъ, не оказавшихся на высотѣ выпавшей на ихъ долю сложной задачи, не оказалъ русскимъ желаніямъ возможной поддержки и тѣмъ самымъ косвенно поддержалъ англо-австрійскую оппозицію противъ Россіи. Заключеніе „двойственнаго союза" еще болѣе охладило взаимныя отношенія: обострявшійся постепенно антагонизмъ русско-австрійской политики, отразившійся на внутреннемъ развитіи, какъ Сербіи временъ Милана, такъ и Болгаріи временъ Александра Баттенбергскаго и, въ особенности, временъ Стамбулова, при наличности двойственнаго союза, имѣлъ естественную тенденцію превратиться въ антагонизмъ русско-нѣмецкій. А обостреніе русско-англійскихъ отношеній, едва не дошедшее въ 1885 г. до войны изъ-за столкновенія отряда генерала Комарова съ афганцами на Кушкѣ, хотя и обязывало русскую политику къ нѣкоторой осмотрительности по отношенію къ Германіи, но усиливало въ то же время, въ виду добрыхъ отношеній Англіи и Германіи, подозрѣнія къ намѣреніямъ послѣдней.

[1]) Въ русскомъ обществѣ побѣда Германіи надъ Франціей вызвала сразу весьма отрицательное къ себѣ отношеніе.

И все же рядъ обстоятельствъ препятствовалъ и Россіи выступить непосредственно послѣ 1871 г. врагомъ имперіи: традиціонная дружба двухъ династій, неожиданно тяжелыя испытанія турецкой кампаніи, начало революціоннаго движенія въ Россіи, убійство Александра II, миролюбіе Александра III,—все это вмѣстѣ создало и съ этой стороны благопріятныя для Германіи условія. Наиболѣе любопытнымъ доказательствомъ этого является тотъ тайный сепара́тный договоръ Германіи съ Россіей, который былъ заключенъ Бисмаркомъ, несмотря на созданный имъ тройственный союзъ, и который, по его же выраженію, долженъ былъ представлять для Германіи своего рода „перестраховку": отказъ Берлина при ближайшемъ же преемникѣ Бисмарка, при канцлерѣ графѣ Каприви, отъ продленія этого договора (1891) послужилъ для Россіи послѣднимъ толчкомъ къ рѣшительной перемѣнѣ фронта, къ сближенію и союзу съ Франціей.

Медаль, выбитая въ память закладки моста императора Александра III въ Парижѣ.

При выжидательномъ или даже доброжелательномъ отношеніи Англіи и Россіи къ Германской имперіи не только разгромленная, казалось, на многія поколѣнія Франція, но и разбитая сама пять лѣтъ тому назадъ Австрія, очевидно, были совершенно безсильны противъ Германіи, а младшая въ семьѣ европейскихъ великихъ державъ Италія, даже если бы она и пожелала, и думать не могла объ изолированномъ активномъ участіи въ европейской большой политикѣ. Вдобавокъ, господство во Франціи клерикальныхъ круговъ, протестовавшихъ противъ уничтоженія свѣтской власти папы въ Римѣ (до 1878 г.), а затѣмъ захватъ Франціей Туниса, отдалили молодую Италію отъ Франціи и побудили ее, въ лицѣ Криспи, вступить съ Германіей и Австріей въ тройственный союзъ.

Самая существенная эволюція въ ея отношеніи къ Германіи выпала, какъ мы видѣли, на долю Австріи. Вышвырнутая Бисмаркомъ въ 1866 г. изъ Германіи и лишенная, повидимому, навсегда своего руководящаго въ ней положенія, она въ 1870 г. не посмѣла возобновить борьбу, боясь вмѣшательства Россіи въ пользу Германіи, а затѣмъ и испугавшись быстрыхъ побѣдъ нѣмецкихъ войскъ, плѣнившихъ черезъ 46 дней послѣ начала кампаніи Наполеона III и лучшую полевую армію Франціи. Опасность дальнѣйшаго увеличенія близости между Берлиномъ и Петроградомъ, жертвой которой легко могла бы сдѣлаться Австрія, заставила Франца-Іосифа, съ своей стороны, искать сближенія съ недавнимъ врагомъ, а когда стало намѣчаться охлажденіе русско-нѣмецкихъ отношеній, въ то время какъ на Балканахъ, очевидно, готовились новыя грозныя событія, тогда не только въ самой Австріи, но и въ Венгріи, не забывшей о русскомъ походѣ 1849 г., стали подумывать о томъ, чтобы найти въ союзѣ съ Германіей спасеніе отъ Россіи, — даже больше, въ союзѣ съ нѣмцами спасеніе отъ славянъ. Таково происхожденіе и историческое значеніе не разъ упомянутаго двойственнаго союза. Строго оборонительный по формѣ, а въ началѣ, какъ мы видѣли, и по существу, онъ былъ

направленъ одновременно и противъ Франціи, и противъ Россіи, и, въ лицѣ послѣдней, противъ славянства въ цѣломъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, та сторона этого союза, которая приводила его въ неизбѣжное столкновеніе съ дальнѣйшей эволюціей европейской жизни и, рано или поздно, даже независимо отъ всякихъ иныхъ обстоятельствъ, должна была превратить его въ союзъ наступательный.

Послѣ побѣды итальянскаго и нѣмецкаго національнаго движенія, выразившейся въ созданіи соотвѣтственныхъ національныхъ государствъ, дѣйствительно неминуемо наступалъ моментъ, когда это движеніе въ сторону созданія или возстановленія національныхъ государствъ, съ возможнымъ соединеніемъ всѣхъ элементовъ данной націи въ одномъ государствѣ, должно было проявиться съ удвоенной энергіей и среди славянъ. Началось это движеніе задолго до объединенія Германіи, и началось, притомъ, не только въ формѣ возстаній славянскихъ народовъ противъ турецкаго господства, но и въ формѣ національнаго движенія среди славянскихъ народностей, включенныхъ въ организмъ Австро-Венгріи. Весьма естественно, что взоры не только болгаръ, сербовъ и черногорцевъ, но и взоры чеховъ, словаковъ, русиновъ и хорватовъ стали при этомъ обращаться на Россію, и столь же естественно, что это „панславистское" теченіе вызвало къ себѣ сразу весьма враждебное отношеніе и въ Австро-Венгріи и въ Германіи. Для Австро-Венгріи оно представляло, очевидно, смертельную опасность: справиться съ нимъ можно было только всемѣрной борьбой съ Россіей — съ одной стороны, обезпеченіемъ славянскимъ народностямъ Австріи возможно болѣе благопріятныхъ условій существованія — съ другой стороны. Борьба съ Россіей одинъ-на-одинъ была, однако, безнадежна, и приходилось, стало-быть, искать опору въ Германіи, а союзъ съ Германіей, какъ очень скоро выяснилось, долженъ былъ устранить возможность славянофильской внутренней политики, т.-е. увѣковѣчить тѣмъ самымъ внутренніе раздоры между командующимъ нѣмецко-венгерскимъ и неполноправнымъ славянскимъ элементомъ.

Неразумность такой внутренней политики, съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ Австро-Венгріи, была столь очевидна, что въ одномъ, по крайней мѣрѣ, пунктѣ австрійская власть не подчинилась антиславянскимъ инстинктамъ нѣмцевъ и венгровъ, а искала почти всегда сближенія съ однимъ изъ славянскихъ народовъ. Рѣчь идетъ о полякахъ. Съ австрійской точки зрѣнія это была единственно возможная и въ то же время тѣмъ болѣе многообѣщающая политика, чѣмъ болѣе суровъ былъ режимъ, господствовавшій въ русской Польшѣ. Учитывая чувства польскаго общества къ русскому государству, какъ они сложились въ особенности послѣ жестокаго подавленія двухъ польскихъ возстаній, Австрія могла разсчитывать найти въ нихъ такую же вѣрную опору, какъ въ венграхъ [1]). А дальше открывалась широкая перспектива внутренняго ослабленія Россіи путемъ привлеченія симпатій русскихъ поляковъ какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Ясно, такимъ образомъ, сколько возможностей было связано для Австріи съ систематически полонофильской съ ея стороны политикой. Такому направленію австрійской политики по отношенію къ полякамъ, несомнѣнно, содѣйствовали и крайне сложныя внутреннія условія австрійской жизни, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить. Однако внѣшнія отношенія и въ данномъ случаѣ сыграли, повидимому, рѣшающую роль: какъ наиболѣе слабая изъ трехъ восточныхъ державъ и какъ наименѣе однородная по своему этнографическому составу, она поневолѣ должна была обратиться именно къ этому средству въ борьбѣ съ Россіей.

Трудность положенія Австріи заключалась, однако, въ томъ, что, съ одной стороны, таковъ былъ единственно возможный и разумный для нея путь, и что, съ другой стороны, союзъ съ Германіей, неизбѣжный для обезпеченія счастливаго исхода будущей войны съ Рос-

[1]) Впервые такое направленіе австрійской политики стало намѣчаться въ 1863 г., когда Австрія обратилась къ Россіи, вмѣстѣ съ Англіей и Франціей, съ представленіями о нарушеніи Россіей гарантированныхъ Польшѣ Вѣнскимъ конгрессомъ правъ.

сіей, дѣлалъ послѣдовательное проведеніе такой политики совершенно невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, союзъ съ Германіей усиливалъ самосознаніе, вліяніе и притязанія нѣмецкаго элемента въ самой Австріи, а, стало-быть, и его сопротивленіе всему, что шло въ сторону возрастающей автономіи польскихъ земель Австріи. А, во-вторыхъ, Пруссія-Германія также мало сочувствовала польской политикѣ Австріи изъ-за своей Познани, польской Силезіи и западной Пруссіи, какъ Россія изъ-за Царства Польскаго. Извѣстно, что именно на этой почвѣ не разъ происходили переговоры между Вѣной и Берлиномъ, въ которыхъ Германія неизмѣнно отстаивала антипольскую точку зрѣнія и жаловалась на потворство великопольскимъ идеямъ, а въ Вѣнѣ поляки не разъ заявляли энергичные протесты противъ того обращенія, которому подвергались ихъ братья въ Пруссіи.

Таковъ ужъ исключительный трагизмъ въ судьбѣ польскаго народа, что желаніе обезпечить себя отъ неистребимыхъ польскихъ стремленій къ собственной государственности и свободѣ не разъ ослабляло нараставшую конкуренцію сосѣднихъ восточныхъ державъ и побуждало ихъ итти рука-объ-руку или, по крайней мѣрѣ, не давать своимъ враждебнымъ инстинктамъ волю. Мало того, стоило одной изъ державъ заявить, что она намѣрена приступить къ широкимъ реформамъ въ захваченной ею части Польши, какъ двѣ другія усматривали въ этомъ опасность для себя и принимали всѣ возможныя мѣры, чтобы положить такой политикѣ возможно скорѣе предѣлъ или включить его въ возможно узкія рамки. Достаточно вспомнить хотя бы отношеніе Меттерниха къ дарованію Александромъ I Польшѣ конституціи или отношеніе прусскаго правительства въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ къ попыткѣ Александра II найти, при помощи маркиза Велепольскаго, пути къ примиренію съ поляками [1]). И кто можетъ въ настоящее время въ точности сказать, какую роль сыграло нѣмецкое воздѣйствіе на судьбу польскаго народа осенью 1905 г., чѣмъ было вызвано скороспѣлое объявленіе Польши на военномъ положеніи, произведшее такое тяжелое впечатлѣніе не только на польское, но и на русское общество? Кто скажетъ сейчасъ, какое вліяніе эти факты оказали косвенно на весь ходъ русскаго внутренняго развитія въ тѣ годы?

Какъ бы тамъ ни было, одно ясно: условія европейской жизни создавали неизбѣжность рѣшительной борьбы Россіи съ Австріей, разъ только Россія не мирилась съ тѣмъ status quo на Балканскомъ полуостровѣ, который былъ равносиленъ подрыву національной энергіи балканскихъ славянъ,—мало того: ихъ истребленію и денаціонализаціи! [2])— и разъ только она не перестала быть даже, помимо воли, естественнымъ магнитомъ, если не для всѣхъ, то для части австрійскихъ славянъ. Перейди Австрія рѣшительно къ федералистической организаціи, обезпечь она на равныхъ началахъ національные интересы всѣхъ входящихъ въ ея составъ народностей, не только тяготѣніе австрійскихъ славянъ къ Россіи прекратилось бы на все то время, покуда внутренняя жизнь Россіи не стала бы свободнѣе, богаче и культурно значительнѣе, чѣмъ жизнь австрійской федераціи, но Австрія, несомнѣнно, пріобрѣла бы прочныя симпатіи среди балканскихъ славянъ, среди поляковъ и среди другихъ народностей Россіи. Невозможность ни помириться съ славянской политикой Россіи и съ славянскими симпатіями къ Россіи, ни повести самой послѣдовательную славянскую политику противъ Россіи — связывала Австрію фактически съ каждымъ годомъ все болѣе съ Германіей, какъ съ единственной надеждой остановить ростъ Россіи уже не собственной политикой и самостоятельнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, а силою нѣмецкаго оружія. Возрастающая зависимость отъ Германіи вос-

---

[1]) См. по этому поводу бар. Б. Нольде: „Внѣшняя политика" (Петроградъ, 1915), стр. 151 и сл.

[2]) Не мѣшаетъ вспомнить, что за весь XIX вѣкъ каждый шагъ въ сторону освобожденія народностей Балканскаго полуострова—грековъ, славянъ и румынъ—предпринятъ противъ воли Австріи и почти каждый при непосредственномъ вооруженномъ или дипломатическомъ содѣйствіи Россіи.

принималась въ Вѣнѣ, несомнѣнно, какъ тяжелый крестъ, и по временамъ усиливались тѣ никогда не исчезавшія теченія, которыя искали возможности избавиться отъ нѣмецкой гегемоніи, но то были безнадежныя потуги политическихъ фантазеровъ, которыя были возможны лишь покуда не наступалъ серьезный международный кризисъ. Разъ только дѣло доходило до настоящей угрозы войны, Австріи только и оставалось броситься въ объятія Германіи.

Въ этомъ трагически-неизбѣжномъ австро-русскомъ конфликтѣ, за которымъ скрывалась борьба нѣмцевъ со славянами [1]), заключалась одна изъ причинъ, которыя должны были рано или поздно привести къ роковому столкновенію Россіи съ покровительницей Австріи, Германіей. Во всякомъ случаѣ, однако, ясно до какой степени согласіе старой конкурентки поставить крестъ надъ своими прежними нѣмецкими притязаніями и принять положеніе, создавшееся послѣ 1866 и 1871 гг., было на-руку Германіи и укрѣпляло ея позицію.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

Когда князь Бисмаркъ возвращалъ, по требованію императора, свой портфель Вильгельму II, онъ могъ съ удовлетвореніемъ констатировать, что задача, поставленная ему Вильгельмомъ и настроеніемъ подавляющей массы нѣмецкаго общества, исполнена имъ блестяще; результаты войнъ 1864, 1866 и 1871 гг. консолидированы, несмотря на несогласіе французскаго общества примириться съ фактомъ потери Эльзаса и Лотарингіи, и консолидированы безъ новой войны путемъ созданія тройственнаго союза, достаточно сильнаго, чтобы сдерживать не только Францію, но, если понадобится, и Россію,—союза, главенствующее положеніе въ коемъ Германіи—ни для кого не тайна.

Несмотря на такой блестящій результатъ въ каждой организаціи, стремящейся, прежде всего, къ сохраненію status quo, есть элементъ отрицанія дальнѣйшей эволюціи жизни, а, сталобыть, элементъ, задерживающій ростъ не только тѣхъ силъ, противъ которыхъ данная организація направлена, но и тѣхъ, которые сами въ ней заключены. Это сказалось не только во внутренней политикѣ Бисмарка, пріобрѣвшей довольно неподвижный характеръ, но и въ его внѣшней политикѣ.

А между тѣмъ, за двадцать лѣтъ, протекшія отъ франко-прусской войны до отставки Бисмарка, характеръ нѣмецкой жизни измѣнился больше, чѣмъ за предыдущія 70 лѣтъ XIX вѣка, интенсивность и размахъ ея увеличились до чрезвычайности, и нація, до 1870 г. въ большей своей части земледѣльческая, окончательно перенесла центръ тяжести своей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главный источникъ своего существованія, изъ области земледѣлія въ область промышленности и торговли. Жизнь стала выдвигать новыя, непривычныя для Бисмарка и его поколѣнія проблемы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стала требовать и новыхъ пріемовъ для ихъ разрѣшенія. Землевладѣльцу же Бисмарку гигантскій ростъ Берлина внушалъ лишь полувысокомѣрное, полувраждебное замѣчаніе о „распухшей отъ водянки“ головѣ Германіи (der Wasserkopf Berlin!).

Теперь еще рано выяснять во всемъ объемѣ мотивы, побудившіе Вильгельма II къ разрыву

[1]) См. мою статью „Борьба народовъ“ въ упомянутомъ выше сборникѣ.

съ Бисмаркомъ. Но оцѣнить значеніе этого факта уже возможно и, въ связи съ этимъ, придется признать, что привычное пренебрежительное отношеніе къ Вильгельму II едва ли правильно. Вильгельмъ II, несомнѣнно, далеко не геній, но, во-первыхъ, онъ все же талантливый во многихъ областяхъ человѣкъ, а во-вторыхъ,—и это самое главное!—онъ сумѣлъ сдѣлаться вождемъ своего народа, сумѣлъ формулировать опредѣленный и соотвѣтствующій широко распространенному пониманію взглядъ на задачи нѣмецкой народной и государственной политики („будущее Германіи—на морѣ!") и, что еще существеннѣе, сумѣлъ съ поразительной энергіей сосредоточить не только свою работу, но и значительную часть работы своихъ соплеменниковъ на борьбѣ за осуществленіе этихъ задачъ.

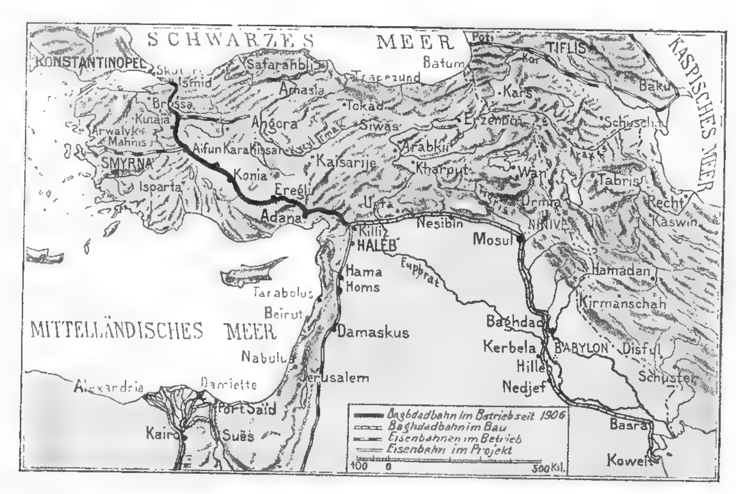
Въ настоящее время совершенно невозможно опредѣлить, когда и какъ совершился переходъ отъ оборонительной политики Вильгельма I и Бисмарка къ той наступательной политикѣ, которая останется связанной съ именемъ Вильгельма II и которая создала окончательную неизбѣжность нынѣшней войны, опредѣлила теперешнюю группировку державъ и придала войнѣ ея катастрофическій для всѣхъ участниковъ характеръ.

Весьма возможно, что этотъ переломъ совершился въ сознаніи самого Вильгельма II отнюдь не сразу. Вѣдь, не можетъ же подлежать сомнѣнію, что онъ не разъ за 27 лѣтъ своего царствованія мѣнялъ оріентировку своей внѣшней политики, то искалъ сближенія съ Англіей, то—съ Россіей, то—съ Франціей, покуда,—повидимому, лишь за послѣдніе годы, — не пришелъ къ заключенію, что ему приходится твердо разсчитывать лишь на одну Австрію, „нибелунгова вѣрность" которой представляетъ неизбѣжный продуктъ всей конфигураціи европейскихъ международныхъ отношеній.

Самымъ важнымъ моментомъ послѣднихъ лѣтъ является, во всякомъ случаѣ, тотъ именно, когда опредѣлившееся съ 1890 г. обостреніе нѣмецко-русскихъ отношеній осложнилось обостреніемъ англо-нѣмецкихъ отношеній и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, — впервые за цѣлое столѣтіе! — стало намѣчаться, а затѣмъ и осуществилось англо-русское сближеніе, закончившее, на ряду съ франко-русскимъ союзомъ, новый двусторонній обхватъ германо-австрійской позиціи.

Неожиданно могучій ростъ нѣмецкой промышленности, рано или поздно, долженъ былъ поставить нѣмецкому народу и его власти задачу обезпечить продуктамъ этой промышленности надлежащіе рынки. Какъ ни старалась Германія съ половины 80-хъ годовъ создать, по примѣру Англіи и Франціи, и свою колоніальную имперію,—достигнутые ею въ этой области успѣхи уже потому оказались ничтожными, что большая часть земного шара, такъ или иначе, уже была раздѣлена, а тѣ страны, которыя, какъ Китай, еще не были подѣлены между великими державами, вызывали одновременно столько разнообразныхъ аппетитовъ, что нечего было и думать объ исключительномъ нѣмецкомъ преобладаніи. Во времена Бисмарка нѣмецкая власть, повидимому, полагала, что это зло еще не столь большой руки, и что необходимо лишь позаботиться о поддержкѣ мирной конкуренціи нѣмецкой торговли и промышленности съ другими странами. По мѣрѣ того, однако, какъ росли успѣхи нѣмцевъ въ этой области, и по мѣрѣ того, какъ другіе народы стали стремиться къ тому, чтобы оградить свою хозяйственную жизнь отъ нѣмецкаго соперничества, выяснялось, что разсчитывать исключительно на мирную конкуренцію невозможно, и что необходимо обезпечить дальнѣйшее экономичеcкое развитіе Германіи путемъ пріобрѣтенія такихъ политически зависимыхъ отъ нея и притомъ возможно болѣе обширныхъ территорій, въ которыхъ нѣмецкая торговля и промышленность могли бы спокойно хозяйничать.

Отсюда, во-первыхъ, стремленіе Германіи всячески завоевать себѣ заокеанскіе рынки въ колоніяхъ другихъ европейскихъ странъ, съ вытѣсненіемъ изъ нихъ торговли и промышленности метрополіи, во-вторыхъ, настойчивое стараніе ея использовать всѣ затрудненія, возникавшія для Россіи изъ хода ея внѣшняго и внутренняго развитія, дабы превратить Россію въ огромный Hinterland для Германіи, въ-третьихъ, стремленіе обратить Турцію въ экономически

Германская карта Багдадской желѣзной дороги.

и политически вассальное государство (багдадская желѣзная дорога, миссія генерала Лимана фонъ-Сандерса и т. п.) и, въ-четвертыхъ, наконецъ, безпокойное стремленіе создать себѣ сверхъ этого обширныя собственныя колоніальныя владѣнія.

Не разсчитывая пока на возможность поживиться насчетъ англійскихъ колоній, Германія не разъ бросала жадные взоры на португальскія, голландскія, бельгійскія и даже на французскія владѣнія. Далеко не всѣ относящіеся сюда факты стали достояніемъ гласности, но и того, что извѣстно, достаточно, чтобы понять, какъ нервная нѣмецкая политика должна была дѣйствовать на міръ и, въ частности, на Англію, передъ которой съ каждымъ годомъ все явственнѣе вырисовывалась нѣмецкая опасность. Эта опасность уже потому была гораздо болѣе грозной, чѣмъ нѣкогда наполеоновская, что Германія располагала не только колоссальнымъ войскомъ и быстро возраставшимъ качественно и количественно военнымъ флотомъ, но и громадной, охватывавшей весь міръ, торговой организаціей съ необыкновенно подвижнымъ и внушительнымъ по своимъ размѣрамъ торговымъ флотомъ, тогда какъ у Наполеона не было сколько-нибудь значительнаго военнаго и въ особенности торговаго флота. Лихорадочная поспѣшность, съ которой Германія увеличивала свой военный флотъ, была въ то же время нисколько не менѣе поучительна для Англіи, чѣмъ та боевая пангерманская литература, которая становилась все болѣе вызывающей и все болѣе развязно заявляла всему міру о безспорномъ правѣ нѣмцевъ властвовать надъ нимъ.

Несмотря на всѣ эти факты, англійская внѣшняя политика лишь медленно освобождалась какъ отъ идеи „блестящей изолированности" (splendid isolation) Англіи, не нуждающейся ни въ союзахъ, ни въ соглашеніяхъ съ европейскими державами, такъ и отъ привычки усматривать наиболѣе серьезную опасность для своего благополучія въ Россіи. Послѣднее было особенно важно въ виду того, что безъ соглашенія съ Россіей никакая антинѣмецкая комбинація не могла имѣть достаточно серьезной военной базы. Вотъ почему политика Эдуарда VII, систематически стремившагося къ изолированію Германіи и, въ частности, къ созданію англо-французскаго и англо-итальянскаго сближенія, все же не представляла еще рѣшительной угрозы для Германіи, хотя и свидѣтельствовала о начавшемся серьезномъ поворотѣ въ оріен-

таціи англійской внѣшней политики. Лишь послѣ 1905 года Англія, освободившаяся отъ кошмара русской опасности, почувствовала съ удвоенной силой наростаніе опасности германской. Съ этого времени, вмѣстѣ съ тѣмъ, именно Англія становится во главѣ противниковъ германской гегемоніи, еще усилившейся вслѣдствіе понесеннаго Россіей удара.

А въ то же время Германія, или, точнѣе, Германія и Австрія начинаютъ проявлять усиленную дѣятельность. Весьма вѣроятно, хотя это и не можетъ быть доказано съ математической точностью, что именно военныя неудачи 1904/5 и внутренняя разруха Россіи въ 1905/6 гг. послужили тѣмъ толчкомъ, который содѣйствовалъ окончательному обращенію германско-австрійскаго союза изъ оборонительнаго въ наступательный. Возможно также, что этому содѣйствовало и впечатлѣніе, вызванное, несомнѣнно, въ нѣмецкомъ мірѣ преобладающимъ антинѣмецкимъ настроеніемъ русскаго общественнаго мнѣнія, какъ оно выразилось и въ 1905 и въ слѣдующихъ годахъ какъ въ печати, такъ, въ особенности, и въ Государственной Думѣ. Правда, нынѣшняя война показала, что въ Германіи не отдавали себѣ и отдаленнаго отчета въ томъ, насколько война съ ней будетъ популярна въ Россіи и насколько она объединитъ самые разнообразные слои общества и группы населенія въ одномъ настроеніи. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы впечатлѣніе, произведенное враждебнымъ отношеніемъ русскаго общества къ Германіи, осталось безъ вліянія на встрѣчныя выступленія въ нѣмецкомъ обществѣ [1]).

ЭДУАРДЪ VII.

Какъ бы тамъ ни было, рѣзкое нарушеніе европейскаго равновѣсія, вызванное временнымъ выбытіемъ изъ строя одной изъ европейскихъ великихъ державъ, повлекло за собой свои естественныя послѣдствія — усиленную нервность всей европейской жизни и попытки наиболѣе сильной въ данный моментъ группы державъ использовать создавшееся положеніе.

Весьма понятно, что наступательное движеніе должно было совершиться по линіи наименьшаго сопротивленія, т.-е. при данныхъ условіяхъ должно было направиться противъ Россіи или, точнѣе, противъ той сферы русскихъ интересовъ, которая—поскольку дѣло не доходитъ до русско-нѣмецкой войны—географически въ наибольшей степени подвергнута нѣмецкому воздѣйствію, т.-е. противъ Балканскаго полуострова [2]). Отсюда сначала аннексія Босніи и Герцеговины Австріей, затѣмъ—послѣ контръ-удара, заключавшагося въ созданіи балканскаго союза и въ его побѣдоносной борьбѣ съ Турціей, — дипломатическое „содѣйствіе", оказанное нѣмецкими державами болгаро-сербо-греческой войнѣ, и, наконецъ, миссія генерала Лимана фонъ-Сандерса, намѣчавшая обращеніе Турціи въ вассала Германіи.

Вопросъ о балканской политикѣ и балканскихъ интересахъ Россіи представляется однимъ изъ спорныхъ вопросовъ русской общественной мысли. Весьма значительные круги русскаго

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ оговориться, что этимъ отнюдь не сказано, что первый толчекъ къ взаимнымъ враждебнымъ отношеніямъ исходилъ изъ Россіи или, въ частности, изъ среды русскаго общества или что эти враждебныя отношенія сложились только послѣ 1905 г.

[2]) Размѣры статьи не позволяютъ остановиться на чрезвычайно любопытномъ вопросѣ, какую роль въ этомъ нѣмецкомъ движеніи сыграли революціонныя событія въ Константинополѣ, паденіе Абдула-Гамида и утвержденіе младотурецкаго режима.

общества утомлены огромными жертвами, не разъ принесенными русскимъ народомъ ради освобожденія балканскихъ славянъ, и раздражены двойственной политикой по отношенію къ Россіи, которая не разъ проявлялась какъ сербами (въ особенности при Миланѣ и Александрѣ Обреновичахъ), такъ и болгарами [1]), а также и той взаимной ненавистью и неуступчивостью, которую и тѣ и другіе проявили не разъ въ македонскомъ вопросѣ. Независимо отъ этого широкіе круги полагали, а быть-можетъ, полагаютъ и теперь, что передъ русскимъ обществомъ и русской властью стоятъ такіе огромные вопросы внутренняго строительства, что не время тратить силы на устройство судьбы другихъ народовъ или на пріобрѣтеніе новыхъ территорій (вопросъ о проливахъ!). Говоря о настоятельной необходимости сосредоточить всѣ силы на непосредственныхъ задачахъ русской народной и государственной жизни, многіе склонны отрицать разумность какой-либо активной славянской политики на Балканахъ и какой-либо активной заботы объ обезпеченіи власти надъ проливами за Россіей.

БОСФОРЪ.

Въ настоящее время число такихъ лицъ, несомнѣнно, значительно сократилось. Война болѣе чѣмъ убѣдительно показала, что Германія стремится къ міровому владычеству, что одинъ изъ важнѣйшихъ путей ея къ этому владычеству идетъ черезъ Балканскій полуостровъ и черезъ Константинополь и что, стало-быть, вопросъ о русско-балканскихъ отношеніяхъ имѣетъ первостепенную важность. Многіе убѣдились въ томъ, что именно въ интересахъ защиты русской государственности и русскаго національнаго хозяйства отъ нѣмецкихъ поползновеній активная политика Россіи на Балканахъ, всяческое содѣйствіе антинѣмецкимъ и антиавстрійскимъ теченіямъ въ Румыніи, Болгаріи, Сербіи и Греціи и категорическое устраненіе нѣмецкой гегемоніи надъ Константинополемъ представляютъ первѣйшія условія нормальнаго развитія

[1]) Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку тѣхъ мѣстныхъ причинъ экономическаго и иного порядка, которыя даже независимо отъ неоднократныхъ тяжелыхъ ошибокъ русской дипломатіи заставляли сербовъ и болгаръ искать точки соприкосновенія съ Австріей, а черезъ нее и съ Германіей, чѣмъ и создавалось впечатлѣніе двойственности ихъ поведенія по отношенію къ ихъ освободительницѣ. „Благодарность“ за оказанныя услуги, какъ бы онѣ ни были велики, котируется на дипломатической биржѣ чрезвычайно невысоко, ибо каждое государство обязано прежде всего руководствоваться насущными интересами собственнаго народа. Другой вопросъ, насколько эти интересы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ правильно учитываются.

нашей собственной жизни. Благодаря натиску нѣмцевъ, опредѣленная балканская программа становится интегрирующей частью всякой русской внѣшней политики.

Уступчивость, проявленная Россiей за послѣднiе годы до войны, со временъ аннексiи Боснiи и Герцеговины,—уступчивость, обусловленная полной военной неподготовленностью и недовѣрiемъ къ своимъ силамъ,—только усилила натискъ нѣмцевъ. Съ внѣшней стороны порой могло казаться, что рѣчь идетъ лишь о спорѣ Россiи и Австрiи или Россiи и Германiи за преобладанiе на Балканахъ. А, между тѣмъ, конфликтъ прiобрѣталъ съ каждымъ годомъ все болѣе острый и широкiй характеръ: съ одной стороны, у насъ возрастало сознанiе нѣмецкой опасности, еще усиленное явнымъ влiянiемъ Германiи на нашу внутреннюю политику и мыслью о предстоящемъ въ 1917 г. заключенiи русско-нѣмецкаго торговаго договора; съ другой стороны, все болѣе чувствовалась тревога Англiи и Францiи за дальнѣйшую эволюцiю европейской жизни, ихъ возраставшая готовность поддержать Россiю противъ Германiи и Австрiи въ виду явной неустранимости конечнаго столкновенiя между нѣмецкими державами и прочимъ европейскимъ мiромъ. Весьма естественно, что Германiя, съ своей стороны, проявляла также усиленную нервность. Жалуясь на то, что враги хотятъ ее окончательно изолировать и окружить желѣзнымъ кольцомъ, она торопилась завершить свои вооруженiя и, когда сочла ихъ законченными, провоцировала нынѣшнюю войну,—провоцировала ее съ глубокой увѣренностью въ безграничномъ превосходствѣ не только своей военной подготовки, но и своей нацiональной сплоченности и организованности надъ всѣми остальными державами.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и генералъ ЖОФФРЪ на маневрахъ въ августѣ 1913 г.

Событiя показали, что Германiя сумѣла приготовиться къ войнѣ. Правда, она во многомъ ошиблась въ своихъ расчетахъ: стремительный натискъ на Францiю, предпринятый годъ тому назадъ, окончился неудачей, Россiя не порадовала нѣмцевъ быстрымъ внутреннимъ разложенiемъ, а оказалась куда болѣе грознымъ врагомъ, чѣмъ предполагали нѣмцы, и потребовала такого напряженiя нѣмецкихъ силъ, которое превзошло всѣ ихъ ожиданiя, Англiя парализовала нѣмецкую торговлю, Японiя и Италiя встали на сторону враговъ Германiи, а нейтралитетъ Соединенныхъ Штатовъ прiобрѣтаетъ постепенно все болѣе недружелюбный для Германiи характеръ. И, тѣмъ не менѣе, Германiя и посейчасъ не только не разбита, а занимаетъ болѣе грозное положенiе, чѣмъ годъ тому назадъ.

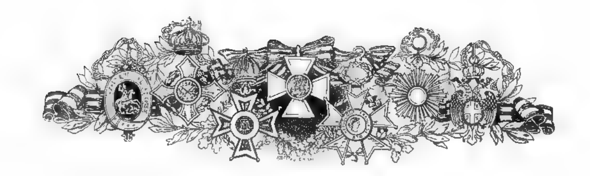
Не надо закрывать глаза на правду. Сила Германiи въ данный моментъ (августъ 1915 г.) опредѣляется, пожалуй, не столько тѣмъ, что она подготовила въ теченiе 44-хъ лѣтъ мира, сколько тѣмъ, что она сдѣлала за послѣднiй годъ войны. Когда надежды на взятiе Парижа и разгромъ Францiи не оправдались, когда первое нѣмецкое наступленiе на Варшаву окончилось почти полнымъ избавленiемъ всей Польши отъ нѣмецкаго нашествiя и наши разъѣзды

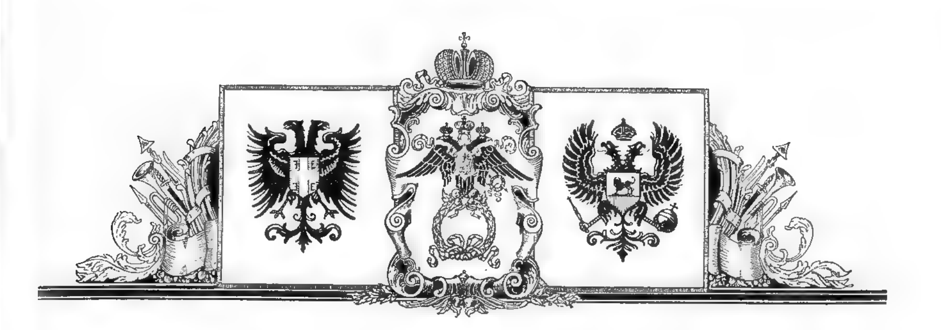
появились невдалекѣ отъ Познани, тогда нѣмцы огромнымъ усиліемъ воли подняли свою военную производительность до той степени, которая позволила имъ съ наступленіемъ весны начать галицийско-польскую операцію, приведшую ихъ нынѣ къ стѣнамъ Риги, Вильны и Гродны, отдавшую имъ Ковно, Брестъ-Литовскъ и Владиміръ-Волынскъ. Нужно ли болѣе грозное напоминаніе о томъ, какія силы накопились въ Германіи подъ вліяніемъ традиціоннаго вѣкового напряженія государственной энергіи сначала прусскаго, а затѣмъ и всего нѣмецкаго народа? Нужны ли еще новыя событія, чтобы убѣдить европейскіе народы въ томъ, чѣмъ имъ грозитъ нѣмецкая побѣда?

Враги Германіи плохо готовились къ войнѣ и до нея, и во время ея. Вся ихъ сила въ одномъ, въ сознаніи недопустимости—экономической, культурной и нравственной недопустимости,—нѣмецкой побѣды, въ сознаніи національно-культурной необходимости побѣды надъ Германіей, въ ихъ готовности приложить всѣ силы для того, чтобы отразить нѣмецкое иго.

Много, очень много времени потеряно. Больше его терять нельзя.

проф. Э. Д. Гримм

РОССІЯ И БАЛКАНСКІЕ СЛАВЯНЕ.

Статья проф. А. Л. ПОГОДИНА.

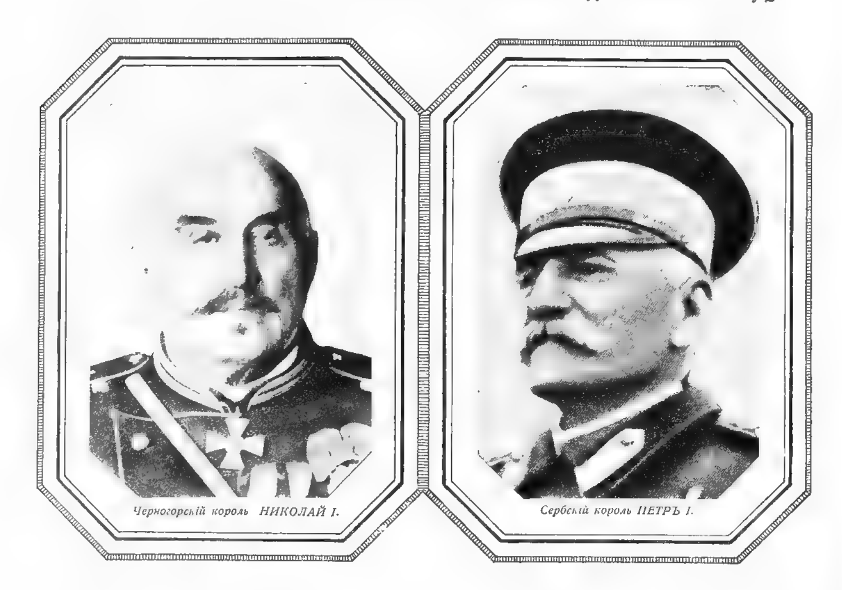
I. Возникновеніе и развитіе первыхъ отношеній.

ОТНОШЕНІЯ, связующія Россію съ ея южно-славянскими союзницами — Сербіей и Черногоріей, имѣютъ долгое и сложное прошлое. Только зная его, можно понять съ какой неизбѣжностью исторической необходимости эти два маленькія королевства оказались связаными съ Россіей въ роковую минуту своего существованія. А прошлое восходитъ къ отдаленнымъ временамъ, когда рушилась самостоятельность сербскаго и болгарскаго, а потомъ и греческаго государства, и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ наступало страшное царствованіе завоевателей — турокъ, „агарянъ", какъ ихъ по-библейскому называли на православномъ Востокѣ. Въ этотъ моментъ окончательнаго упадка христіанскихъ балканскихъ государствъ, который приходится приблизительно на половину XV вѣка, между славянствомъ Балканъ и Россіей отношенія едва-едва поддерживались.

Первая эпоха русско-балканскихъ отношеній уже давно закончилась. Она характеризовалась широкой славянской струей, которая проходитъ въ извѣстномъ повѣствованіи начальной лѣтописи о разселеніи славянъ. Южная Русь со своимъ центромъ, Кіевомъ, не была чужда славянскимъ интересамъ; просвѣтитель ея, князь Владиміръ, воевалъ съ польскимъ княземъ Мешкомъ изъ-за червоннорусскихъ городовъ; князь Святославъ мечталъ объ устройствѣ своей столицы на Дунаѣ. Изъ Болгаріи были получены священныя и назидательныя книги. Но въ началѣ XI вѣка Болгарія была покорена Византіей, которая усиленно истребляла особенности славянскаго быта. Происходили перемѣны и на Руси: ея политическій центръ все болѣе передвигался къ сѣверу, суровому финскому краю, который не имѣлъ никакихъ традицій балканскихъ или славянскихъ отношеній. Затѣмъ, съ наступленіемъ новыхъ, тяжелыхъ для Руси условій, съ завоеваніемъ ея татарами, нельзя уже было и думать о какихъ-либо политическихъ связяхъ съ Балканскимъ полуостровомъ. Нашъ сѣверъ замкнулся въ своемъ суровомъ одинокомъ существованіи, а южная Русь пошла своимъ путемъ. Только сто лѣтъ спустя, около половины XIV в., возобновляются кое-какія отношенія съ Константинополемъ, однако, въ узко церковной области: въ концѣ этого столѣтія въ монастыряхъ Царьграда завелась

уже небольшая колонія русскихъ монаховъ, которая, по указанію акад. А. И. Соболевскаго [1]), поддерживала дѣятельныя сношенія съ колоніей болгарской. „Интересуясь книжнымъ дѣломъ, она, съ одной стороны, добывала отъ южныхъ славянъ ихъ книги, изготовляла съ нихъ списки, отправляла ихъ на родину, съ другой — доставляла южнымъ славянамъ неизвѣстные имъ русскіе тексты и хлопотала о свѣркѣ послѣднихъ съ греческими оригиналами". Таково было скромное зерно русско-славянскихъ отношеній. Эти послѣднія, правда, касались почти исключительно болгаръ, но принципіально имѣли уже гораздо болѣе широкій характеръ. Православіе служило первымъ связующимъ звеномъ между Москвой и Балканами.

Удивительное дѣло, что даже въ половинѣ XV вѣка, въ пору наибольшаго могущества

Черногорскій король НИКОЛАЙ I. Сербскій король ПЕТРЪ I.

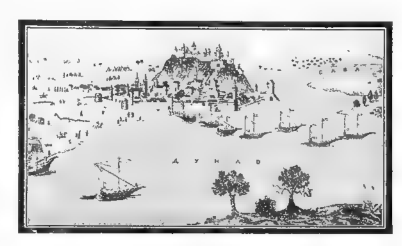
турокъ-османовъ, никто не вѣрилъ, что это могущество прочно, что исторія православныхъ балканскихъ народовъ окончена. Побѣды и владычество турокъ разсматривались, какъ Божье попущеніе, какъ испытаніе или наказаніе за грѣхи. Но Богъ милостивъ: накажетъ и проститъ. Такъ и въ концѣ XVIII вѣка, послѣ Третьяго раздѣла Рѣчи Посполитой, не вѣрили поляки, что народъ ихъ навсегда „вычеркнутъ изъ числа живущихъ на землѣ". Очевидно, трудно человѣку дойти до глубины безнадежности, а, когда онъ дойдетъ, онъ не можетъ больше и жить.

И вотъ, въ ту пору, когда пала Византія и превратилась въ Стамбулъ, когда была близка къ гибели послѣдняя тѣнь сербской самостоятельности, послѣдній сербскій „деспотъ" (какъ назывался автономный правитель придунайской Сербіи) Стефанъ Лазаревичъ слагаетъ аллегорическую повѣсть: „Мудрость и пророчествіе". Вотъ одна изъ картинъ этой повѣсти. „Видѣлъ я и змѣя, какъ пришелъ и онъ, и левъ, и василискъ, и леопардъ, и лисица, и волкъ: и собрались всѣ вмѣстѣ и сказали: солнце не встанетъ больше! И, сказавши, взмахнули кольями и стали разрушать и дороги, и хижины, и давили виноградные гроздья; широко разлилось вино, и захлебнулся въ немъ великій конь". Такъ турки должны были захлебнуться

[1]) А. И. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ, 1903.

въ пролитой крови. Кто же спасетъ „виноградникъ"? Уже у Стефана Лазаревича можно найти намеки на то, что спасеніе придетъ изъ Россіи, но положеніе послѣдней было еще слишкомъ непрочно, и твердыхъ надеждъ быть не могло. Все же около этого времени болгаръ складывается твердая вѣра, что какой-то „дѣдъ Иванъ" спасетъ болгарскій народъ отъ турокъ. Новѣйшія изслѣдованія болгарскихъ ученыхъ убѣдительно высказываются за то, что „дѣдъ Иванъ" — Московскій великій князь Иванъ III.

Сто лѣтъ спустя — Москва уже сильна и могуча, уже сама покоряетъ мусульманъ. Иванъ IV Грозный, покоритель Казани и Астрахани, называется царемъ Московскимъ, признаетъ себя законнымъ преемникомъ византійскихъ царей. Грамота Константинопольскаго патріарха утверждаетъ это вѣнчаніе: „реченному царю, господину Іоанну, быть и называться ему царемъ законнымъ и благочестивѣйшимъ, увѣнчаннымъ и отъ насъ правильно, вмѣстѣ и церковно, такъ какъ онъ отъ рода происходитъ и отъ крови царской, какъ мы уже сказали, и *сіе полезно всему христіанству,* повсюду законно и справедливо для утвержденія и пользы всей полноты христіанства" [1]).

Бѣлградъ въ XVI вѣкѣ.
Со стариннаго рисунка.

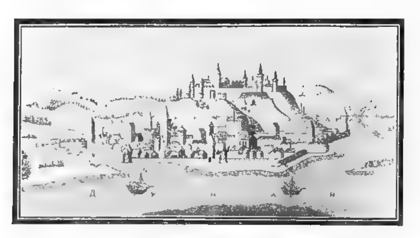
Такое патріаршее соборное утвержденіе русскаго царскаго титула имѣло то значеніе, что Москва становилась наслѣдницей Константинополя въ главенствѣ надъ православнымъ міромъ, „третьимъ Римомъ" по глубокому убѣжденію московскихъ людей. Съ суровымъ аскетическимъ идеализмомъ, съ той доблестью душевной, которая была присуща московской жизни, Москва стала блюсти этотъ завѣтъ и, переживъ смутное время, снова укрѣпившись подъ скипетромъ первыхъ Романовыхъ, Московское царство стало внимательно слѣдить за жизнью православнаго Востока. При этомъ славянскіе народы сначала не выдѣлялись въ представленіяхъ московскихъ политиковъ изъ общей массы православнаго населенія Востока. Первая роль принадлежала грекамъ, тонкимъ политикамъ, вліятельнымъ даже при дворѣ султана. Они создавали опору русскаго вліянія на Востокѣ, они выдвигали Москву на пьедесталъ единственной защитницы православія въ мірѣ, и, если, съ одной стороны, въ ихъ дѣйствіяхъ было много лукаваго, своекорыстнаго, то, съ другой стороны, было не мало идеалистовъ, мечтавшихъ объ усиленіи Москвы для борьбы съ магометанствомъ и готовыхъ всячески содѣйствовать этому усиленію. Такъ, стараніямъ греческихъ іерарховъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что при Хмельницкомъ совершилось соединеніе Малой Россіи съ Великой, вопреки предубѣжденію обѣихъ противъ такого соединенія.

Православный Востокъ призывалъ Московскаго царя на овдовѣвшій престолъ византійскихъ императоровъ; онъ пророчествовалъ, что это радостное событіе совершится вскорѣ. Сами турки будто бы читали въ своихъ пророческихъ книгахъ, что оно уже готово наступить. „Уже срокъ нашъ доходитъ, и немного остается намъ владѣти; спрашиваете про московское государство, а про себя не чаете, что московской царь самъ сядетъ во Царѣградѣ". Естественно, что уже со времени вѣнчанія Ивана Васильевича IV на Московскомъ царствѣ не прекращались настойчивыя обращенія къ Москвѣ съ Востока, чтобы она пришла и спасла его. Александрійскій патріархъ писалъ Ивану IV, что „царь является имъ какъ бы второе солнце, утѣшая ихъ надеждою благихъ временъ, дабы и имъ избавиться его рукою отъ руки зло-

[1]) Цитирую по чрезвычайно интересной и принципіально важной книгѣ проф. И. Ѳ. Каптерева: „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ". 1914. Труды проф. Каптерева, сами по себѣ замѣчательные, заслуживаютъ особаго вниманія общества въ переживаемое нами время.

честивыхъ". По мѣрѣ того, какъ Москва становилась, дѣйствительно, единымъ прибѣжищемъ стойкаго, несокрушимаго православія, эти надежды крѣпли и принимали конкретный видъ.

Съ половины XVII вѣка онѣ формулируются уже такъ: „опасеніе у турчанъ большое отъ донскихъ казаковъ, а отъ нѣмцевъ такого опасенія нѣтъ, потому что де у нихъ описуетъ взяту быть Царьграду съ ея государскіе стороны". Послѣ соединенія Малой Россіи съ Великой греки стали подготовлять присоединеніе къ Московскому царству Валахіи, чему, однако, помѣшали неудачи Россіи въ нѣкоторыхъ войнахъ съ Турціей. И характерно, что именно въ эту пору пробуждается въ политическомъ самосознаніи московскихъ людей живое чувство своего родства со славянскими православными соплеменниками. На Востокѣ уже давно назрѣло представленіе о томъ, что во всемъ православномъ мірѣ долженъ быть одинъ государь. „Великій христіанскій государь благочестивый подъ солнцемъ единъ": такъ внушалъ Хмельницкому греческій митрополитъ. И это убѣжденіе, заставившее гетмана просить о московскомъ подданствѣ, было не менѣе глубоко и среди славянъ Балканскаго полуострова. Въ ихъ глазахъ Московскій царь былъ уже давно ихъ царемъ. Естественно, что отъ него они только и чаяли избавленія отъ турецкаго рабства.

Бѣлградъ въ XVII вѣкѣ.
Со стариннаго рисунка.

До насъ дошло множество свидѣтельствъ этого рода. Такъ, въ 1656 г. одинъ изъ пріѣзжихъ грековъ говорилъ въ московскомъ посольскомъ приказѣ: „а въ прошломъ во 163 году, какъ послышали въ Царьгородѣ турки, что государь пошелъ на польскаго короля и многіе городы поималъ, и они де всѣ были страшны добрѣ; а какъ де услышали, что государь изволилъ возвратитца къ Москвѣ, и они де о томъ обрадовались, а только де послышатъ, что государь въ нынѣшнемъ году пойдетъ въ походъ, и турки де всѣ учнутъ страшитца. А румельская де страна всѣ Бога молютъ, чтобы Богъ далъ государю на непріятелей побѣду, а только де государь изволитъ хоть малыхъ людей прислать къ нимъ для славы, и они бъ де всѣ тому обрадовались и на турковъ съ государевыми людьми возстали собча, а *болгары де и серби* всѣ того желаютъ же и на турковъ начнутъ стоять собча". Особенно горячи были въ своихъ ожиданіяхъ сербы, которые проявляли въ эти времена гораздо болѣе живое національное и славянское сознаніе, чѣмъ болгары. Эти были еще сильнѣе подавлены двоякимъ гнетомъ: турецкимъ и греческимъ церковнымъ. Люди, болѣе предпріимчивые, пускавшіеся въ торговлю, богатѣли, но многіе изъ нихъ отставали отъ народной массы, переходили на турецкую сторону, дѣлались для народа ненавистными *чорбаджіями* (толстосумами), которыхъ болгарскіе гайдуки истребляли такъ же, какъ и турокъ. Это явленіе, принявъ, конечно, другія формы, пустило крѣпкіе корни въ болгарской жизни. Развѣ не съ нимъ же мы встрѣчаемся теперь, когда сербы и черногорцы съ нами, а болгарская печать и болгарскіе политиканы-чорбаджіи осыпаютъ насъ грязью?

У сербовъ атмосфера была болѣе чистая. Турецкое рабство не затемнило здѣсь народнаго сознанія до такой степени, какъ у сосѣднихъ болгаръ, и сербы, продолжая вѣрить во временность „агарянскаго ига", смотрѣли и на Сѣверъ и на Западъ въ ожиданіи помощи. Связь съ Россіей сознавалась ими, какъ родство племенное. Очень характерно это сказалось въ половинѣ XVII вѣка въ любопытномъ аѳонскомъ инцидентѣ по поводу русскихъ богослужебныхъ книгъ: греки признали ихъ еретическими, исполненными ошибокъ, но сербы приняли съ полной вѣрой то, что шло изъ Москвы, и вступили въ рѣзкое столкновеніе съ греками, считавшими правильными только свои взгляды; одинъ изъ сербскихъ защитниковъ московскаго православія чуть не поплатился жизнью за это. Съ той же преданностью къ Москвѣ

обращались къ ней съ призывомъ сербы и въ концѣ XVII вѣка, когда послѣ освобожденія Вѣны отъ турецкаго нашествія передъ ними промелькнуло быстро развѣявшаяся надежда на освобожденіе отъ турокъ съ помощью Австріи. Эта надежда исчезла, и въ 1688 г. восточные іерархи, въ томъ числѣ и сербскій патріархъ Арсеній, шлютъ въ Москву грамоту съ изображеніемъ страшнаго положенія христіанскихъ народовъ подъ властью турокъ. „Всѣ благочестивіи святаго вашего царствія ожидаютъ“, говорилось здѣсь: „Сербы и болгары, волохи и мултяне, вышніе и нижніе Мисіи, востанете убо и не дремлите и пріидите, воеже спасти насъ“...

Какъ отвѣчала Москва на эти непрерывные, тоскливые призывы? При Иванѣ Грозномъ, при первыхъ двухъ Романовыхъ, она чувствовала себя еще слишкомъ слабой, чтобы приступить къ борьбѣ съ Турціей во имя освобожденія покоренныхъ ею христіанъ. Но въ концѣ XVII в., со времени правленія царевны Софіи и въ первую половину царствованія Петра, русское правительство рѣшительно вступаетъ на этотъ путь, и неудачный Прутскій походъ Петра Великаго—походъ, на который православное славянство возлагало много надеждъ—былъ лишь однимъ изъ этаповъ на этомъ пути. Какъ прекрасно формулируетъ проф. Каптеревъ, „покровительство Россіи православному Востоку, начавшись простой благотворительностью, раздачею милостыни бѣдствующимъ единовѣрцамъ, съ теченіемъ времени перешло въ покровительство политическое; задача поддерживать православіе на востокѣ съ помощью милостыни превратилась къ концу XVII столѣтія въ задачу возвратить свободу и самостоятельность всѣмъ православнымъ народамъ, покореннымъ турками. Такое измѣненіе въ характерѣ отношеній Россіи къ Православному Востоку произошло постепенно, незамѣтно, само собой, и было естественнымъ, необходимымъ результатомъ предшествующихъ сношеній съ Востокомъ“.

И до сихъ поръ въ нашихъ отношеніяхъ съ православнымъ Востокомъ, особенно со славянствомъ его, залегаетъ та основа, которую создали наши мудрые предки, московскіе люди, обладавшіе цѣльнымъ и стойкимъ міровоззрѣніемъ. Все, что наслоилось впослѣдствіи, по ошибкамъ неразумныхъ потомковъ, бросившихся въ науку къ врагамъ славянства, не могло стереть съ народнаго сознанія и русскаго, и сербскаго, и черногорскаго, и даже болгарскаго народовъ того отпечатка, который наложила на нее помощь Россіи въ вѣка страданій. Истинный другъ познается въ несчастіи, и Московское царство оказалось вѣрнымъ другомъ, не отказывавшимъ въ помощи братьямъ даже тогда, когда самому ему эта помощь была почти не подъ силу. А спасать славянство Москвѣ приходилось не только отъ турокъ—„агарянъ“, но и отъ „латинянъ“, „папежниковъ“, т.-е. отъ католической пропаганды. До Москвы доходило немало тревожныхъ слуховъ о силѣ этой пропаганды, объ изворотливости „латинянъ“, которые принялись печатать даже греческія книги, внося въ нихъ „filioque“ и другія догматическія измѣненія. Съ ужасомъ внимали московскіе люди, какое притѣсненіе въ вѣрѣ терпятъ отъ „папежанъ“ православные. „Пріѣзжалъ изъ Вѣны римскій бискупъ, переписалъ всѣ церкви“, и т. п. Такъ Москва становилась единственной защитницей православія, угрожаемаго и магометанствомъ, и католичествомъ.

„Вся бо царства христіанская отъ Рима и отъ Царяграда, и отъ Болгаръ, и Сербовъ, и Иверскихъ (Грузіи) и прочихъ христіанъ во едино Россійское царство сниде. Вездѣ бо тамъ обладаше латини и агаряне, единоже Россійское царство благодатію Божіею сіяетъ и процвѣтаетъ благочестіемъ, ни отъ кого ненавѣтно“. Такъ крѣпко вѣрили въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в.

Сербы и черногорцы вполнѣ усвоили ту же точку зрѣнія на значеніе и величіе Московскаго царства. Въ изданномъ сербскимъ ученымъ Люб. Стояновичемъ сборникѣ „Старыхъ сербскихъ записей и надписей“ (3 тома. 1902—1905) Москва и Россія упоминаются множество разъ. Эти записи, дѣлавшіяся въ богослужебныхъ книгахъ и въ другихъ важныхъ руко-

писныхъ и печатныхъ книгахъ, имѣли интимный характеръ и вводятъ насъ въ самую глубину народнаго сознанія. Разумѣется, анализъ ихъ далеко вывелъ бы меня за предѣлы этой статьи, и потому я ограничусь нѣсколькими примѣрами. Съ половины XVI в. сербскихъ записей, свидѣтельствующихъ о живыхъ церковныхъ сношеніяхъ между Москвой и Сербіей, становится все больше. Сербы, со своей стороны, внимательно слѣдятъ за политическими отношеніями въ Россіи. Такъ, въ одной книгѣ 1623 г. отмѣчено, что она писана, когда „въ Москвѣ царствовалъ благовѣрный и христолюбивый царь Михаилъ, *сынъ патріарховъ*",—обстоятельство, имѣвшее немаловажное значеніе для православнаго Востока, которому импонировало, что первый изъ династіи Романовыхъ—сынъ патріарха. Преинтересную запись мы находимъ въ одной рукописи Хиландарскаго (Аѳонскаго) монастыря отъ 1585 г. Въ русскомъ переводѣ эта запись такова: „Я переписалъ эту книгу... съ русскаго извода, такъ какъ не нашлась эта книга на нашемъ сербскомъ языкѣ ни въ Святой Горѣ, въ сербскихъ монастыряхъ, ни въ сербской землѣ, а я-то ужъ много искалъ и разспрашивалъ. Не знаю, есть ли она гдѣ-нибудь въ болгарскихъ земляхъ: но я нашелъ ея, и здѣсь есть. Была эта книга принесена изъ русской земли. Очень трудно была она для чтенія нашему сербскому языку, и многіе не знали, что читаютъ, не понимая русскихъ словъ. Я же, будучи посланъ монастыремъ, дважды бывалъ въ русскихъ земляхъ у благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича, въ инокахъ Іона монаха, и получили мы много царскихъ щедротъ и милостей, да будетъ ему вѣчная память; и тамъ я обучился немного русскому языку, такъ что сталъ понимать многія русскія слова въ этой книгѣ, и переписалъ ее сербскими словами"... Такъ, Москва являлась уже вскорѣ послѣ паденія Царьграда единственнымъ прибѣжищемъ православія, единственнымъ источникомъ православной премудрости для нашихъ балканскихъ собратьевъ. И это значеніе она хранила еще очень долго, даже въ „Петербургскій періодъ" русской исторіи. Какой-то герцеговинскій сербъ отмѣчаетъ въ 1778 г. церковныя богатства Москвы и Кіева, при чемъ преувеличиваетъ эти богатства нещадно. „Знаете, сколько монастырей въ Москвѣ? Сто тридцать тысячъ, а великихъ церквей сто пятьдесятъ тысячъ; передъ царскимъ дворомъ есть двѣ церкви позлащенныя... Есть въ Кіевѣ св. апостолъ Андрей, есть въ немъ триста святыхъ цѣльныхъ (мощей)" и т. п. Такъ восхищало Востокъ величіе русской духовной жизни. Отсюда и выросли тѣ отношенія, которыя приняли впослѣдствіи чисто политическій характеръ, но въ основѣ которыхъ донынѣ лежитъ духовная связь, установленная въ XVI—XVII вѣкахъ. Политическое значеніе такія отношенія могли принять (за исключеніемъ смутныхъ надеждъ на близкое освобожденіе отъ турокъ съ помощью Россіи) прежде всего въ общеніи съ народомъ, который сумѣлъ отстоять относительную самостоятельность и явился на Балканскомъ полуостровѣ стойкимъ защитникомъ православія и сербской народности. Такимъ народомъ былъ черногорскій, объединившійся около своихъ митрополитовъ. Это своеобразное духовное государство (1516—1851) достигло въ концу XVII в. нѣкотораго политическаго значенія и выдвинуло въ 1697 г. даровитую митрополичью династію Нѣгошей, въ которой наслѣдованіе шло отъ дяди-митрополита къ племяннику, принимавшему также посвященіе.

Петръ Великій угадалъ, что въ его политикѣ ему будетъ полезно завязать связи съ этимъ героическимъ славянскимъ государствомъ[1]). Въ 1711 г. онъ посылаетъ въ Черногорію своего посланника Милорадовича, родомъ *герцеговинца*, и призываетъ черногорцевъ къ возстанію противъ Турціи. Въ грамотѣ своей Петръ писалъ: „для себя мы не оставляемъ иной славы, какъ только быть въ состояніи освободить отъ ига невѣрныхъ христіанскіе народы, находящіеся на вашей сторонѣ, возобновить православныя церкви и воздвигнуть святой кресть". Черногорцы *немедленно* возстали противъ турокъ и нанесли имъ страшное пораженіе. Но Прутскій походъ Петра закончился неудачей. „Заплакалъ и малъ, и великъ; всякъ хотѣлъ царя православнаго": поетъ сербская народная пѣсня. Неудача не прервала завязавшихся отношеній. Напротивъ, они становятся тѣсными и постоянными: Петръ шлетъ матеріальную

ОБЩІЙ ВИДЪ БѢЛГРАДА.
Рисунокъ съ натуры художника А. В. Ложкина.

помощь Черногоріи, владыка ея, митрополитъ Даніилъ, въ 1715 г. ѣдетъ въ Россію. „Съ этого времени, говоритъ Ровинскій, Черногорія, увѣренная, что у нея всегда есть сильное *заплечье*, не боялась уже рисковать ничѣмъ, и потому она не пропускаетъ ни одного случая побиться съ турками и участвуетъ во всѣхъ войнахъ противъ Турціи, ведутъ ли ихъ Россія, Венеція или Австрія".

Къ сожалѣнію, однако, въ этихъ такъ хорошо завязавшихся отношеніяхъ произошелъ перерывъ. Преемники Петра Великаго не сумѣли поддержать ихъ на должной высотѣ. При имп. Елизаветѣ Петровнѣ, которая еще кое-какъ хранила традиціи отца, черногорскіе владыки все еще встрѣчали радушный пріемъ и денежную поддержку на военныя предпріятія противъ турокъ. Но русское правительство и не думало о томъ, чтобы оказывать на черногорскую политическую жизнь то вліяніе, которое ему было бы такъ легко проявлять, и которое было бы такъ полезно и для Россіи и для Черногоріи. Характерное для русской политики незнакомство съ Балканскимъ полуостровомъ и неумѣнье руководить его жизнью обнаружились уже въ эту пору. Такъ, русскій уполномоченный въ 1769 г. кн. Долгорукій, заставъ Черногорію въ хаотическомъ состояніи, махнулъ на нее рукой и уѣхалъ; въ концѣ этого вѣка и въ началѣ XIX-го русско-черногорскія связи еще слабѣе, но посѣянное московскимъ царствомъ и Петромъ Великимъ доброе сѣмя все же не погибло: черногорскій народъ хранилъ горячую симпатію къ Россіи.

Восемнадцатый вѣкъ, выдвинувшій весьма важный вопросъ о русско-черногорскихъ отношеніяхъ, показалъ также въ новомъ свѣтѣ русско-сербскія отношенія. До того времени Россія выступала, по преимуществу, въ качествѣ защитницы православнаго Востока отъ магометанства; теперь ей пришлось выступить на защиту сербскаго народа отъ политическихъ и религіозныхъ притязаній новаго врага, гораздо болѣе опаснаго, врага коварнаго, надѣвавшаго личину друга. Это была Австрія, которая съ конца XVII вѣка, спасши Вѣну съ помощью польскаго короля Яна Собѣскаго отъ турокъ, перешла сама въ наступленіе и начала уже замышлять завоеванія въ западной части Балканскаго полуострова. Здѣсь лежали именно сербскія земли, Боснія и Герцеговина, примыкавшія къ австрійской Далмаціи, и прежнія владѣнія Нѣманей, прежнее сербское королевство. Сюда и устремились завоевательныя притязанія Австріи. При этомъ имперія Габсбурговъ отнюдь не показывала своихъ настоящихъ завоевательныхъ цѣлей: она будто бы стремилась только освобождать христіанское населеніе

[1]) Исторія русско-черногорскихъ отношеній изложена П. Ровинскимъ въ извѣстной его книгѣ „Черногорія". Т. I. 1888 г., а также А. Кочубинскимъ въ книгѣ: „Мы и они (1711—1878)". 1878.

Турціи отъ невыносимаго гнета мусульманъ. А для этого было два пути: или пріобрѣтеніе турецко-сербскихъ областей, или привлеченіе сербскаго населенія въ предѣлы своей имперіи.

Австрійская политика пошла по обоимъ этимъ путямъ. Такъ, по Пожаревацскому миру 1718 года Австрія пріобрѣла территорію по Дунаю съ городомъ Бѣлградомъ. Правда, она владѣла этой областью недолго, всего около тридцати лѣтъ, но и за этотъ срокъ австрійскій режимъ показалъ населенію всю свою прелесть и заставилъ его мечтать о возвращеніи турецкихъ временъ. Тогда никто и не помышлялъ объ обращеніи сербовъ въ чужую вѣру, никто не вмѣшивался въ ихъ интимную жизнь, и безпечная турецкая власть, повсюду и всегда очень демократическая, очень доступная населенію, довольствовалась сравнительно немногимъ, а съ турецкими разбойниками можно было биться на вооруженную руку. Австрія, напротивъ,

Укрѣпленія Бѣлграда.

сразу ввела бездушный бюрократическій строй, сразу напустила въ страну католическихъ фанатиковъ и стала донимать населеніе поборами, религіозными преслѣдованіями и наборами. Тутъ-то и на своей исконной землѣ сербы убѣдились, что значитъ быть подчиненными Австріи.

Еще раньше могли убѣдиться въ мелочной безплодности австрійскаго формализма, въ своекорыстіи, нетерпимости, безпринципности австрійскаго управленія тѣ сотни тысячъ сербовъ, которые въ концѣ XVII вѣка и позже, спасаясь отъ турецкаго возмездія за сочувствіе австрійскимъ нашествіямъ на Турцію, двинулись вслѣдъ за австрійскимъ войскомъ за Саву. Здѣсь была заселена сербскими выходцами обширная пограничная область, получившая полувоенную организацію. Сербы шли туда, привлекаемые, кромѣ страха передъ турками, широковѣщательными обѣщаніями императоровъ: имъ сулили свободу церкви, самоуправленіе, равноправіе съ другими подданными имперіи. Ни одно изъ обѣщаній не было исполнено; сербамъ пришлось выпить до дна полную чашу національныхъ униженій и преслѣдованій: сербовъ опасались, и потому стремились разъединить и національно подавить.

Съ 1690 г. начинаются попытки Австріи ввести среди православнаго населенія занятыхъ сербами провинцій унію [1]). Естественно, что взоры сербовъ опять обратились на Россію, и уже въ 1695 г. патріархъ Арсеній жалуется московскому посланнику „о насиловании духовнаго и мірскаго чина къ соединенію съ римокаѳолическимъ закономъ". Мелкія притѣсненія составляли обычное бытовое явленіе, отъ котораго религіозное сознаніе населенія страдало особенно тяжко. Нѣмцы и мадьяры издѣвались надъ тѣмъ, какъ сербы крестятся, бросали въ церковь во время богослуженія всякую мерзость. Въ 1741 г. сербы жаловались на то, что за принадлежность къ православію людей не пускають на государственную службу, что сербовъ силой заставляютъ ходить на католическое богослуженіе. Нѣсколько позже раздаются жалобы на то, что православнымъ священникамъ не позволяютъ хоронить покойниковъ, требуя, чтобы погребеніе совершали уніатскіе ксендзы. Въ сербскомъ народѣ, возмущенномъ постоянными мелкими и крупными гоненіями на ихъ вѣру, вспыхнуло въ 1755 году возстаніе, которое было усмирено жестокимъ образомъ. Вообще, при императрицѣ Маріи-Терезіи австрійское правительство и не скрывало своего упорнаго намѣренія ввести въ странѣ, занятой сербскими выселенцами, унію, которая какъ разъ тогда сдѣлала свои окончательныя завоеванія въ Галиціи и Угорской Руси. Сербы испытывали крайнее угнетеніе.

Разумѣется, всѣ надежды сербовъ теперь были на Россію. Если раньше въ своихъ чаяніяхъ освобожденія отъ турокъ они не безъ надежды смотрѣли и на Вѣну, то теперь, послѣ постигшаго ихъ глубокаго разочарованія, они уже не могли ждать спасенія ниоткуда, кромѣ Россіи. И произошло собственно то же, что когда-то пережила Москва: надо было сохранить всю чистоту своей религіи, слѣдовало искать ничѣмъ незагрязненныхъ источниковъ правовѣрія. Это стремленіе доминировало надъ всѣми остальными, и оно заставило сербовъ рваться къ Россіи. Сюда направились при императрицѣ Елизаветѣ и позже сербскія колоніи, сюда ѣхали и отдѣльные сербы, положившіе начало многимъ русскимъ дворянскимъ фамиліямъ. Эти русско-сербскія отношенія XVIII вѣка явились естественнымъ продолженіемъ тѣхъ отношеній, которыя были завязаны въ XVI—XVII вѣкахъ между Москвой и сербами, особенно патріархами Печскими. Въ XVIII вѣкѣ среди сербовъ господствовалъ настоящій культъ Россіи. Такъ что въ 1769 г. австрійскій комиссаръ даже наводилъ справки, правда ли, что въ сербскихъ церквахъ висятъ портреты русской императрицы, и во время литургіи вмѣсто имени австрійской императрицы поминается имя русской. Изъ Россіи заимствуются литературные образцы, самый языкъ сербской письменности XVIII вѣка представляетъ смѣшеніе того русскаго церковно-славянскаго языка, какой господствовалъ у насъ въ это время, и сербскихъ элементовъ, естественно *вкравшихся* въ него.

Любопытнымъ проявленіемъ этой связи была попытка австрійскихъ сербовъ устроить у себя русскую школу. Въ 1724 г. Синодъ посылаетъ къ нимъ синодальнаго переводчика М. Т. Суворова, который съ нѣкоторымъ успѣхомъ, хотя и съ большими затрудненіями, обучалъ сербское юношество въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Послѣ него въ центрахъ тогдашней сербской жизни, городкахъ Карловцахъ и Новомъ-Садѣ, возникли еще школки, въ которыхъ вели преподаваніе учителя, пріѣхавшіе изъ Россіи. Возвеличеніе русскихъ государей и государынь, русскихъ побѣдъ надъ турками, русской книжности и благочестія возрастаетъ и ширится въ теченіе всего XVIII вѣка. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ черногорцы обращаются въ Россію съ просьбой принять ихъ въ русское подданство. Но по обстоятельствамъ времени (дѣло было въ 1758 г.) императрица отклонила эту просьбу, велѣвъ отвѣтить черногорцамъ, что „усердіе ихъ народа къ нашей имперіи и желаніе вступить въ наше подданство

---

[1]) О русско-сербскихъ культурныхъ отношеніяхъ въ XVIII и началѣ XIX вѣка на русскомъ языкѣ есть нѣсколько полезныхъ книгъ: П. А. Кулаковскій. Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ. 1903. П. А. Заболотскій. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. 1908, и др. По-сербски основное сочиненіе І. Скерлича: Србска Кньижевность у XVIII веку. 1909.

заслуживаетъ оному всегдашнее наше благоволеніе и милость, но какъ теперь всякая формалистика могла бы быть опасною и весьма бѣдственною, по великой близости окружающихъ ихъ непріятелей и отдаленности Русской Имперіи, то дѣло это оставляется до будущихъ временъ".

Въ начинающейся сербской книжности XVIII вѣка русскій элементъ играетъ самую видную роль. Это—или переводы съ русскаго, или простыя перепечатки русскихъ изданій, или подражанія имъ. И даже въ такихъ книгахъ, которыя не принадлежатъ къ этой категоріи, все-таки русское выступаетъ на первый планъ. Такъ, напр., въ одной книгѣ 1741 г., представляющей описаніе гербовъ разныхъ странъ съ характеристиками послѣднихъ („Стематографія" Джефаровича), Москвѣ посвящены слѣдующія хвалебныя строки:

Двоеглавимъ орлемъ златимъ Москва оукрашенна,
К народу к супастатомъ окомъ приложенна,
Народъ держитъ правилно, мечемъ супостати
Побѣждаетъ, отъ страха врагъ несмѣетъ стати.

Можно было бы привести еще множество другихъ примѣровъ тѣхъ отношеній, которыя соединяли сербовъ и черногорцевъ XVI — XVIII вѣковъ съ Россіей, но и приведеннаго достаточно, чтобы понять, какая крѣпкая связь съ нашими южнославянскими братьями была завѣщана намъ исторіей. Въ этихъ отношеніяхъ въ старое время одна сторона была дающая, другая — съ благодарностью принимающая или же требующая по праву родства и религіознаго единовѣрія. Когда сербскій народъ добился въ обоихъ своихъ государствахъ, сербскомъ и черногорскомъ, извѣстной самостоятельности, когда самыя эти государства пріобрѣли извѣстный удѣльный вѣсъ въ балканской политикѣ, то и отношенія къ Россіи не могли быть такъ просты. Они неминуемо должны были перестроиться, и на эту перестройку, тяжелую и долгую, пошелъ цѣлый XIX вѣкъ.

Цетинье.

II. Сербія и Черногорія на пути къ неизбѣжному единенію съ Россіей.

Въ 1804 году сербскій народъ поднялъ возстаніе противъ турокъ подъ предводительствомъ одного изъ народныхъ вождей, Кара-Георгія. Возстаніе оказалось сразу удачнымъ и привело въ короткое время къ освобожденію значительной части сербской территоріи, которая и получила отъ Константинополя автономію. Россія не могла не сочувствовать этимъ успѣхамъ соплеменниковъ, тѣмъ болѣе, что сама она стремилась стать твердой ногой на Дунаѣ, въ Дунайскихъ княжествахъ. Но все же новое положеніе вещей на Балканскомъ полуостровѣ ставило передъ ней новыя задачи, такія, которыя прошлымъ русско-сербскихъ отношеній не было завѣщаны. До того времени Россія выступала только какъ покровительница, теперь она дѣлалась союзницей сербовъ, которые въ предстоящей борьбѣ съ турками были для нея далеко не безразличны. Между тѣмъ, это прошлое не дало Россіи рѣшительно

никакихъ положительныхъ знаній о сербскомъ народѣ: при тѣхъ одностороннихъ отношеніяхъ, которыя существовали до тѣхъ поръ, иного нельзя было и ожидать. Сербы сами пріѣзжали въ Россію, сами просили у нея того или другого, и Россія могла только указывать имъ, что и какъ надо сдѣлать. Но теперь все это становилось уже далеко не такъ просто. Сербія, освободившись отъ турецкаго гнета собственными усиліями и выдвинувшая своего собственнаго народнаго вождя, вовсе не хотѣла ограничиваться только ролью покорной и безгласной исполнительницы приказаній, исходящихъ изъ Петербурга, — приказаній, часто противорѣчивыхъ или обнаруживавшихъ полную некомпетенцію русской дипломатіи въ сербскихъ дѣлахъ. Императоръ Александръ I былъ чуждъ русскимъ національнымъ стремленіямъ и традиціямъ. Всѣ эти неблагопріятные факторы сказались самымъ печальнымъ образомъ на установленіи русско-сербскихъ отношеній уже въ первые годы послѣ возстанія Кара-Георгія и вызвали недоумѣніе и раздраженіе сербскаго народа противъ Россіи. На Сербію у насъ и въ Европѣ смотрѣли, какъ на передовой постъ Россіи на Балканахъ. Поэтому державы, соперничавшія съ нами (особенно, въ это время Наполеонъ), подстрекали турокъ не только противъ Россіи, но и противъ сербовъ. Съ другой же стороны, русскіе считали необходимымъ поддерживать сербовъ въ ихъ борьбѣ съ турками, и Бухарестскій миръ, заключенный въ 1812 году, уже устанавливалъ извѣстныя автономныя права новаго Сербскаго княжества. Впервые сербы выступили въ международномъ правѣ не какъ опекаемые безыменные „христіане", томящіеся подъ игомъ мусульманъ, но какъ народъ, пріобрѣтающій самостоятельность во внутреннемъ управленіи. Россія явилась, такъ-сказать, крестной матерью народившейся сербской государственности. Но кто могъ сомнѣваться въ томъ, что только существованіе сильной Росіи сдѣлало возможнымъ самое возникновеніе этой государственности? Сознаніе этого руководило дѣйствіями русскаго правительства и тогда, когда, убѣдившись въ томъ, что Сербія существуетъ и будетъ существовать, рѣшила примѣниться къ новому положенію вещей и Австрія, еще въ концѣ XVIII вѣка мечтавшая о завладѣніи ею. Случай представился уже скоро. Съ отвлеченіемъ всѣхъ русскихъ силъ для борьбы съ Наполеономъ сербы были предоставлены самимъ себѣ, и турки рѣшили расправиться съ мятежнымъ народомъ. Дѣйствительно, имъ удалось сломить сопротивленіе сербовъ и устроить по ихъ странѣ своего рода карательную экспедицію. Всѣ права были отняты у населенія, толпы народа уведены въ рабство, возродились худшія времена турецкаго ига. Кара-Георгій бѣжалъ.

Отвернулся отъ сербовъ и императоръ Александръ I, который, побѣдивъ Наполеона, вступилъ въ борьбу съ „духомъ мятежа", угрожавшимъ будто бы Европѣ. Сербскія освободительныя стремленія легко подводились подъ то же понятіе „мятежа", а нѣмцы, окружавшіе Александра I, легко подсказывали ему эту идею. Поэтому сербамъ оставалось обратиться къ помощи Австріи, и императоръ Францъ, хотя и осторожно, далъ имъ понять, что онъ, во всякомъ случаѣ, можетъ сдѣлать для сербовъ больше, чѣмъ запутавшійся въ душевной борьбѣ царственный мистикъ. Теперь Австрія, послѣ долгаго перерыва, являлась передъ сербскимъ народомъ въ позѣ благодѣтельницы и культурной покровительницы. За цѣлый вѣкъ, который значительная часть сербскаго народа провела подъ крыломъ Габсбургскаго орла, сербы успѣли привыкнуть къ австрійскому режиму, познакомиться съ его недостатками и достоинствами. Великая, легендарно-могучая, многолюдная, православная Россія была далеко и оставалась въ глазахъ народной массы какой-то сказочной покровительницей сербства. Но „швабъ", Австрія, былъ тутъ же, и хотя народъ сербскій не уважалъ и не любилъ его, но съ нимъ было поладить не трудно. Изъ Австріи можно было взять и культурные навыки, и формы управленія; съ Австріей давно уже велась торговля и турецкими, задунайскими сербами. И это надолго опредѣлило будущія отношенія. Въ 1815 году сербы опять сдѣлали смѣлую попытку сбросить турецкій гнетъ. На этотъ разъ ихъ вождемъ выступилъ не отчаянно-храбрый, но некультурный Кара-Георгій, а человѣкъ смѣтливый, оборотистый, дипломатъ по

натурѣ, торговецъ скотомъ по профессіи, Милошъ Обреновичъ, одинъ изъ участниковъ перваго возстанія, оставшійся въ Сербіи тогда, когда его вожди бѣжали.

Милошъ повелъ дѣло умно и удачно, и съ 1815 года освобожденіе сербскаго народа отъ турецкаго владычества подвигалось уже не переставая. Содѣйствіе Россіи, которая сочувствовала греческому возстанію, приняло болѣе постоянный характеръ, когда на престолъ вступилъ императоръ Николай I. Этотъ послѣдній возобновилъ и связи съ Черногоріей, почти совсѣмъ прекратившіяся при его предшественникѣ, и рѣшительно выступилъ сторонникомъ сербскихъ стремленій къ учрежденію Сербскаго княжества, наслѣдственнаго въ династіи Обреновичей, Побѣдоносныя войны, которыя вела при немъ Россія съ Турціей, упрочили положеніе Сербіи. Такимъ образомъ, къ 1830 году, благодаря могущественной русской помощи, на Балканскомъ полуостровѣ уже существовало и непрерывно развивалось новое государство. Сербскій народъ уже не какъ подданный московскихъ царей, но какъ самостоятельный обладатель своего государства, вступалъ на путь культурнаго развитія. И на этомъ пути онъ долженъ былъ обратиться за помощью уже не къ Россіи.

Въ недавно изданныхъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ донесеніяхъ австрійскаго посла при русскомъ дворѣ Лебцельтерна (1816—1826) мы находимъ яркую картину тѣхъ настроеній, разочарованія и нравственнаго шатанія, какія переживалъ Александръ I. Конечно, ему было не подъ-силу руководить такими сложными отношеніями, какими явились въ эту пору русско-сербскія, и иниціатива перешла на сторону Австріи, руководимой Меттернихомъ. Правда, новый императоръ, Николай I, повелъ энергичную восточную политику, чуть-было не поссорившись съ Австріей, но польское возстаніе 1830 года сразу положило предѣлъ новымъ международнымъ комбинаціямъ. Николай былъ вынужденъ своими польскими отношеніями вернуться къ тѣснѣйшему единенію съ Австріей и Пруссіей, а при этихъ условіяхъ нельзя было, конечно, и говорить о какомъ-нибудь соперничествѣ съ Австріей на Балканскомъ полуостровѣ. Естественно, что ближайшая сосѣдка молодого Сербскаго княжества, Австрія, стала играть для него роль просвѣтительницы, а также пріобрѣла значеніе почти единственнаго рынка. Кромѣ слабыхъ торговыхъ отношеній съ турецкими владѣніями на Балканскомъ полуостровѣ, у Сербіи не было никакихъ иныхъ торговыхъ связей, какъ только съ Австріей и Венгріей.

Милошъ Обреновичъ поднимаетъ возстаніе.
Съ картины сербскаго художника Павла Іовановича.

Австрійскіе сербы пополняли собой ряды образованнаго чиновничества, которое было такъ необходимо для Сербіи, вступившей въ періодъ первыхъ культурныхъ преобразованій. А эти люди пріѣзжали въ Бѣлградъ съ установившимися привычками, и прежде всего съ укоренившимся взглядомъ, что истинный центръ культуры — Вѣна. Все австрійское становилось моднымъ и достойнымъ подражанія. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX столѣтія сербская жизнь характеризуется чрезвычайно интенсивнымъ австрійскимъ вліяніемъ. Сербія, или, вѣрнѣе, сербская интеллигенція, — нѣмечилась. Но въ народныхъ массахъ хранилась исконная преданность Россіи, и писатели, выражавшіе народныя симпатіи, издѣвались надъ австрійскими симпатіями сербской интеллигенціи. Такъ, драматургъ Поповичъ выставляетъ въ одной изъ своихъ сатирическихъ комедій двухъ сестеръ, которыя, поучившись въ Вѣнѣ, вывезли оттуда презрѣніе ко всему сербскому. И сербскій романтизмъ оказался точно такъ же сторонникомъ національной жизни, такъ что, на ряду съ австрофильствомъ высшаго чинов-

ничества, въ сербскомъ народѣ продолжала жить здоровая душа, сохранившая отъ вѣковъ живую симпатію къ Россіи и вѣру въ то, что изъ нея идетъ правда. Такія же добрыя чувства къ Россіи привозила домой и сербская молодежь, ѣздившая учиться въ русскія духовныя учебныя заведенія. Надо отдать справедливость нашему духовному управленію, что оно сумѣло сохранить завѣщанныя Россіи еще Московскимъ царствомъ отношенія къ православному славянству. Наслѣдіемъ тѣхъ же отношеній сможетъ считаться и славянофильская проповѣдь, обнимавшая только православный Востокъ. Къ сожалѣнію, эта связь становилась уже только идейной, тогда какъ Австрія постепенно опутывала Сербію безчисленнымъ множествомъ реальныхъ интересовъ и сложными политическими интригами. Въ гибельной борьбѣ двухъ династій, Обреновичей и Кара-Георгіевичей, Австрія не дремала: въ постоянной смѣнѣ князей, министровъ—чувствуется все время ловкая рука австрійской дипломатіи. Чѣмъ ниже падалъ престижъ Сербскаго княжества, тѣмъ выгоднѣе было для Австріи, тѣмъ скорѣе Сербія, какъ созрѣвшее яблоко, должна была пасть къ ея ногамъ. Исторія русской политики на Балканскомъ полуостровѣ въ эти десятилѣтія (до Крымской кампаніи), изложенная Н. Поповымъ, представляетъ грустную лѣтопись ошибокъ или бездѣйствія. Но во всемъ дурномъ есть и своя хорошая сторона: русская „незаинтересованность", такъ ярко подчеркнутая нашей политикой на Ближнемъ Востокѣ, отчетливо говорила сербскому сознанію, что Россія не стремится здѣсь ни къ какимъ личнымъ выгодамъ, ни къ какимъ захватамъ, а если она думаетъ о Сербіи, то потому, что на ея исторической совѣсти лежитъ эта обязанность. И сербская народная масса продолжала вѣрить, что за спиной Сербіи стоитъ добрая и могущественная Россія, которая въ трудную минуту ея не оставитъ. Императоръ Николай I въ глазахъ народа являлся „покровителемъ Сербіи". Въ Петроградъ и Москву постоянно пріѣзжаютъ въ теченіе первой половины XIX вѣка славянскіе ученые и поэты, политическіе мыслители и дѣятели національнаго возрожденія. Все наиболѣе видное въ этихъ областяхъ считало для себя честью вступать въ непосредственныя отношенія съ русскими учеными, съ Академіей Наукъ и профессорами, съ министрами, іерархами. Въ перепискѣ М. П. Погодина со славянскими дѣятелями, въ письмахъ Срезневскаго и др. мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства того громаднаго политическаго и культурнаго значенія, какое имѣла Россія въ теченіе всего перваго полустолѣтія XIX вѣка для чеховъ и южныхъ славянъ. Черногорія, начиная съ императора Николая I, вступаетъ въ прежнія отношенія съ Россіей, и ея митрополитъ Петръ Нѣгошъ дважды совершаетъ путешествіе въ Петроградъ и Москву.

Не менѣе сильно, чѣмъ русское политическое вліяніе, было воздѣйствіе на умы сербской молодежи русскихъ идей. Особенно могучее вліяніе оказалъ русскій реализмъ. Безграничная вѣра въ права ума и въ безконечный путь прогресса, ожидающій человѣчество, передавалась и нашимъ южно-славянскимъ братьямъ, оказывая животворное дѣйствіе на всю ихъ культурную жизнь. Два юноши, получившіе образованіе въ Россіи, сербъ Светозаръ Марковичъ и болгаринъ Любенъ Каравеловъ, принесли Сербіи „новую науку" реализма. Въ 1868 году оба они выступили со статьями, въ которыхъ бурно обрушились на романтическій идеализмъ, на чувствительность и пустое фразерство. Великія русскія имена Добролюбова, Чернышевскаго и Писарева приводились, какъ имена новыхъ великихъ учителей, и въ обаяніи ихъ идей возрастала сербская молодежь. Въ 70-хъ годахъ,—говоритъ I. Скерличъ [1],—„каждый *новый человѣкъ* долженъ былъ знать русскій языкъ, читать русскихъ мыслителей и русскихъ писателей. Въ это время въ Сербіи читаютъ почти исключительно русскія книги и русскіе журналы. Изъ писателей больше всего читаютъ, переводятъ и воспроизводятъ въ подражаніяхъ Гоголя и Тургенева, не какъ художниковъ, но какъ людей, которые въ своихъ сочиненіяхъ бичевали глупость, испорченность и неправду чиновно-дворянской Россіи. На ихъ примѣрѣ убѣждаются, съ какой

[1]) I. Скерличъ. Историја нове србске књижевности, 1912. Скерличу принадлежитъ очень интересная монографія о Св. Марковичѣ, главномъ проводникѣ русскаго реализма.

пользой литература можетъ воздѣйствовать на народную жизнь. Сербскіе писатели идутъ по ихъ слѣдамъ, и подъ русскимъ вліяніемъ въ сербской литературѣ развивается реализмъ".

Между тѣмъ, событія 1848 года показали, что быстрое развитіе сербскаго государственнаго быта начинаетъ становиться реальной политической силой, съ которой сосѣдямъ слѣдуетъ считаться. Участіе хорватовъ и австрійскихъ сербовъ въ революціи 1848 г. охватило броженіемъ весь сербскій народъ, обнаружило его солидарность во всѣхъ сербскихъ земляхъ, намѣтило возникновеніе новой „великосербской идеи", отнюдь не желательной для Австріи, хотя именно для поддержанія династіи Габсбурговъ хорваты и сербы, подъ предводительствомъ бана Іелачича, подняли оружіе противъ мадьяръ. Въ скоромъ времени и Россія убѣдилась въ томъ, что Сербія можетъ быть насущно полезна: нейтралитетъ ея во время Крымской кампаніи былъ невыгоденъ и для насъ, и потому не безъ участія Россіи австрофильскій сербскій князь Александръ Карагеоргіевичъ былъ свергнутъ въ 1858 г. съ престола. Корона Сербіи досталась опять Милошу Обреновичу, низложенному двадцать лѣтъ назадъ и уже въ преклонныхъ годахъ возвращавшемуся на родину. Но эти двадцать лѣтъ прошли въ исторіи Сербскаго княжества не безслѣдно: Сербія культивировалась и выросла, и теперь первой задачей Милоша явилось окончательное освобожденіе ея отъ вассальной турецкой зависимости. Только сыну Милоша, даровитому и энергичному Михаилу, удалось достигнуть этой цѣли въ 1865—6 годахъ Это былъ моментъ большого подъема національныхъ стремленій въ Сербіи. Михаилъ не скрывалъ своей надежды объединить около нея сербское племя, живущее въ Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ и турецкой Старой Сербіи. Для Австріи, уже подумывавшей о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ своимъ владѣніямъ, такія вожделѣнія сербскаго князя были непріятны, и она вступила въ борьбу съ ними. Россія поддерживала политику Михаила и содѣйствовала тому, что Бѣлградъ становился центромъ восточнаго и южнаго славянства. На Московскомъ славянскомъ съѣздѣ 1867 г. русскіе славянофилы поддерживали эти стремленія сербо-хорватовъ. Такимъ образомъ, уже за пятьдесятъ лѣтъ до нынѣшней войны русская политика стояла на правильномъ пути. И руководство ею въ Константинополѣ находилось въ хорошихъ рукахъ гр. Игнатьева, который энергично велъ и черногорскія дѣла и отстаивалъ требованія болгаръ на церковную самостоятельность отъ грековъ. При томъ огромномъ вліяніи, какимъ пользовался Игнатьевъ въ Константинополѣ, это предстательство за южнославянскіе интересы, находившееся въ рукахъ русскаго посланника, имѣло большое принципіальное значеніе. Опять Россія, какъ въ минувшіе вѣка, являлась единственной защитницей славянства на Балканскомъ полуостровѣ, защитницей могущественной и стойкой.

Памятникъ князя Михаила въ Бѣлградѣ.

Къ несчастью, удержаться на этой высотѣ наша политика не могла. Уже подъ конецъ княженія Михаила, убитаго въ 1868 году, Россія какъ бы отступается отъ него. Вину за это нѣкоторые сербскіе историки возлагаютъ на самого Михаила, разсказывая, это въ августѣ 1867 года онъ имѣлъ въ своемъ венгерскомъ имѣніи тайное свиданіе съ Андраши, послѣ чего руссофильскій кабинетъ Гарашанина вскорѣ долженъ былъ выйти въ отставку. Въ Россіи это свиданіе возбудило неудовольствіе противъ князя и вызвало охлажденіе къ нему. При такой окраскѣ нашихъ историческихъ источниковъ русская ближневосточная политика оказывается какъ-будто неповинной въ своей несомнѣнной перемѣнѣ по отношенію къ Сербіи.

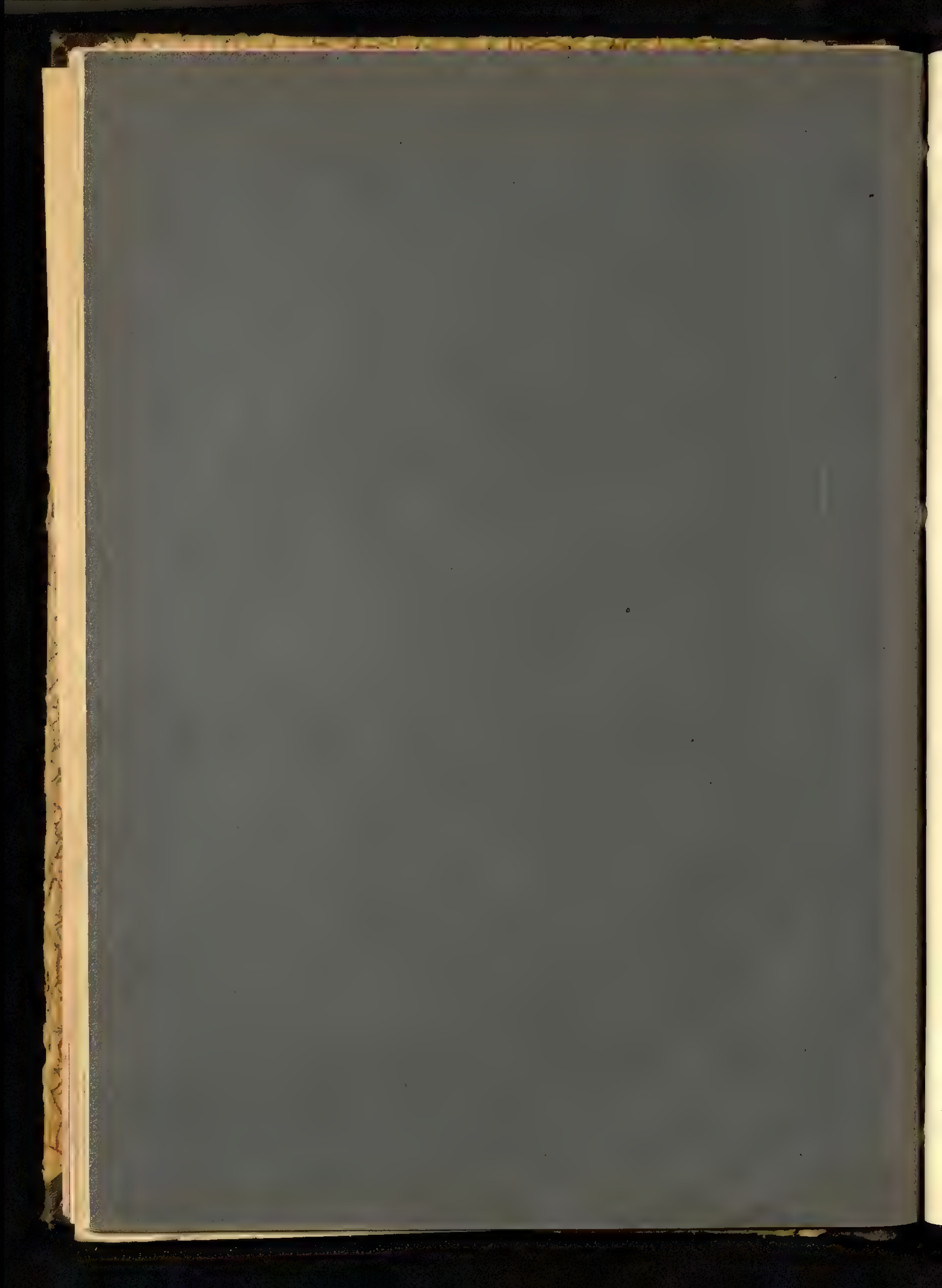
Этой версіи, однако, мы не можемъ принять. Охлажденіе русскаго правительства къ Сербіи должно быть приписано удачѣ австрійско-германскихъ интригъ. Въ своихъ мемуарахъ Бисмаркъ (I, 223) разсказываетъ о той всеобщей непріязни къ Австріи, которая господство-

Изъ Балканской войны.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію".

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА Москва.

вала въ русскомъ обществѣ въ 1859 г. Московскій ген.-губ. Долгоруковъ и унтеръ-офицеръ, служитель музея, одинаково раздѣляли убѣжденіе, что „открытый врагъ лучше фальшиваго друга“. Въ этомъ всеобщемъ русскомъ убѣжденіи заключается лучшее свидѣтельство того, какъ ненаціональна была политика сближенія съ Австріей, начатая съ 1871 г. по усиленнымъ настояніямъ Бисмарка. Въ книгѣ С. Горяинова „Босфоръ и Дарданеллы“ (1907) разсказывается, на основаніи архивной дипломатической переписки, какъ подготовлялось это сближеніе, приведшее въ 1873 году къ свиданію императоровъ Александра II и Франца-Іосифа.

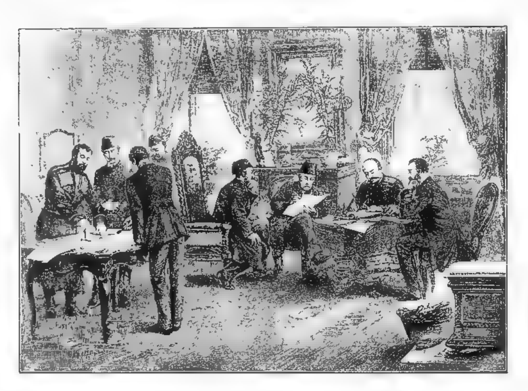
Съ этого времени, на нѣсколько десятилѣтій, наша политика пошла по совершенно ложному пути. Руководителей ея убѣдили въ томъ, что Россіи нечего дѣлать въ западной части Балканскаго полуострова. Наши дипломатическія сношенія съ Австріей до Рейхштадтскаго договора 1876 г. представляютъ печальную исторію постепеннаго и послѣдовательнаго отказа Россіи отъ всѣхъ ея традицій покровительства сербамъ. Еще въ ноябрѣ 1876 г. князь Горчаковъ писалъ слѣдующія знаменательныя слова: „Намъ нельзя не отмѣтить того недоброжелательства, которое обнаруживается въ возраженіяхъ графа Андраши... Въ этомъ отношеніи притязанія его намъ запрещать всякое дѣйствіе на Сербію и Черногорію обнаруживаютъ чувства, опредѣлить которыя я не берусь“... Казалось, будто послѣ такого заявленія, подкрѣпленнаго замѣчаніемъ императора Александра II: „tout cela ne peut pas être admis“, Россія будетъ настаивать на своемъ историческомъ правѣ покровительства всему безраздѣльно православному южному славянству. Случилось обратное.

Боснія (и, что какъ то само собой подразумѣвалось, Герцеговина) должна была отойти къ Австріи, а Россія пріобрѣтала право устраивать свои дѣла въ восточной части полуострова. Конвенціи 1877 г. между Россіей и Австріей предусматривали занятіе Босніи и Герцеговины Австріей при условіи русскихъ пріобрѣтеній въ Болгаріи. „Это условіе очень озабочивало австрійцевъ,—говоритъ Горяиновъ,—такъ какъ они преслѣдовали чисто личныя цѣли. Русскіе имѣли въ виду цѣль болѣе возвышенную. Если бы война не имѣла своимъ послѣдствіемъ территоріальную уступку, мы готовы были бы очистить Болгарію, въ виду чего и Австрія должна была бы выступить изъ Босніи“. Но на это Австрія ни въ коемъ случаѣ не согласилась бы. Такимъ образомъ, во имя освобожденія болгаръ, русская политика приносила въ жертву германизаціи другую часть южныхъ славянъ—сербовъ.

Европа относилась очень равнодушно къ балканскимъ событіямъ, волновавшимъ Россію. Князь Гогенлоэ, тогдашній германскій посланникъ въ Парижѣ, позже имперскій канцлеръ, заноситъ подъ 16 апрѣля 1876 г. слѣдующую любопытную замѣтку въ свой дневникъ: „Тьеръ разсуждалъ о восточномъ вопросѣ. По его мнѣнію, то, что придаетъ дѣлу опасность, заключается въ возможности возбужденія общественнаго мнѣнія въ Европѣ при дальнѣйшихъ турецкихъ звѣрствахъ. L'Europe a des nerfs. Всѣ эти отдѣльныя страны—Сербія, Черногорія, Боснія—хотѣли быть независимыми. Турція не могла этому помѣшать“... Русскіе официальные круги, опасаясь войны, тоже совершенно не сочувствовали „нервному“ возбужденію русскаго общества, которое выразилось въ организаціи отряда добровольцевъ для Сербіи и въ пламенныхъ призывахъ И. С. Аксакова и другихъ видныхъ славянофиловъ къ защитѣ балканскихъ братьевъ. Русское правительство, можно сказать, не имѣло въ это время никакихъ опредѣленныхъ представленій о предстоящей роли Россіи въ неизбѣжно надвигающихся событіяхъ. Сербіи давались противорѣчивые совѣты. На ея запросъ, какъ отнесется Россія къ сербскимъ вооруженіямъ, совпадавшимъ съ босно-герцеговинскимъ возстаніемъ, правительство отвѣтило положительнымъ *да*. Нашъ дипломатическій агентъ въ Сербіи, А. Н. Карцевъ, обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ вопросомъ, одобрятъ ли его „въ томъ, что, стараясь вселить въ сербахъ убѣжденіе въ единствѣ нашихъ съ Австріею стремленій въ пользу мира, онъ въ то же время будетъ совѣтовать имъ готовиться на тотъ случай, если бы стремленія эти оказались безплодны?“ Противъ этого мѣста императоръ Александръ II написалъ „да“.

Австрія узнала о двусмысленности положенія Сербіи, и ея агентъ сдѣлалъ князю Милану заявленіе, что Сербія должна прекратить свои военныя приготовленія: „Иначе державы (т.-е. Австрія и *Россія*) предъявятъ ей ультиматумъ, а если Сербія не подчинится, Австріи будетъ поручено принять мѣры, дабы заставить Сербію стать относительно Порты въ надлежащее положеніе“[1]).

Какъ извѣстно, недоразумѣнія на этомъ не окончились. Заключая Санъ-Стефанскій прелиминарный договоръ 19 февраля 1878 г., гр. Игнатьевъ не зналъ о существованіи Рейхштадтской конвенціи, уже заранѣе рѣшившей участь Сербіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Миланъ, притворяясь послушнымъ исполнителемъ воли Россіи, интриговалъ противъ нея, заявляя, что ему уже становится не въ моготу русская опека. Отношенія становились все болѣе острыми, и Берлинскій конгрессъ завершилъ это напряженіе, предоставивъ участь Сербіи на милость Австріи. Россія не защитила сербскаго дѣла, которое было уже слишкомъ осложнено недоразумѣніями съ добровольцами, пропагандой подкупленной сербской печати, нерѣшительностью въ русскихъ офиціальныхъ кругахъ. Пользуясь всѣмъ этимъ, Австрія могла диктовать Сербіи свои условія. За заступничество свое въ ея интересахъ на Берлинскомъ конгрессѣ австрійская дипломатія потребовала ряда условій, а самое заступничество вызвало надолго разладъ между Россіей и Сербіей.

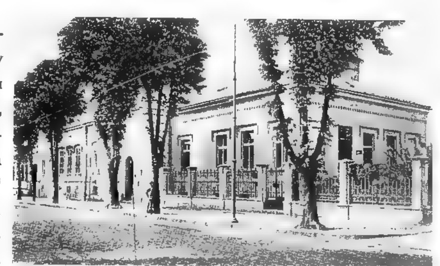
Подписаніе предварительнаго мира въ Санъ-Стефано (1878 г.).

И вотъ на много лѣтъ Сербія превращается въ вассала Австріи, которая, оккупировавъ Боснію и Герцеговину, подчинивъ своему вліянію черногорскаго князя Николая, постепенно шла къ окончательному поглощенію Сербіи. Но опять-таки нѣтъ худа безъ добра. Эти тридцать лѣтъ показали сербскому народу, что его ждетъ неминуемая гибель, если онъ не отдастся всецѣло, не разсуждая и не ставя условій, не замышляя никакихъ иныхъ исходовъ, подъ покровительство Россіи. И то же самое, можетъ быть даже еще болѣе ярко, стало ясно Черногоріи.

Австрія обусловила свое заступничество за сербскіе интересы на Берлинскомъ конгрессѣ заключеніемъ торговаго договора на выгодныхъ для Австріи условіяхъ, а также проведеніемъ черезъ сербскую территорію желѣзнодорожной магистрали, которая должна была соединить Вѣну съ Константинополемъ и Солунью. Германо-австрійская политика и торговля получали возможность двинуться съ еще большей легкостью на Востокъ, въ Малую Азію, въ Персію, къ Египту и Турціи. Съ этого момента Drang nach Osten пріобрѣлъ особенную интенсивность, и маленькая разоряемая Австріей Сербія, конечно, становилась областью нераздѣльнаго австрійскаго вліянія. Въ задачи австрійской дипломатіи входило поддержаніе въ этой странѣ постояннаго политическаго броженія, анархіи, которая должна была истощить государство и заставить его предпочесть чужое владычество собственнымъ домашнимъ непорядкамъ. Вѣдь, именно въ устроеніе и были отданы Австро-Венгріи провинціи Боснія и Герцеговина. Правда, Австрія такъ „устроила“ ихъ, что въ странѣ только усилилась національная и религіозная рознь, а населеніе оказалось совершенно разореннымъ. Но зато внѣшній порядокъ не нарушался.

[1]) Ю. С. Карцовъ, За кулисами дипломатіи. 1908.

Что же касается экономической политики Австро-Венгріи въ Сербіи, то сербскіе экономисты единодушно изображаютъ ее, какъ политику расхищенія всѣхъ національныхъ богатствъ государства. Сербскіе государи (съ 1882 г. короли) Миланъ и Александръ нуждались для своихъ затѣй въ деньгахъ, и Австрія щедро снабжала ихъ ссудами, гарантируя уплату ихъ монополіями и т. п. Сильно поднятая потребность въ деньгахъ заставляла напрягать всѣ силы націи, чтобы увеличивать вывозъ, и въ результатѣ скотъ, главный предметъ вывоза изъ Сербіи въ Австро-Венгрію, сильно упалъ качественно и количественно. Раздоры партій, безобразія королей Милана и Александра, полная обособленность въ Европѣ, а у себя дома недобросовѣстное чиновничество, всеобщая распущенность и экономическое истощеніе: вотъ что принесла Сербіи политика ея сближенія съ Австро-Венгріей и отчужденность отъ Россіи. И въ народѣ накопилась такая жгучая ненависть къ Австріи, такая тоска по дружбѣ съ Россіей, что со вступленіемъ на престолъ въ 1903 г. новой династіи, Петра Карагеоргіевича, Сербія рѣшительно пошла навстрѣчу Россіи [1]).

Русское посольство въ Бѣлградѣ.

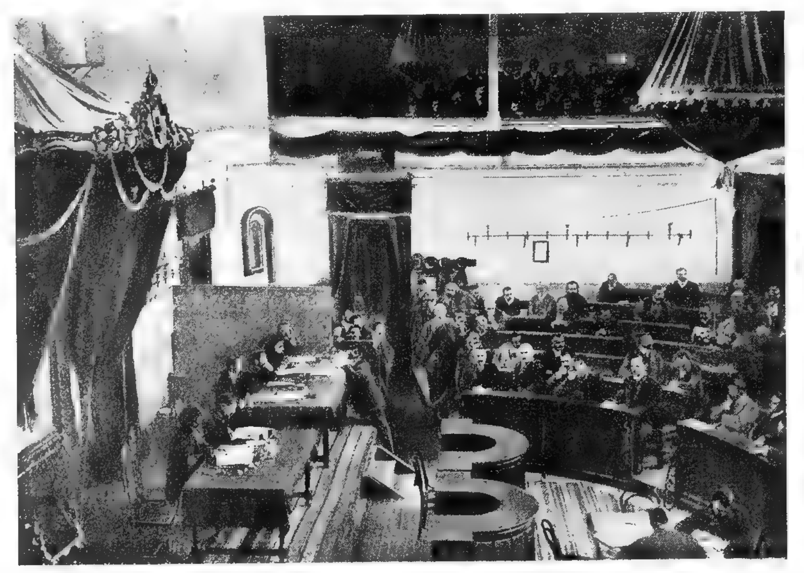
Внутренняя исторія Сербіи не входитъ въ рамки этого очерка, и потому достаточно сказать, что при Петрѣ Сербія сумѣла не только политически оправиться, но и рѣшительно отстоять свою экономическую независимость отъ Австріи. И тогда эта послѣдняя, этотъ „испытанный другъ“ Сербіи, показала свою настоящую личину. Прелюдіей къ послѣднему акту сербско-австрійскихъ отношеній явилось провозглашеніе въ сентябрѣ 1908 года аннексіи Босніи-Герцеговины. Само по себѣ это событіе не имѣло большого значенія, такъ какъ и безъ того обѣ провинціи уже давно находились въ обладаніи Австро-Венгріи, хотя бы подъ видомъ оккупаціи. Но всѣмъ было ясно, что это именно только цвѣточки, и что ягодки будутъ впереди.

Сербы уже тогда рвались воевать со своей обидчицей. Объ этомъ пѣли народные рапсоды, объ этомъ слагали стихи въ духѣ народнаго эпоса неизвѣстные поэты. Передо мной лежитъ одна изъ такихъ „народныхъ пѣсенъ“, сочиненныхъ въ 1908 г. Она такъ характерна, что я приведу изъ нея нѣсколько строкъ, которыя, правда, сильно теряютъ въ прозаическомъ переводѣ: „Далъ Богъ сербамъ удачу, дошелъ до насъ голосъ Черной горы. Князь Николай войско собралъ, на подборъ славныхъ черногорцевъ. Поглядываетъ на сербскую землю: когда же сербы ударятъ на швабовъ, со своими храбрыми юнаками хочетъ онъ напасть съ другой стороны. Веселы стали сербы, начали готовить оружіе, почистили быстролетныя ружья, привезли убійственныя пушки. Молятся праведному Богу, чтобы Онъ послалъ имъ счастья и геройства, чтобы Онъ пробудилъ и другихъ славянъ, да ударятъ они вмѣстѣ на шваба и зарубятъ злого негодяя, эту проклятую змѣю Австрію. Благъ Господь, услышалъ ихъ молитву: пробудилъ русскихъ и хорватовъ, пробудилъ чеховъ и поляковъ и всѣхъ остальныхъ славянъ. Да ударятъ они вмѣстѣ на швабовъ, дружно сломятъ швабскую силу, выгонятъ ее изъ Босны и изъ храброй земли Герцеговинской, да очистятъ они всѣ славянскія земли и отторгнутъ ихъ отъ проклятаго шваба. Богъ это дастъ, и сбудется такъ, и желаніе мое исполнится!“

Вотъ что переживали осенью 1908 года всѣ сербы. Это было общее настроеніе, охватившее весь народъ безъ различія партій и классовъ. И старый черногорскій князь, не мало получившій самъ въ свое время отъ Австріи, долженъ былъ теперь подчиниться обще-

[1]) Подробности въ моей книгѣ „Славянскій Міръ“, 1915, и въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи Сербіи, Болгаріи и Черногоріи съ 1900 г. и вошедшихъ въ изданіе т-ва Гранатъ „Исторія нашего времени“.

народному стремленію. А Россія, ничего для себя не искавшая на Балканскомъ полуостровѣ, опять засіяла въ глазахъ православнаго славянскаго населенія лучезарнымъ свѣтомъ, опять предстала передъ нимъ въ своемъ старомъ истинномъ видѣ заступницы и покровительницы. Въ трудную минуту были забыты временные счеты, и чѣмъ больше грозилась Австрія устами своей военной газеты „Danzer's Armee-Zeitung", чѣмъ энергичнѣе ея военная партія настаивала на оккупаціи Сербіи, тѣмъ яснѣе становилось послѣдней, что Австрія сама по себѣ ничего не рѣшится сдѣлать, потому что „заплечье" Сербіи, Россія, грозно выжидаетъ ея первыхъ шаговъ. Аннексію пришлось признать, но неизбѣжность войны между Россіей и Австріей уже тогда стала ясна, и вмѣстѣ съ тѣмъ было несомнѣнно, что война начнется именно ради защиты славянства отъ австрійскаго гнета.

Засѣданіе сербской скупщины.

Когда въ 1911 г. началась война между Турціей и Италіей, всѣ разнообразные интересы державъ, связанные съ существованіемъ „больного человѣка", пришли въ движеніе. Съ этихъ поръ, какъ горная лавина, покатились событія, приведшія, наконецъ, къ катастрофѣ міровой войны. Заволновалась и Австрія, военный органъ котораго „Danzer's Armee-Zeitung" принялся давать недвусмысленные совѣты воспользоваться положеніемъ. Ставился ребромъ и другой вопросъ: слѣдуетъ ли Австріи помочь Италіи или предоставить ей самой разрѣшить триполитанскую проблему. „При конфликтѣ Австро-Германіи съ западными державами и Россіей Италія можетъ принять участіе своей арміей и своимъ флотомъ. Въ случаѣ конфликта Австро-Германіи съ одной Россіей Италія не обязана оказывать помощь, и тѣмъ скорѣе уклонится отъ этого, что съ Россіей у нея нѣтъ никакихъ столкновеній или шероховатостей". Такъ начиналась одна изъ статей этого органа (2 ноября 1911 г.) въ первые моменты турецко-итальянской войны. Отсюда былъ уже легокъ переходъ къ предостереженіямъ, какъ бы Австрія не упустила подходящаго момента, тѣмъ болѣе, что уже вскорѣ появились и посыпались, какъ изъ рога изобилія, проекты перераспредѣленія европейскихъ державъ и т. п. Теперь, однако, уже нельзя

было и предлагать какой-либо компромиссъ между Австріей и Сербіей. Ихъ интересы окончательно разошлись, и „Газета Данцера“ постоянно съ тревогой возвращается къ „великой славянской гегемоніи Россіи“ (4 янв. 1912 г.). Вообще, несомнѣнное пробужденіе сочувствія къ славянству въ Россіи вызывало живую тревогу въ Австріи. Надо было спѣшить: недаромъ военные круги „лоскутной монархіи“ твердили не переставая, что традиціонная ошибка Австріи заключается въ пропускѣ удобныхъ случаевъ.

Удобные случаи представились въ изобиліи, когда годъ спустя на Балканскомъ полуостровѣ началась новая война. Союзъ Болгаріи и Сербіи, составленный не безъ участія русской дипломатіи и установившій важный принципъ русскаго арбитража, являлся побѣдой славянства надъ австрофильской политикой главы Болгаріи, короля Фердинанда. Всѣ мы помнимъ, какъ блестящи были первые шаги славянства въ этой войнѣ: одинъ городъ за другимъ переходили во власть союзниковъ; Черногорія, руководимая своимъ королемъ, который передъ прелестью новой войны съ турками не могъ устоять и, наконецъ, рѣшительно почувствовалъ

Сербскій наслѣдный королевичъ АЛЕКСАНДРЪ и предсѣдатель совѣта министровъ ПАШИЧЪ.

себя „славяниномъ“, взяла цѣлый рядъ городовъ въ Албаніи и Старой Сербіи, а Сербія, уже тогда показавшая удивительныя качества своихъ войскъ, наконецъ, добилась цѣли своихъ давнишнихъ завѣтныхъ стремленій. Ея войска стали твердой ногой на Адріатическомъ морѣ у Алессіо; выходъ въ море, наконецъ, былъ достигнутъ.

И вотъ произошла заминка. Теперь, изъ разоблаченій итальянскихъ дипломатовъ, мы знаемъ, что Австрія уже тогда хотѣла броситься на свою сосѣдку, и что только Италія воздержала ее отъ этого. Но объ этомъ можно было догадываться и въ ту пору, по рѣшительному отказу Австріи и Германіи согласиться на сербскія пріобрѣтенія на Адріатическомъ побережьѣ.

На Лондонской конференціи, собравшейся осенью того же года, обрисовалось уже вполнѣ отчетливо положеніе вещей, приведшее вскорѣ къ европейской войнѣ: Россія, Франція и Англія отстаивали славянскіе интересы, Германія и Австрія были рѣшительно противъ нихъ, Италія колебалась, заявляя, что и она опасается сербскихъ завоеваній на берегу Адріатики. Естественнымъ образомъ, Россія явилась представительницей сербскихъ и черногорскихъ стремленій въ продолженіе всей войны, хотя желаніе избѣжать войны, уже тогда навязываемой Россіи, заставляло нашу дипломатію иногда отступаться отъ своихъ намѣреній, предлагая

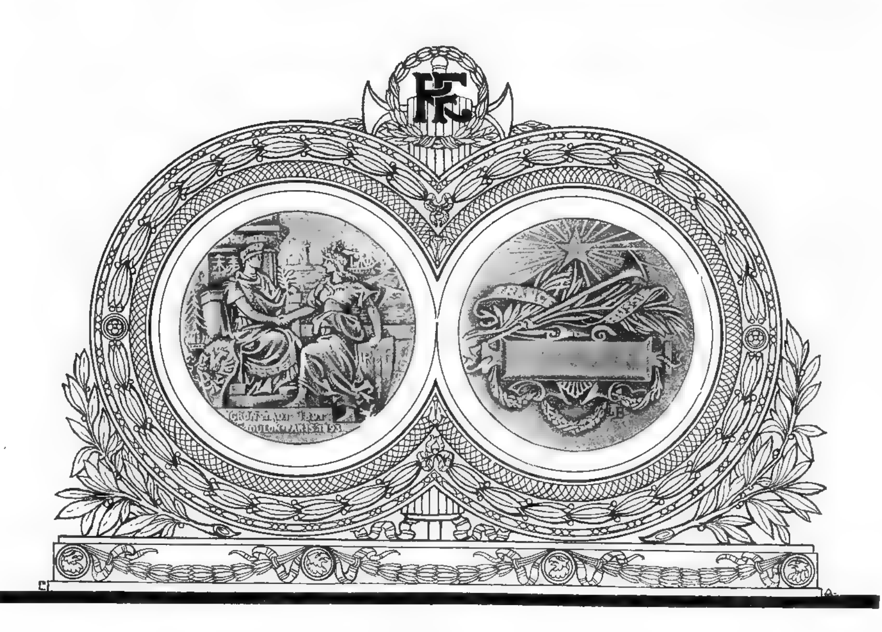
Сербіи ограничиться меньшимъ. Министръ Сазоновъ писалъ 27 ноября 1912 г. слѣдующее: „Согласно сообщенію сербскаго посланника, его правительство имѣетъ основанія опасаться, будто Австрія въ теченіе недѣли сдѣлаетъ рѣшительный шагъ, чтобы заставить Сербію отречься отъ Адріатическаго порта. Военныя мѣры, принимаемыя Австріею, объясняются, по мнѣнію Бѣлградскаго кабинета, именно этой цѣлью, а также желаніемъ создать поводъ вмѣшательства, съ цѣлью отодвинуть границу территоріальныхъ пріобрѣтеній Сербіи по возможности на востокъ и включить въ Албанію Призренъ... Мы идемъ на предварительное совѣщаніе пословъ,—прибавлялъ къ этому Сазоновъ,—желая... оказать самую дѣятельную поддержку Сербіи". На этотъ разъ война была предотвращена. Но вскорѣ австро-германская дипломатія придумываетъ новый предлогъ для своего недовольства Сербіей и Черногоріей. Поразительнымъ образомъ Болгарія ея нисколько не тревожитъ, и стоитъ познакомиться съ Оранжевой русской и Зеленой румынской книгами, чтобы увидѣть, что никакія пріобрѣтенія Болгаріи не приводятъ въ волненіе канцелярій Берлина и Вѣны. Не то - Сербія и Черногорія. Первую удалось унизить, показавъ ей, что, захотѣла Австрія, и Сербія оказалась попрежнему за албанскими горами. Что же касается Черногоріи, то Австрія такъ же категорически заявила свое veto по поводу Скутари. Еще 2 марта 1913 г. нашъ посолъ въ Берлинѣ писалъ, что „Берлинскій кабинетъ намѣревается безотлагательно поставить на видъ Сербскому и Черногорскому правительствамъ: 1) безцѣльность дальнѣйшаго пролитія крови подъ Скутари въ виду того, что вопросъ этотъ обсуждается державами, и участь Скутари останется въ ихъ рукахъ даже въ случаѣ взятія крѣпости, 2) недопустимость дальнѣйшаго сосредоточенія войскъ и военныхъ запасовъ въ Дураццо, 3) необходимость немедленнаго очищенія отъ войскъ Албаніи". Въ половинѣ апрѣля Скутари пало, но оно досталось не Черногоріи, а Албаніи.

Такъ, событія послѣднихъ восьми лѣтъ тѣсно связали русскую политику съ сербско-черногорской. Россія явилась теперь уже не просто могущественной защитницей маленькихъ славянскихъ народовъ, но именно союзницей ихъ, стремящейся, какъ и они, какъ и Франція и Англія, къ тому, чтобы сломить, наконецъ, гнетъ Германіи, взявшей въ свои руки и Австрію. Столѣтія предшествующихъ отношеній Россіи къ православному Востоку принесли, какъ зрѣлый плодъ, ради котораго росло, жило и цвѣло растеніе, общую борьбу сербовъ и русскихъ съ исконнымъ врагомъ славянства.

Проф. А. Л. Погодинъ.

Памятникъ Кара-Георгія въ Калимегданѣ.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ.

Статья проф. Е. В. ТАРЛЕ.

I.

Съ того самаго времени, какъ Россія при Петрѣ I сдѣлалась замѣтною величиною, съ которою приходилось серьезно считаться европейскимъ дипломатамъ,—не прекращались попытки установить между обѣими державами союзныя, или, по крайней мѣрѣ, дружественныя отношенія. Была такая склонность и у Петра около того времени, когда онъ совершилъ путешествіе во Францію въ малолѣтство Людовика XV; было тѣсное дипломатическое сотрудничество, окончившееся общимъ выступленіемъ Франціи и Россіи противъ Фридриха II при Елизаветѣ Петровнѣ; и обнаруживалось явное желаніе вступить въ союзъ съ Франціей въ послѣдній годъ царствованія Павла I; формальный союзъ былъ заключенъ въ іюньскіе дни 1807 года въ Тильзитѣ между Наполеономъ и Александромъ I; быстро прогрессировало сближеніе между Николаемъ I и Карломъ X въ послѣдніе годы Реставраціи (1827—1830),—сближеніе, рѣзко оборванное іюльскою революціей 1830 года; въ 1857—1860 гг., тотчасъ послѣ Крымской кампаніи, въ Европѣ много говорили о назрѣвающемъ соглашеніи между императорами Александромъ II и Наполеономъ III, но слухамъ этимъ былъ положенъ конецъ вмѣшательствомъ Наполеона III въ польскій вопросъ. Уже эти періодическія возвращенія обоихъ правительствъ на протяженіи почти 200 лѣтъ къ мысли о желательности и возможности союза показываютъ, что были налицо нѣкоторыя общія, постоянныя условія, которыя наталкивали невольно на эту идею.

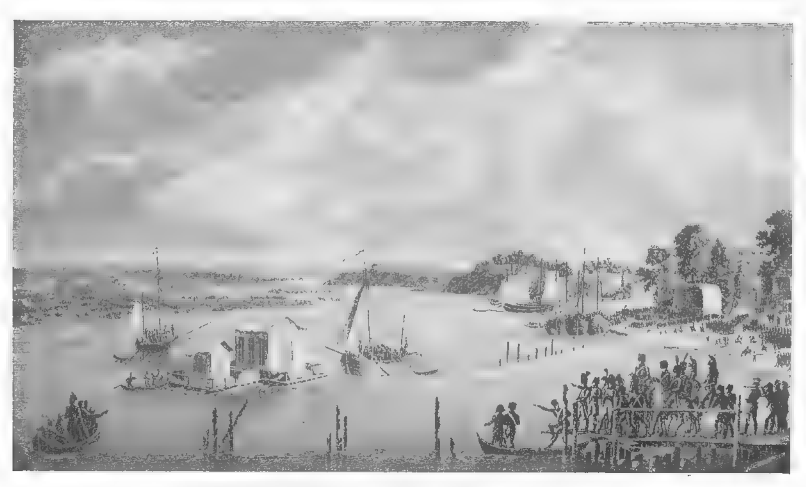

Президентъ французской республики

РАЙМОНДЪ ПУАНКАРЭ.

Франція и Россія нигдѣ на земномъ шарѣ не соприкасаются своими владѣніями; между ними никогда не было и не можетъ быть никакого экономическаго соперничества; ихъ историческія задачи и чаянія ни въ малѣйшей степени не сталкиваются и не мѣшаютъ другъ другу. Войны между Франціей и Россіей никогда не приносили ни побѣжденной, ни побѣдившей сторонѣ никакихъ ощутительныхъ выгодъ, но всегда бывали полезны центрально-европейскимъ державамъ и, иногда, Англіи. Эти кричащіе факты до такой степени бросались въ глаза, что, собственно, послѣ каждой войны и французская и русская дипломатія могли бы обратиться другъ къ другу съ тѣмъ недоумѣннымъ вопросомъ, съ которымъ Наполеонъ обратился къ Александру I на нѣманскомъ плоту, въ Тильзитѣ: „изъ-за чего мы воюемъ?“

Но послѣ франко-прусской войны 1870—1871 гг. и послѣ утвержденія германской гегемоніи въ Европѣ наступило время, когда продолжать прежнія ошибки, недоразумѣнія и т. п. было

Свиданіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I съ НАПОЛЕОНОМЪ въ 1807 г.
Съ грав. Лимо, сдѣланной по рисунку Лорье.

бы уже совершенно непростительною аберраціею съ обѣихъ сторонъ,—когда союзъ пересталъ быть только возможнымъ и желательнымъ, но начиналъ становиться гнетуще-необходимымъ.

Еще война 1870—71 гг. протекала при не вполнѣ выяснившемся и очень раздѣленномъ отношеніи русскаго общественнаго мнѣнія къ событіямъ. А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ самое ярое германофильство высшихъ сферъ, составлявшее контрастъ настроенію широкихъ круговъ русской интеллигенціи. Въ петербургскихъ высшихъ сферахъ происходило бурное ликованіе по поводу каждой германской побѣды, какъ если бы эти побѣды шли на пользу не Пруссіи, а Россіи. Императоръ Александръ II объявилъ Вильгельму I, что будетъ держаться „благожелательнаго нейтралитета“ (la neutralité bienveillante) по отношенію къ Пруссіи. Между императорами происходила переписка, обмѣнъ телеграммами и поздравленіями. Тѣсныя родственныя и дружественныя связи между обоими Дворами вообще оказывали могущественнѣйшее воздѣйствіе на русскую политику какъ при Николаѣ I, такъ и при императорѣ Александрѣ II. Но нужно сказать, что и среди русской интеллигенціи горячее сочувствіе къ Франціи было больше всего замѣтно лишь послѣ Седана и, особенно, послѣ начала осады Парижа, а въ первые дни войны многіе и въ этой средѣ относились съ враждебнымъ чувствомъ къ вызывающему образу дѣйствій Наполеона III въ эпоху переговоровъ объ устраненіи кандидатуры принца

Гогенцоллерна на испанскій престолъ,—да и, вообще, къ личности французскаго императора и къ французскому режиму. (Впослѣдствіи это двойственное, колеблющееся вначалѣ настроеніе русской интеллигенціи относительно франко-прусской войны хорошо обрисовалъ М. Е. Салтыковъ въ своихъ очеркахъ *„За рубежомъ“*). Но въ послѣдніе мѣсяцы „страшнаго года“ въ широкихъ слояхъ русскаго общества окончательно опредѣлилось горячее сочувствіе къ Франціи. Конечно, ни малѣйшихъ политическихъ послѣдствій это сочувствіе не имѣло.

Вильгельмъ I по окончаніи войны особою телеграммою сердечно благодарилъ императора Александра II за его отношеніе къ Пруссіи во время войны, и отправилъ въ 1871 году депутацію въ Петербургъ на праздникъ Георгіевскихъ кавалеровъ. А въ 1872 году и слѣдующіе годы уже заговорили о „союзѣ трехъ императоровъ“ (германскаго, австрійскаго и русскаго), — и изолированное положеніе Франціи казалось фактомъ, который на всѣ предвидимыя времена останется неизмѣннымъ. Бисмаркъ не скрывалъ, что онъ радъ установленію республики во Франціи, такъ какъ благодаря этому обстоятельству затруднится заключеніе союза Франціи съ какою-либо изъ большихъ монархій Европы. Республика, по широко распространенному въ германскихъ правящихъ сферахъ мнѣнію, была органически неспособна заключить союзъ съ иной державой (nicht *bündnisfähig*). Здѣсь сказывались пережитки временъ Священнаго Союза и позднѣйшія традиціи эпохи Меттерниха, Николая I, Фридриха-Вильгельма IV. Бисмаркъ, сумѣвшій освободиться отъ очень многихъ дипломатическихъ предразсудковъ и затхлыхъ вѣрованій, удержавшихся отъ первой половины XIX вѣка, въ данномъ случаѣ впалъ въ грубую ошибку.

Князь ГОРЧАКОВЪ.

Эта ошибка обнаружилась не сразу; франко-русскій союзъ былъ заключенъ лишь спустя двадцать лѣтъ, но уже черезъ четыре года послѣ побѣдоносной войны 1870—71 гг. Бисмаркъ убѣдился, что изолированіе Франціи удалось ему не всецѣло и что въ случаѣ новой войны „благожелательный нейтралитетъ“ Россіи далеко не обезпеченъ. Русскій канцлеръ кн. Горчаковъ уже въ 1870—71 гг. вовсе не такъ горячо сочувствовалъ Пруссіи, какъ выше его стоявшіе; онъ съ давнихъ поръ слѣдилъ за успѣхами Бисмарка не безъ серьезнаго безпокойства. Тьера, пріѣхавшаго въ разгаръ войны, осенью 1870 года, въ Петербургъ просить помощи, Горчаковъ принялъ съ большою теплотою и какъ человѣкъ, который самъ знаетъ, что надо бы помочь, но безсиленъ въ данный моментъ что-либо сдѣлать. Вообще, Горчаковъ былъ нѣкоторымъ исключеніемъ въ томъ кругу безусловно германофильски настроенныхъ лицъ, который окружалъ императора Александра II. Непримиримая ненависть, которою дышитъ каждая строка, написанная или продиктованная Бисмаркомъ о Горчаковѣ, ясно показываетъ, что Бисмаркъ очень хорошо зналъ, какую именно роль играетъ русскій канцлеръ въ тѣхъ или иныхъ выступленіяхъ петербургской дипломатіи. Серьезная тревога, возникшая въ 1875 году, доказала совершенно ясно, что довершить разгромъ Франціи Бисмарку *не* удастся безъ активнаго вмѣшательства Европы.

Уже въ 1874 году были нѣкоторые признаки, какъ бы указывавшіе на новое, затѣваемое Германіей нападеніе на Францію. Въ концѣ 1874 года принцъ Уэльскій, будущій король Эдуардъ VII, далъ знать въ Парижъ о томъ, что, по слухамъ, ближайшею весною Франція

должна ждать объявленія войны. Главною причиною внезапно создавшейся тревоги было желаніе военныхъ круговъ Германіи ни въ коемъ случаѣ не допустить полнаго военнаго возрожденія Франціи и разгромить ее окончательно раньше, чѣмъ она оправится. Быстрые успѣхи французской военной реорганизаціи послѣ пораженія 1870—71 гг. казались этимъ кругамъ опасными. 8-го апрѣля 1875 года въ газетѣ „Post“ появилась явно внушенная статья *Ist Krieg in Sicht?* Подъ рукою Бисмаркъ старался вывѣдать, каково будетъ отношеніе Россіи къ новой войнѣ. Въ Петербургъ былъ посланъ фонъ-Радовицъ, которому, однако, не удалось заручиться обѣщаніемъ нейтралитета: кн. Горчаковъ категорически отказался признать, что Германіи угрожаетъ со стороны Франціи какая бы то ни была опасность.

Русскій посолъ въ Лондонѣ гр. Шуваловъ, бывши проѣздомъ въ Берлинѣ, тоже далъ понять, что затѣя не можетъ пройти гладко. Въ безпокойство пришелъ и Лондонъ. Королева Викторія обратилась къ императору Александру II съ просьбою посодѣйствовать сохраненію мира. Александръ II прибылъ въ Германію (куда онъ, впрочемъ, и до того времени собирался) и получилъ отъ Вильгельма I увѣреніе въ полной, якобы, неосновательности слуховъ о войнѣ. Тотчасъ же Горчаковъ циркулярною телеграммою увѣдомилъ всѣхъ русскихъ пословъ при державахъ, что миръ можетъ считаться обезпеченнымъ. А 13-го мая 1875 года въ органѣ имперскаго канцлера *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* появилась замѣтка, окончательно опровергшая тревожные слухи. Бисмаркъ впослѣдствіи отрицалъ серьезность положенія 1875 г., но не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что пробные шары, весьма вѣроятно даже безъ вѣдома Вильгельма I, пускались имъ, и пускались весьма обдуманно и систематически. Во всякомъ случаѣ результатомъ онъ не могъ быть доволенъ: выяснилось, что ни Россія, ни Англія на этотъ разъ не склонны повторить своей ошибки, въ которой онѣ были такъ виновны предъ собою въ 1870—71 гг., и не останутся пассивными зрителями расправы съ Франціей.

Зданіе русскаго посольства въ Парижѣ.

Но и послѣ эпизода 1875 года отношенія между обѣими державами еще очень долго не налаживались. Въ Россіи всемогущія при императорѣ Александрѣ II германофильскія вліянія мѣшали франко-русскому сближенію; во Франціи общество было поглощено долгою и трудною борьбою республиканской партіи за утвержденіе республики, да и состояніе арміи было еще далеко не таково, чтобы можно было рискнуть вести сколько-нибудь активную внѣшнюю политику. Французскія правящія сферы во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія нерѣдко обнаруживали прямую боязнь, какъ бы Бисмаркъ ихъ не заподозрилъ въ желаніи сблизиться съ Россіей, и когда замѣчали подобныя поползновенія, то спѣшили довести объ этомъ до свѣдѣнія германскаго канцлера. Онъ самъ язвительно надъ этою манерою подшучивалъ въ разговорѣ со своимъ конфидентомъ и журналистомъ Бушемъ, сравнивая французскую республику съ благонравной женой, которая спѣшитъ сообщить мужу о сдѣланномъ ей безчестномъ предложеніи. Когда Берлинскій конгрессъ значительно охладилъ германофильство петербургскихъ высшихъ сферъ, и (съ 1879 года) отношенія между Россіей и Германіей бывали временами очень натянутыми, то и тогда сближенія между Россіей и Франціей не послѣдовало.

Дипломатическая и военная подготовка завоеванія Туниса поглощала въ 1879—1881 гг. почти все вниманіе французскаго правительства, а такъ какъ все тунисское дѣло было затѣяно подъ прямымъ вліяніемъ Бисмарка, желавшаго отвлечь Францію отъ европейскихъ дѣлъ и одновременно поссорить ее съ Италіей,—то ясно, что думать въ эти годы еще и о демонстративномъ сближеніи съ Россіей Франція никакъ не могла. Собственно, всю горечь изолированнаго положенія Россія начала испытывать именно въ это время. Но императоръ Александръ II не могъ никогда долго сердиться на своего дядю Вильгельма I,—и уже въ 1880 году отношенія между двумя Дворами стали улучшаться. А тутъ еще подоспѣло дѣло Гартмана, очень раздражившее русскія правительственныя сферы противъ Франціи. Гартманъ, одинъ изъ участниковъ ноябрьскаго желѣзнодорожнаго покушенія 1879 года подъ Москвою, былъ арестованъ въ Парижѣ, на улицѣ. Русское правительство потребовало его выдачи но, послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, Гартманъ былъ высланъ изъ Франціи; его выдача была отклонена. Это вызвало въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" замѣтку, враждебную французскому кабинету, а во французской радикальной прессѣ—нѣсколько рѣзкихъ характеристикъ русской внутренней политики.

Зданіе русскаго посольства въ Парижѣ (видъ со стороны сада).

Таково было положеніе вещей, когда произошло событіе 1-го марта 1881 года. Новый государь считался въ Германіи враждебно настроеннымъ противъ нѣмцевъ и нѣмецкаго преобладанія въ русской политикѣ. Въ этомъ мнѣніи, очень распространенномъ въ Европѣ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II, было много соотвѣтствовавшаго дѣйствительности. Берлинскій конгрессъ, въ особенности, произвелъ на цесаревича тягостное впечатлѣніе. Бисмарку онъ не вѣрилъ нисколько,—изолированное положеніе, въ которомъ онъ засталъ Россію, не могло не представляться ему прямымъ и обдуманнымъ послѣдствіемъ бисмарковской политики: или Россія пойдетъ заодно съ Германіей, или окажется въ опасномъ одиночествѣ.

Такова была видимая альтернатива.

Императоръ Александръ III съ этою альтернативою не желалъ мириться, и со временемъ сдѣлалъ все, отъ себя зависящее, чтобы найти третій выходъ изъ положенія. Но пока, въ 1881 г. и въ ближайшіе годы, онъ, по обстоятельствамъ, съ этою альтернативою считался. Внутреннія условія поглощали все его вниманіе, къ успѣшной активной политикѣ страна, вообще, оказывалась совершенно неготовою. Первые шаги новаго русскаго правительства были, поэтому, таковы, что, казалось, традиціонная дружба съ германскимъ дворомъ ни въ какомъ случаѣ не должна была и впредь поколебаться. Первыя же заявленія новаго правительства (циркуляръ, разосланный министерствомъ иностранныхъ дѣлъ всѣмъ русскимъ представителямъ и т. п). опредѣленно говорили не только о мирѣ, но и о сохраненіи „*традиціонныхъ* симпатій". Осенью 1881 года произошло (въ Данцигѣ) свиданіе императора Александра III съ Вильгельмомъ I, въ 1882—1883 гг. происходили свиданія русскаго министра Гирса съ Бисмаркомъ, наконецъ, въ 1884 г. состоялось новое свиданіе императора (въ Скерневицахъ) и было заключено секретное соглашеніе между Германіей, Австріей и Россіей, главнымъ пунктомъ котораго было обѣщаніе договаривающихся сторонъ сохранять дружественный нейтралитетъ относи-

Кабинетъ президента французской республики.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію".

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

тельно той изъ нихъ, которая вступитъ въ войну съ любою четвертою державой. Другими словами, Германія гарантировала себя съ востока на случай войны съ Франціей. Единственною державою, которая ничего не выигрывала отъ скерневицкаго соглашенія, была Россія. Поѣздка ген. Скобелева въ Парижъ, гдѣ онъ произнесъ анти-германскую рѣчь, была дезавуирована правительствомъ.

Но каждый годъ приносилъ русскому правительству все большую и большую возможность дѣйствовать спокойнѣе и самостоятельнѣе; а съ другой стороны, присоединеніе Италіи къ австро-германскому союзу чрезвычайно усилило позицію Бисмарка и Австріи, и это тотчасъ же отозвалось на гораздо болѣе активной политикѣ центральныхъ имперій въ странахъ Балканскаго полуострова. Жестокое обостреніе русско-болгарскихъ отношеній, вскорѣ дошедшее до открытаго дипломатическаго разрыва между Россіей и Болгаріей, раздражало русскую дипломатію и подчеркивало изолированное положеніе Россіи въ Европѣ. Отношенія между Россіей и Англіей тоже оставляли желать весьма многаго.

Для обѣихъ изолированныхъ державъ, какъ Россіи, такъ и Франціи, сближеніе диктовалось самымъ повелительнымъ образомъ. Кампанія, предпринятая (съ большимъ успѣхомъ) въ Германіи съ цѣлью дискредитированія русскихъ бумажныхъ денегъ, напоминала о важномъ значеніи дружбы съ богатою французской республикою. Во Франціи, съ 1882 года, съ пріѣзда въ Парижъ ген. Скобелева, не переставали въ прессѣ, во вліятельныхъ салонахъ вродѣ салона г-жи Аданъ мечтать о союзѣ. На первыхъ порахъ предстояло устранить кое-какія мелкія тренія.

Во время третьяго министерства Фрейсинэ произошелъ эпизодъ, который могъ бы затормозить дѣло франко-русскаго дипломатическаго сближенія, если бы оно не диктовалось слишкомъ безапелляціонно обстоятельствами. Фрейсинэ, недовольный французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, генераломъ Аппэромъ, внезапно уволилъ его отъ должности (въ февралѣ 1886 г.), не предупредивши объ этомъ русскаго императора, который какъ-разъ чрезвычайно благоволилъ къ Аппэру. Александръ III приказалъ Моренгейму тотчасъ же взять отпускъ и выѣхать изъ Парижа. Размолвка продолжалась болѣе полугода, но окончилась вполнѣ благополучно: французское посольство въ Петербургѣ перешло въ руки Лабулэ, который тоже сумѣлъ понравиться.

Но вскорѣ послѣ этого произошло событіе чрезвычайно большого, принципіальнаго значенія, впервые выдвинувшее отчетливо впередъ вопросъ о тѣсномъ дипломатическомъ сотрудничестрѣ Франціи и Россіи. Произошло оно въ самомъ началѣ 1887 года, когда въ Парижъ прибыла болгарская депутація, объѣзжавшая столицы съ цѣлью добиться поддержки противъ Россіи. Это былъ моментъ обостренія длительнаго русско-болгарскаго конфликта; рѣчь шла объ окончательномъ уничтоженіи русскаго вліянія въ Болгаріи и замѣнѣ его вліяніемъ австрійскимъ. Въ аудіенціи, данной болгарскимъ делегатамъ 9 января 1887 года, Флурансъ (занявшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Гоблэ) рѣшительно высказался въ пользу Россіи и не только не обѣщалъ Болгаріи никакой поддержки, но прямо посовѣтовалъ вспомнить, что Россія создала самостоятельность Болгаріи. Александръ III, до свѣдѣнія котораго тотчасъ же было доведено объ этой аудіенціи, остался чрезвычайно доволенъ всѣмъ, происшедшимъ. Съ этого времени Франція и Россія начали рука объ руку выступать во всѣхъ Балканскихъ дѣлахъ; что же касается, въ частности, Болгаріи, то императоръ Александръ III, прервавшій всякія дипломатическія отношенія съ этою страною, получалъ всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ, что творится въ Болгаріи, чрезъ посредство французскаго посланника въ Софіи.

Попытки Бисмарка въ эти годы (1886—1888) запугать Францію призракомъ войны, искусственно создаваемыми и раздуваемыми дипломатическими и пограничными инцидентами (въ родѣ дѣла Шнебеле), раздражали и въ самомъ дѣлѣ тревожили Францію. „Буланжизмъ“ далъ Бисмарку въ руки еще нѣкоторыя нужныя ему карты. Мечта о союзѣ съ Россіей захватывала во Франціи все болѣе и болѣе широкіе круги, становилась популярною даже среди самыхъ далекихъ отъ „высшей политики“ слоевъ населенія.

Собственно, уже съ 1887 года, повидимому, стремленіе къ сближенію съ Франціей настолько созрѣло въ русскихъ дипломатическихъ сферахъ, что никакія обстоятельства не могли этой цѣли помѣшать. Нечего и говорить, что со стороны Франціи дѣлалось все для устраненія возможныхъ треній. Въ 1888 году произошелъ эпизодъ съ экспедиціей казака Ашинова, который, отправившись въ Абиссинію, попалъ на французскую территорію въ Обокѣ, гдѣ его отрядъ и подвергся обстрѣлу со стороны французскаго военнаго судна. Хотя вся эта экспедиція была, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, весьма плохо продуманной (да и очень мало поддержанной) авантюрою, хотя формально русское правительство было какъ бы въ сторонѣ, но непріятное впечатлѣніе въ петербургскихъ сферахъ все-таки получилось,—и французское нападеніе на Ашинова нѣсколько мѣсяцевъ дѣятельно эксплуатировалось петербургскими германофилами. Нельзя не признать, конечно, что и французскія власти обнаружили совершенно некстати и безъ малѣйшей нужды столь исключительную энергію въ очищеніи нисколько не угрожаемой маленькимъ отрядомъ Ашинова территоріи. На министерство Гоблэ посыпались горькіе упреки и нареканія со стороны лицъ, давно мечтавшихъ о франко-русскомъ союзѣ. Другое осложненіе возникло было очень скоро послѣ ашиновскаго эпизода, — но было еще быстрѣе ликвидировано: русское правительство нѣкоторое время подумывало воспретить русскимъ подданнымъ принимать участіе (въ качествѣ экспонентовъ) во всемірной парижской выставкѣ 1889 года, на томъ основаніи, что эта выставка должна была явиться какъ бы празднествомъ въ честь столѣтняго юбилея великой революціи.

ФРЕЙСИНЭ.

Нечего и говорить, что если бы петербургскимъ реакціоннымъ сферамъ удалось осуществить это мѣропріятіе, французское правительство сочло бы себя глубоко оскорбленнымъ. До запрещенія дѣло не дошло; все ограничилось лишь тѣмъ, что русское правительство не приняло никакого *офиціальнаго* участія въ парижской выставкѣ. Пресса обѣихъ странъ поспѣшила замять этотъ эпизодъ, и онъ не имѣлъ никакихъ вредныхъ послѣдствій. Министерство Фрейсинэ-Рибо, конституировавшееся весною 1890 года, могло быть петербургскимъ сферамъ болѣе по душѣ, чѣмъ предшествовавшіе кабинеты болѣе радикальной окраски. Тогда же, весною 1890 года, произошелъ эпизодъ, который, если вѣрить лицу, столь близкому къ русскому посольству тѣхъ временъ, какъ Жюль Гансенъ, сыгралъ тоже свою роль въ исторіи франко-русскихъ отношеній. По настояніямъ агента, отправленнаго въ Парижъ министромъ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, французскія власти 29 мая 1890 года арестовали нѣсколько русскихъ эмигрантовъ по обвиненію въ террористическихъ замыслахъ. „Франція, такимъ образомъ"—пишетъ Жюль Гансенъ (L'alliance franco-russe, 57)—„нашла случай оказать значительную услугу царю. Энергичное поведеніе французскаго правительства произвело живѣйшее впечатлѣніе на Александра III, который поручилъ своему министру внутреннихъ дѣлъ поблагодарить отъ его имени г. Лабулэ, французскаго посланника въ Петербургѣ". Сверхъ того, префектъ полиціи и французскій министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ удостоены были благодарности и наградъ. „Живѣйшее удовольствіе императора не ограничилось этимъ; онъ получилъ доказательство, что на Францію можно разсчитывать, и все заставляетъ думать, что онъ серьезно приготовился къ сближенію съ нами" (тамъ же, 58).

Быть-можетъ, Жюль Гансенъ выражается здѣсь съ слишкомъ ужъ большою горячностью; его книга написана въ значительной степени на основаніи свѣдѣній, которыя онъ получалъ прямо или косвенно отъ барона Моренгейма; а баронъ могъ быть склоненъ возвеличивать историческое значеніе всего этого эпизода, въ которомъ самъ онъ игралъ дѣятельнѣйшую роль. Такъ или иначе, даже вполнѣ независимо отъ этихъ эпизодовъ, общія политическія условія не переставали напоминать о необходимости дипломатическаго сближенія между обѣими державами и эпизодъ 29 мая 1890 года былъ, все же, послѣдствіемъ, но не причиною этого сближенія.

Если французскій республиканизмъ и русскій консерватизмъ того времени вступили между собою въ союзъ и дружбу, то не потому, конечно, что между ними появилась внутренняя симпатія принциповъ. Въ Петроградѣ болѣе чѣмъ когда-либо отрицательно относились ко всему, отдаленно напоминавшему основные принципы, на которыхъ покоилась французская государственная жизнь. Среди препятствій, которыя пришлось превозмочь государственнымъ дѣятелямъ обѣихъ странъ раньше, чѣмъ осуществить идею союза, не послѣднее мѣсто должно отвести этому основному разногласію по самымъ кореннымъ государственно-правовымъ и внутренно-политическимъ вопросамъ, какое существовало между Россіею конца XIX столѣтія и Франціею. Правда, руководящіе дѣятели обѣихъ державъ твердо рѣшили, что это разногласіе должно быть *совершенно* оставлено безъ вниманія, что слишкомъ дорого и Россіи и Франціи обошлось въ ихъ прошломъ стремленіе сообразовать тѣ или иныя дипломатическія комбинаціи со своими симпатіями или антипатіями къ внутренней политикѣ чужихъ державъ; что франко-русскій союзъ есть, прежде всего, страхованіе собственной безопасности для обѣихъ странъ.

РИБО.

Но эта точка зрѣнія, на которой, въ концѣ концовъ, укрѣпились и съ которой ни разу не сошли сколько нибудь замѣтно оба правительства, не была и не могла быть, конечно, мгновенно усвоена *всѣмъ* русскимъ или *всѣмъ* французскимъ обществомъ. И для полнаго уразумѣнія той обстановки, среди которой создавался франко-русскій союзъ, необходимо коснуться и этой стороны дѣла—оппозиціонныхъ теченій, направленныхъ въ той или иной степени противъ разсматриваемой политической комбинаціи.

Нужно оговориться, что наиболѣе вліятельный изъ русскихъ консервативныхъ публицистовъ—Катковъ былъ, при всей враждебности къ основамъ французскаго строя, рѣшительнымъ сторонникомъ дипломатическаго сближенія съ Франціей, и еще съ конца царствованія Александра II усвоилъ себѣ тонъ враждебности и недовѣрія относительно Бисмарка и его политики. Съ начала царствованія императора Александра III этотъ тонъ особенно усилился въ руководимыхъ Катковымъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Поль Деруледъ, г-жа Аданъ и другіе дѣятели „Лиги патріотовъ“, наиболѣе рѣшительно агитировавшіе въ пользу союза, часто, по незнанію русскихъ обстоятельствъ, преувеличивали до курьезныхъ размѣровъ роль Каткова въ созданіи франко-русскаго сближенія и приписывали ему значеніе чуть что не вдохновителя и иниціатора всей этой дипломатической комбинаціи. Упроченію этого заблужденія въ малоосвѣдомленныхъ кругахъ французскаго общества не мало способствовалъ и Ціонъ, въ своей книгѣ *Histoire de l'entente franco-russe* (1894), выдвинувшій на первый планъ Каткова,

и заодно себя самого—въ роли протагонистовъ франко-русскаго союза. Этотъ объемистый памфлетъ, полный личныхъ и очень желчныхъ нападокъ, разоблаченій, жалобъ и т. д. въ первый же годъ своего появленія вышелъ въ двухъ изданіяхъ.

Въ противоположность Каткову кн. Мещерскій и другіе публицисты того же лагеря были враждебны союзу.

Русская церковь въ Парижѣ. *Рис. П. Вилл.*

До какой степени реакціонно настроенные круги высшаго русскаго общества были внутренно нерасположены къ самой идеѣ сближенія съ Франціей, явствуетъ изъ того, что они вели дѣятельную и упорную борьбу противъ всякихъ попытокъ сближенія—не только путемъ закулисныхъ интригъ, но и выступая открыто въ русской и заграничной печати. Эти круги стремились изо всѣхъ силъ доказать и Россіи и Европѣ, что франко-русскій союзъ никогда не выйдетъ изъ области праздныхъ и пустыхъ разглагольствій и не претворится въ дѣйствительность. Нечего и говорить, что нѣмецкая пресса внимательно слѣдила за подобнаго рода литературою и исправно знакомила съ нею германскую публику. Напримѣръ, когда въ сентябрѣ 1887 года появилась брошюра кн. Николая Голицына, имѣвшая цѣлью „оправдать" память Каткова отъ подозрѣній во франкофильствѣ, то сейчасъ же эта брошюра была переведена на нѣмецкій языкъ (съ особо выраженнаго согласія автора) [1]). Кн. Голицынъ является самымъ яркимъ убѣжденнымъ и краснорѣчивымъ представителемъ враждебныхъ франко-русскому союзу высшихъ сферъ—въ тѣ времена, когда въ этихъ сферахъ еще считалось возможнымъ и удобнымъ выступать противъ ненавистной имъ комбинаціи—съ открытымъ забраломъ. (Послѣ Кронштадта и, особенно, послѣ Тулона подобныя открытыя выступленія становятся несравненно рѣже,—и возобновляются только въ концѣ девятидесятыхъ годовъ XIX вѣка, а особенно—послѣ 1905 года).

[1]) Импер. Публ. Библ.,—13. VIII. $^{5}/_{46}$. Die französisch-russische Allianz ...beleuchtet vom Fürsten Golitzyn. Mit dessen Genehmigung in's Deutsche übertragen. Berlin, 1887. Стр. 38.

Съ картины Э. Детайля.

Ихъ Императорскія Величества ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и ФЕЛИКСЪ ФОРЪ, президентъ французской республики, отбываютъ на вокзалъ послѣ маневровъ въ Шалонѣ.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію".

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА. Москва.

ИЗДАНІЕ
Д. Я. МАКОВСКАГО
МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

1. Герцогъ Веллингтонъ, 2. Лобо-да-Сильвейра, 3. Салданья, 4. Гр. Лёвенгіельмъ, 5. Кн. Гарденбергъ, 6. Гр. де-Ноайль, 7. Кн. Меттернихъ, 8. Гр. Латуръ-Дюпенъ, 9. Гр. Нессельроде, 10. Гр. Пальмелла, 11. Виконтъ Кестельри, 12. Герцогъ Дальбергъ, 13. Бар. Вессенбергъ, 14. Кн. Разумовскій, 15. Лордъ Стюартъ, 16. Гомецъ Лабрадоръ, 17. Гр. Кланкарти, 18. Г. Вакенъ, 19. Кав. Генцъ, 20. Бар. Гумбольдтъ, 21. Гр. Каткартъ, 22. Кн. Талейранъ, 23. Гр. Стакельбергъ.

ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ 1815 г.

Съ картины И. Изабей, гравировано Ж. Годефруа.

Издание Д. Я. МАКОВСКАГО
„Союзники въ борьбѣ за цивилизацію".

ПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, М скве.